

**АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ СТРАН АЗИИ И ЕВРОПЫ**

На правах рукописи

ХАМРОКУЛОВА ЗЕБНИСО УСМОНОВНА

**ТЕОРИЯ И КРИТИКА ПОЭЗИИ В «ШЕЪР-УЛ-АДЖАМ»-
ШИБЛИ НУМАНИ**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Специальность: 10.01.08. – Теория литературы. Текстология.

Научный руководитель: доктор
филологических наук, член -
корреспондент Академии наук
Республики Таджикистан
Мирзо Муллоахмад

Душанбе -2020

Содержание

Введение	3-15
ГЛАВА I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ШИБЛИ НУМАНИ	
1.1. Жизнеописание Шибли Нумани.	16-31
1.2. Научно - исследовательские произведения Шибли Нумани.....	32-41
ГЛАВА II. ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ИНДИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ КРУГУ	
2.1. Из истории литературных воззрений в индийском литературном кругу	42-56
2.2. Проблематика «Шеър-ул-Аджам»	57-73
ГЛАВА III. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И КРИТИКИ ПОЭЗИИ В «ШЕЪР-УЛ-АДЖАМ»	
3.1. Исследование и восприятие поэзии в призме эстетических взглядов Шибли Нумани	74-96
3.2. Воображение и его сущность в «Шеър-ул-Аджам»	97-109
3.3. Подражание (мухокот) с точки зрения Шибли Нумани	110-120
3.4. Средства художественной выразительности поэзии по определению Шибли Нумани.....	121-143
Заключение	144-148
Библиография	149-165

Введение

Актуальность исследования. Одним из важных источников формирования и развития каждой литературы является изучение и восприятие достижений литературы других народов. Произведения, созданные нашими предками на таджикском языке одновременно являются и общим наследием всех народов, проживающих в различных странах и говорящих на персидско-таджикском языке. Сосуществование и сотрудничество фарсиязычных народов с народом Индии, начавшиеся в далекой древности, продолжают и по сей день, благодаря им на небосклоне культуры этой страны появились сотни персиязычных поэтов и исследователей художественного слова.

Шибли Нумани (1857-1914) входит в кагорту выдающихся ученых, посвятивших свою жизнь исследованию тысячелетней персидской литературы. Благодаря новым методам и новаторским научным взглядам на историю литературы он обрел мировое признание и авторитет видного ученого Востока. Личность Шибли, не только как выдающегося ученого, но и как человека проницательного и дальновидного, прозорливого политика занимает особое место в истории культуры и литературы Индии и заслуживает всесторонне глубокого изучения. Будучи одним из ярких государственных деятелей, он всегда ратовал за мирное сосуществование и единство разноплеменных и многоконфессиональных народов своей страны, был сторонником политики Национального Конгресса Индии. Неслучайно эта область деятельности Шибли, в свое время, получила высокую оценку выдающегося политика Индии Джавахарлала Неру [135,102].

Шибли Нумани также внес весомый вклад в развитии и совершенствовании науки и образования, внедрении преподавания и обучения языка урду в школах. В противовес взглядам и воззрениям ученых традиционалистов, он неукоснительно боролся за использование и развитие новых современных образовательных методов.

Таджикский ученый Абдуллоджон Гаффоров в книге «Персоязычная поэзия Индии и Пакистана во второй половине XIX и XX вв.» [Ш.81], размышляя о просветительской деятельности Шибли Нумани, подчеркнул, что: «Будучи одним из лидеров просветительского движения Индии, он пользовался заслуженной славой как в Азамгархе, так и в других регионах страны» [81,39].

В исследовании и изучении истории литературы и произведений литераторов, которые во все времена всегда нуждались в пронизательной и объективной критике, значимая роль принадлежит деятельности глубокомыслящих критиков, знающих истинные критерии оценки. Агитация, пропаганда и издание литературных взглядов современных теоретиков литературы и литературоведов предшествующих веков, способствуя дальнейшему развитию и совершенствованию науки и литературы, оказывают содействие в воспитании художественного вкуса эпохи. Значимость каждого произведения, прежде всего, определяется с учетом тех новаторских особенностей, которые оно несет в себе.

Шибли Нумани является первым исследователем и критиком, который изучив научные труды и персидские переводы книг таких европейских ученых, как Джеймс Дармстетер, Борбир де Минор (Франция), Теодор Нёлдеке, Б. Дорн (Германия), Эдвард Браун, Вилберфурс Кларк (Англия), В.А. Жуковский, С.Назарян (Россия) и многих других об истории персидско-таджикской литературы, осуществил свои исследования с опорой на восточно-западные научно-литературные воззрения и тем самым, открыл путь в этом направлении для будущих исследователей.

Суждения и размышления Шибли Нумани, а также критический анализ поэзии персоязычных поэтов, его воззрения относительно поэзии и её элементов, беспристрастное отношение и объективная оценка произведений художников слова составляют одно из главных направлений его научных исследований. В то же время, наряду с рассмотрением в «Шеър-ул-Аджам» жизни и творчества поэтов, социально-политической обстановки той или

иной эпохи, он размышляет о нерасторжимой связи литературоведения и теории литературы с философией, обществоведением, национальным самосознанием, менталитетом народов, традициями и обычаями различных наций. Шибли свои исследования осуществил с присущим ему новаторским подходом и тем самым способствовал заметным преобразованиям в персидской науке и литературе. Подчеркивая эту роль ученого, переводчик произведения Шибли с урду на персидский язык, Сайидмухаммадтаки Фахри Дои Геляни пишет следующее: «В поэтических произведениях персидской литературы, представляющих собой наше вечное, нетленное национальное достояние, до сего дня еще не было написано такой полновесной и всеохватывающей книги» [139, 4].

На самом деле эта книга подобная чистейшему жемчугу и являющаяся шедевром науки, может служить бесценным путеводителем для всех исследователей вступивших на трудную дорогу исследования истории персидско-таджикской литературы.

Степень изученности темы исследования. Исследование жизненного и творческого пути этого выдающегося ученого, его богатое содержательное наследие привлекало не только внимание востоковедов и литературоведов Индии но еще при его жизни было всегда предметом пристального изучения ученых всей Азии и Европы. Подтверждением тому могут служить монографические исследования, статьи и воспоминания ученых, философов, востоковедов и почитателей поэта в Индии, Пакистане, Иране, Афганистане, Турции, Арабских странах, Европе, Центральной Азии, России и других странах мира, посвященные его деятельности в различных областях науки. Таким образом, без всяких условностей, можно сказать, что бесценные и не теряющие своей значимости произведения Шибли Нумани могут служить богатым базовым материалом и неисчерпаемым источником для всех востоковедов Азии и Европы в их исследованиях персидско-таджикской литературы и художественного слова.

О жизни и творчестве Шибли на языке урду в Индии (городе Лакхнав) напечатана книга его ученика Мавлоно Сайида Сулеймана Надви «Жизнь Шибли» - («Хаёти Шиблӣ») [Ш. 210], «Чтения Шибли» - («Мутолиаи Шиблӣ») авторами которой являются Шуджоатали Синдилави и Назир Кокурави [Ш. 186] а также другая книга под названием «Шиблинаме», принадлежащая перу Шейха Мухаммада Икрома [Ш. 92].

В книгах, статьях и монографиях таких ученых Индии и Пакистана, как Мавлоно Хамидуддин Фарахи [Ш. 209], Абдул Кадир [Ш. 51], К.С. Канда [Ш. 206], Шамсуррахмон Фаруги [Ш. 210], Мохан Лал [Ш. 207], Мухаммад Ашраф Чаудхри [Ш. 208] и др. можно обнаружить ценные сведения о жизни и научных трудах Шибли Нумани.

Большинство ученых востоковедов, исследователей жизни и творчества Шибли Нумани признали его как одного из основоположников нового литературоведения во всех странах Востока. Благодаря особому научному стилю, новаторским суждениям о литературе и художественном слове он обрел заслуженный авторитет и пользовался особым почитанием среди востоковедов Европы, свидетельством чему могут служить следующие слова: «Из числа писателей Индии Шибли единственный, чьи сочинения всецело построены на основе глубокого научного анализа и соответствуют современным стилям и методам Европы» [139, 6].

Известный французский востоковед, исследователь книги «Авеста» Джеймс Дармстетер, дав высокую оценку научно-исследовательской деятельности Шибли Нумани, высказал следующие слова относительно различных граней его творчества: «Различие между гениальным Шибли Нумани и нами достаточно видеть в том, что он зреет литературу изнутри (ахлулбайт), мы же являемся востоковедами» [139, 6].

Выдающийся английский востоковед, профессор Эдвард Браун, называя «Шеър-ул-Аджам» бесценным произведением в области литературной критики, пишет: «В этой книге, без всяких сомнений, отражены лучшие критические взгляды и мысли относительно персидской поэзии» [Ш.

208]. Более того, акцентируя свое внимание на завершеном исследовании Шибли Нумани о Хафизе Ширази, он пишет, что: «Насколько мне известно, самым совершенным исследовательским прочтением творений Хафиза остается все та же книга «Шеър-ул-Аджам»» [123, 58].

Уместно отметить, что это произведение также пользуется огромной славой и авторитетом и среди ученых и востоковедов России, которые в своих исследованиях по истории персидской науки и культуры постоянно обращаются к ней. Показательно, что один из величайших исследователей персидской литературы, автор книги «История персидско-таджикской литературы» Е.Э.Бертелс, часто цитируя Шибли и выражая свое высокое уважение к его произведению, называет «Шеър-ул-Аджам» «уникальным по своей значимости творением о персидской поэзии» [61, 382].

В истории персидско-таджикской литературы особая заслуга принадлежит персоязычным авторам антологий Индии. Другой известный советский востоковед И.С.Брагинский, называя «Шеър-ул-Аджам» важнейшим источником информации относительно персоязычных поэтов, писал следующее: «Более полная и ценная информация о поэтах, представленная в антологиях прошлых эпох, нашла своё отражение в «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани» [66, 240].

Известный востоковед Г. Алиев в книге «Персоязычная литература Индии», которая признана «первым исследованием» [52, 3] в этом направлении, отмечая заметную лепту индийских ученых, в исследовании и распространении персоязычной литературы Индии, высказал следующие слова относительно Шибли и его произведения: «В этом направлении несколько бесценных исследований принадлежат перу Шибли Нумани» [52, 11].

Другой русский востоковед Н.И.Пригарина [II. 148] в одном из своих первых исследований об индийском стиле - «Индийский стиль и его роль в персидской поэзии», посвященном рассмотрению характерных особенностей этого литературного направления, роли индийского стиля в истории

персоязычной литературы Индии и персидской поэзии, наряду с ссылками на статьи таких известных востоковедов, как Е.Э.Бертельс, В. Гайнс и А. Баузани, также нередко упоминает и «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани. Она считает Шибли первым исследователем, который обратившись к вопросу источников зарождения индийского стиля, высказал свои научно-обоснованные суждения и поэтому востоковеды Востока и Запада в большей степени опирались на исследование Шибли. Высоко оценивая заслуги Шибли в изучении данного вопроса она подчеркивает, что: «Шибли Нумани не только раскрыл особенности индийского стиля, выявил ключевые фигуры её последователей, но также осуществив полноценный анализ произведений шестерых из них, показал индивидуальные черты их творческой манеры и высказал свои соображения относительно появления и развития данного стиля поэзии» [148, 72].

Востоковед А.А.Суворова [II. 169] в книге «Ностальгия по Лакхнау» раскрывая суть основных суждений и толкований Шибли Нумани в книге «Шеър-ул-Аджам» относительно особенностей индийского стиля и творчества поэтов - последователей данного стиля, в качестве основного источника использовала и другую книгу ученого, под названием «Равноценность творчества Аниса и Дабира».

Высокую оценку произведениям Шибли, помимо вышеуказанных ученых, высказали и такие известные иранские и таджикские литературоведы, как Саид Нафиси [II. 143], [II. 144], Сохиб Табаров [II. 168], Мирзо Муллоахмад [II. 115], [II. 116], Нуриддин Саид [139, 5], Абдухолик Набави [II. 139], Нурмухаммад Амиршохи [II. 56] и др. В частности, иранский ученый Саид Нафиси в своем предисловии к пятому тому «Шеър-ул-Аджам» написал: «Это первое сочинение (тетрадь), созданное рукой проникательного и умного мужа, проникшего своим тонкими анализами в сердцевину этого неисчерпаемого кладезя, которым является персидская литература» [140, 8] и мы можем утверждать, что эта бессмертная книга «увекочила имя Шибли Нумани» [140, 8].

Высказываясь относительно научных изысканий исследователей жизни и творчества Абуабдулло Рудаки, литературовед Сохиб Табаров подчеркивает, что: «XX век подарил человечеству трех величайших рудакиведов, одним из которых является Абдулгани Мирзоев а двое остальных - это Шибли Нумани со своим сочинением «Шеър-ул-Аджам» и Сайид Нафиси с книгой «Жизнь и поэзия Абуабдулло Джафар бинни Мухаммада Рудаки самаркандского»» [Ш. 168].

Другой таджикский ученый Мирзо Муллоахмад, подчеркивая великую заслугу Шибли в исследовании истории и теории таджикско-персидской литературы, называет «Шеър-ул-Аджам» «не только его научным шедевром, но и всего литературоведения Востока» [116, 370].

Персидская поэзия и литература, с периода своего зарождения по нынешние дни, притягивающая к себе внимание всего человечества всегда служила источником вдохновения многих исследователей и почитателей высокого художественного слова. Отмечая влюбленность и очарованность Шибли Нумани в эту литературу, Абдухолик Набави «...причиной появления такого фундаментального исследования о персидской поэзии и, в какой-то степени, истории литературы персоязычных народов» видит как результат его широкого круга чтения и владения этим богатейшим художественным материалом [139,10].

Шибли Нумани также написал достаточно большое количество исследований, посвященных культуре исламской цивилизации, в которых рассуждает и размышляет относительно исламской религии, различных её направлений, личности религиозных деятелей а также тонкостей и превосходствах их учений. Таджикский ученый Нурмухаммади Амиршохи называет Шибли в этой области «первым исследователем нового научного направления в исламском востоке» [56, 20] .

Жизнь и научная деятельность Шибли Нумани нашла свое отражение в статьях таджикского ученого Абдуллоджона Гафарова, опубликованных в газете «Маориф ва маданият» [Ш.77], [Ш.78] под названиями «Персидская

поэзия в Индии» - «Шеъри форсӣ дар Ҳиндустон» и «Коротко о Шибли Нумани» - «Мухтасар дар бораи Шиблии Нуъмонӣ», в журналах «Шарки сурх» [II.76], «Садои Шарк» [II.79], [II.80] под заголовками «Взгляд на литературу урду XVIII-XIX веков и таджикоязычную литературу Индии» - «Назаре ба адабиёти асрҳои XVIII-XIX урду ва тоҷикзабони Ҳинд», «Персоязычная поэзия Индии» - «Назми форсизабони Ҳиндустон» и «Несколько образцов поэзии Шибли Нумани» - «Чанд намуна аз ашъори Шиблии Нуъмонӣ». В разделе «Персидская поэзия в Аъзамгархе» - «Назми форсӣ дар Аъзамгарх» книги «Персоязычная поэзия Индии и Пакистана во второй половине XIX и XX вв. » - «Назми форсизабони Ҳиндустон ва Покистон дар нимаи дуюми асрҳои XIX ва XX» [II.81], изданной А.Гаффаровым в 1975 году рассмотрены жизнь и произведения Шибли.

«Шеър-ул-Аджам» произведение, служащее ключом разгадки многих секретов, тонкостей и художественно-эстетических особенностей персидско-таджикской литературы. По этой причине таджикский литературовед Т.Зехни отмечал, что в процессе написания книги «Искусство слова» [90, 34)] наряду с другими произведениями столпов художественной словесности он обращался и к «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани.

Дополнительная информация о жизнедеятельности Шибли и его книге «Шеър-ул-Аджам», благодаря стараниям литературоведа Амрияздона Алимардонова, предоставлена также в «Энциклопедии литературы и искусства Таджикистана» [II. 54, [II. 55].

Позже, в период государственной независимости, при всесторонней поддержке Президента страны Эмомали Рахмона, наряду с выдающимися книгами «Цикл исламских произведений», как дань уважения Абуханифы Нумана ибни Собита в 2009 году Нурмухаммадом Амиршохи [II. 56], на кириллице, была издана книга Шибли Нумани под названием «Туъфат-ул-амон фи сирати-н-Нуъмон».

Также многочисленные статьи таджикских литературоведов: Замиры Гаффаровой «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани и восприятие таджикской

поэзии» [II. 83] в газете «Садои мардум», Джамолиддина Саидзода «Рудаки в «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани» [II. 160] в газете «Садои мардум», Абдурауфа Муроди «Шеър-ул-Аджам» нетленный памятник литературы» [II. 127] в газете «Омузгор» и «Саид Нафиси: Шибли - тонкий мастер критики» [II. 128] в газете «Адабиёт ва санъат», Мирзо Муллоахмада «Издание ценного произведения» в книге «Исследования по иранистике» [II. 116] и др., опубликованные в периодической печати знакомят таджикского читателя с различными гранями жизни и творческой деятельности Шибли Нумани.

В 2016 году на основе перевода Сайидмухаммадтаки Фахри Доии Гиляни и под редакцией члена-корреспондента АН РТ Мирзо Муллоахмада нами был подготовлен к печати четвертый том книги «Шеър-ул-Аджам», который послужил первоисточником в написании нашей диссертационной работы.

Благодаря стараниям таджикского ученого Абдухолика Набави и под редакцией академика Носирджона Салими в 2017 году на кириллице, была напечатана книга «Шеър-ул-Аджам» [II. 140] в пяти томах, что стало бесценным даром для поклонников художественного слова, ученых и литераторов. Также весьма полезные и ценные сведения о Шибли Нумани и его произведении «Шеър-ул-Аджам» в разделе «Поправки и издание персидско-таджикских рукописных копий в Индии», вошедшем в книгу «Текстология художественных произведений», предоставил Абдуманнони Насриддин [II. 49], [II. 50].

Насколько мы знаем, в нашей стране в 2005 году была завершена докторская диссертация Саида Ахмадова [II. 47], на тему «Философия теологии в современном мире», один из подразделов которой посвящен философским воззрениям Шибли Нумани о теологии.

В 2017 году Рахим Каримов [II. 101], защитил свою кандидатскую диссертацию на тему «Реформаторские исламские взгляды Шибли Нумани» .

Цель и задачи исследования. В статьях и монографических работах исследователей, посвященных жизнеописанию и творениям Шибли Нумани, о которых упоминалось выше, подчеркиваются широта его знаний в области истории религии, различных вероисповеданий, философии, культуры и литературы, исламской цивилизации, а также его непревзойденное и тонкое исследовательское мастерство. Однако, литературно-эстетические воззрения Шибли, его взгляд на поэзию и стихотворчество так и не стали предметом отдельного исследования. Это обстоятельство побудило нас акцентировать свое внимание на суждениях и размышлениях Шибли Нумани относительно персидской поэзии, рассмотреть его критические мысли о её формировании, периодах взлета и падений, достижений и кризиса. Как уже нами было отмечено, наша цель, прежде всего заключается в исследовании теории и критики поэзии в «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани.

Для достижения поставленной **цели** было необходимо выполнить следующие основные задачи:

- изучение жизни и научного наследия Шибли Нумани;
- обзор развития истории теории литературы в литературном кругу Индии;
- рассмотреть литературоведческие мысли и взгляды Шибли в данном произведении;
- раскрыть особенности научных взглядов Шибли Нумани в познании поэзии и её сущности в «Шеър-ул-Аджам» ;
- определить роль и место толкования и комментирования художественного воображения с точки зрения Шибли Нумани;
- изучение подражания и его сути в исследовании Шибли;
- выявить роль использования средств художественного изображения (сравнения, метафоры, гиперболы, аллюзии) в стихах поэтов Аджамы и критических взглядов Шибли относительно их.

Теоретические и методологические основы исследования. Диссертация написана с опорой на традиционное литературоведение, привлечение

широкого круга научных работ по истории персидско-таджикской литературы, теории литературы, литературную критику и персоязычную литературу Индии. В процессе исследования мы использовали научный опыт и теоретические работы известных зарубежных и отечественных литературоведов, как: Е.Э. Бертелс [П. 61], И.С.Брагинский Н.И. [П. 66] Пригарина [П. 148], Г.Ю. Алиев [П. 52], Ахмад Гулчини Маони [П. 107, Саид Нафиси [П. 143], [П. 144], Абдулхусайни Зарринкуб [П. 89], С.Айни [П. 3], Т.Зехни [П.90], А. Гаффоров [П.77], [П.78], [П.79], [П.80], [П.81], А. Алимардонов [П.54], [П.55], М. Муллоахмад [П. 115], [П.116], А.Сагторзода [П. 154], [П.155], [П. 156], [П.157] и др.

Объектом исследования является ценный труд индийского ученого Шибли Нумани «Шеър-ул-Аджам» .

Предметом исследования диссертации является литературно-критическое воззрение Шибли Нумани, а также теория и критика поэзии в его книге «Шеър-ул-Аджам» .

Научная новизна диссертации определяется постановкой и решением указанных задач, введением в научный оборот малоизученного материала, касающегося жизни и творчества Шибли Нумани. Также тем, что впервые в современном литературоведении рассматривая «Шеър-ул-Аджам» как важный и бесценный источник в изучении истории персидско-таджикской литературы, исследуются взгляды Шибли Нумани на теорию литературы и литературную критику. Наряду с вышесказанным, в диссертации изучению и анализу подвергаются размышления мыслителя и ученого относительно познания поэзии и стихотворчества, также вопросы влияния предшественников на её формирование и совершенствование, раскрывается роль и место использования художественного воображения, подражания и средств художественной изобразительности в творениях поэтов Аджам. На этой основе рассмотрены взгляды современных исследователей на критические воззрения Шибли Нумани

Теоретическая значимость исследования. В диссертации доказан неопределимый вклад Шибли Нумани как исследователя истории персидско-таджикской литературы. Научные результаты данного диссертационного исследования могут способствовать решению целого ряда теоретических вопросов персидско-таджикской литературы.

Основные источники исследования. Основным источником, на основе которого выполнено исследование, является четвертый том «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани. Также нами были использованы важные научные источники «Поэтика» Аристотеля [I.2], «Книга исцеления» Абуали ибн Сино [I.1], «Сады волшебства» - (Хадойк-ус-сехр) Рашидаддина Ватвота [I.14], «Кабуснаме» Унсуралмаоли Кейкавус [I.23], «Общности» - (Алмуъджам) Шамса Кайса Рази [I.35], [I.36], «Критерии стихов» - (Меъёр-ул-ашъор) Ходжа Насириддина Туси [I.38], [I.39] и другие.

Практическая значимость исследования. Материалы по проблематике диссертации могут быть использованы в качестве основы для базовых и специализированных курсов по изучению персидско-таджикской литературы с периода её зарождения до XVII века, рассмотрения проблем теории и критики литературы, проведения научных семинаров для специальностей филологии в высших учебных заведениях, составления учебных рекомендаций по персоязычной литературе Индии.

Положения выносимые на защиту:

- восстановление более полной картины жизни Шибли Нумани и созданных им произведений на основе информации, отраженной в существующих и доступных источниках, научных работах отечественных и зарубежных ученых;

- ввод сведений в научный обиход по истории теории литературы в литературных кругах Индии, так как исследуемый труд написан на основе сведений литературных и исторических источников;

- выявить основные вопросы, затрагиваемые в «Шеър-ул-Аджаме» как литературного источника, ценного и значимого своей научной направленностью, служащего базовым материалом изучения истории персидско-таджикской литературы и литературных связей;

- определение особенностей научных воззрений Шибли в познании поэзии и её сущности в данном произведении;

-определить роль и место толкования и комментирования художественного воображения с точки зрения Шибли Нумани;

- раскрыть роль подражания (мухокот) и его сущность в контексте исследования Шибли Нумани;

- исследование роли использования средств художественного изображения в стихах поэтов Аджамы и критический взгляд Шибли Нумани на них.

Апробация диссертации. Основные положения и выводы диссертации отражены в статьях автора, опубликованы в рецензируемых изданиях включенных в перечень ВАК Минобрнауки Российской Федерации. По результатам исследования опубликовано 2 монографии: «Теория и критика поэзии в «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани (200 страниц); «Шибли Нумани «Шеър-ул-Аджам» т.4. (переложение с арабского шрифта на кириллицу со словарем и комментариями 309 страниц).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании отдела Среднего и Ближнего Востока Института изучения проблем стран Азии и Европы (протокол № 9 от 08.11. 2019 г.) Академии наук Республики Таджикистан.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, восьми подразделов, заключения и библиографии, включающей 217 наименований источников, научной литературы и других материалов.

ГЛАВА I. ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ШИБЛИ НУМАНИ

1.1. Жизнеописание Шибли Нумани

Шибли Нумани относится к числу выдающихся писателей и ученых конца XIX и начала XX веков, своими многогранными и полновесными произведениями, получивших заслуженную славу и почет не только в Азии, но также и в пространстве всей Европы. Он был личностью, обладающей необъятными занятиями в области истории культуры и литературы, философии исламской цивилизации, в силу чего современники обращались к нему с большим уважением, с почетными прозвищами «Аллома» – (Ученый муж), «Мавлоно» и «Шамсулуламо» - (Светочь науки). Этот выдающийся исследователь свободно владевший английским, французским, турецким, персидским и арабскими языками, читал и творил на этих языках. Шибли Нумани был первым исследователем, взошедшим на арену персидской литературоведческой науки с совершенно новыми взглядами и методами исследования и анализа. Сочетая их с современными исследованиями ученых Запада он заложил основы здравого научного мышления и, поэтому был признан востоковедами Европы исследователем первой величины и одной из ярчайших звезд науки Востока.

Шибли Нумани родился 4-го июня 1857г. в селении Биндвал, провинции Азамгарх (в штате Уттар Прадеш) Индии в семье Шейха Хабибулло и Мукимы Хатун. Его предки, происходили из касты брахманов, но в третьем поколении его прадед, Сияромсанг, принял исламскую религию и стал называться именем Сироджуддин [56,16].

Отец Шибли был образованным человеком и придавал серьёзное внимание воспитанию и образованию своих детей. Поэтому старшие братья будущего ученого Мехди Хасан, Мухаммад Исхак, Мухаммад Джунайид и Мухаммад получив высшее образование в Лондоне (Великобритания), после возвращения на родину, занимали адвокатскую должность в

Верховном Суде города Аллахабад. Сам Шибли, получив начальное образование в своем родном Биндвале, затем поступает на учебу в медресе города Азамгарх. В возрасте 19 лет он освоив все общепринятые науки, с целью совершенствования своих знаний, отправляется в города Джунпур, Газипур, Рампур, Сахаронпур и Лахор. Его учителями в глубоком освоении философии, логики, теологии, истории и литературы становятся такие известные ученые его времени, как Мавляна Форуки Чириёкути, Мавляна Иршод Хусайн, Мавляна Фазлул Хасан Сахаронпур и Мавляна Ахмад Али Сахаронпур [81, 92].

Настойчивые старания и природный дар, которыми Шибли отличался среди своих современников, позволили ему занять особое положение в обществе. Во время учебы Шибли его учитель по философии и математике, очарованный уникальными способностями и талантом своего ученика, в часы занятий всегда обращался к нему со словами «анта шибли», то есть «львенок». По прошествии лет Шибли взял это слово своим литературным псевдонимом.

Талант и мастерство его также были, в равной степени, ярко выражены в сочинении стихов на персидском и арабском языках. Сам поэт намекая на этот свой дар, в одном из своих стихотворений того времени, восклицал:

Ба њар майдон намудам турктозї

Бихондам номаи туркию тозї.

Гање аз «Лавњ»- и Розї хондаам њарф,

Гање аз њарфи тозї бастаам тарф.

Гање андар мањоми лањни Шероз

Шудам бо Ањлию Сањдї њамовоз.

Гање дар базмгоњи нањмасозї

Сухан рондам ба оњанги њильозї.

њасудо, он фурузон гавњарам ман,

Ки шамњи ман ба њар базмест равшан.

[94, 23-24)]

*На многих ристалищах как тюрк воевал,
На арабском и тюркском свободно читал.
Порой мыслям Розы в его «Лавхе» внимал,
Порой на арабском стихи сочинял.
Порой на языке сладчайшем ширазском,
С Саади и Ахли в беседы вступал.
Порой на пиру, где музы звучали,
Я песни на хиджазкий лад исполнял.
Завистники (соперники), жемчуг сверкающий я,
От того, что на пиру горит ярко свеча моя.*

Шибли, по завершении учебы, отправляется в Арабистан (Судовская Аравия). Во время своего путешествия он на некоторое время останавливается в Медине. С целью пополнения своих знаний и совершенствования в науках, работает в знаменитой своими богатыми хранилищами книг библиотеке этого города. Также в этом городе он получил возможность беседовать и встречаться с известными учеными, результат которых описал, по возвращении на родину, в книге «Сафарнаме». Это путешествие оказало глубокое воздействие на формирование мировоззрения Шибли и послужило мощным толчком в создании глубоконаучных произведений. В ту пору ему было всего лишь 25 лет.

В 1882 году состоялась встреча Шибли с предводителем интеллигенции Индии, основателем Колледжа (теперешний Мусульманский университет), Саидом Ахмадханом (1817-1898), которая стала новым поворотным этапом в его жизни.

Вместе они приложили немало усилий для распространения достижений европейской науки и культуры среди мусульман Индии. Джавахарлал Неру, подчеркивая роль просветительской деятельности Саида Ахмадхана, в своей книге «Открытие Индии» пишет, что «Мавляна Шибли

Нумани является одним из его (Саида Ахмадхана -Х.З.) единомышленников и последователей» [135,102]. В ту пору Шибли Нумани был известен как выдающийся ученый в области философии, истории, а также персидской и арабской литературы. Поэтому Саид Ахмад пригласил его для сотрудничества в Алигарх. Шибли был сильно привязан к своему отчому дому, малой родине, поэтому в большинстве случаев он отказывался от приглашений различных близких и далеких научно-литературных учреждений провинций Индии. Свои чувства и состояние души в период разлуки с родным очагом, во время первого путешествия, он изобразил следующими словами:

*То напиндорї, ки хуррам меравем,
Аз ватан бо чаими нурнам меравем.
Аз гудози шуълаи гам њамчу шамъ
Базмъоро карда баръам меравем...*

[94,38]

*Чтоб не подумал ты, что с радостью уходим,
Из родины, с глазами, полных слез уходим.
От жара пламени печали, словно свеча
Пирь и веселье, забвению отдав, мы уходим.*

В первый раз Шибли на приглашение Саида Ахмада среагировал отрицательно, но позже уже не мог отказать просьбе своего друга. В 1883 году он прибыл в Алигарх и приступил там к деятельности в колледже, в должности профессора кафедры арабского и персидского языков. В годы своей работы в этом городе, наряду с преподавательской деятельностью, он также полностью отдался созданию научных произведений и стихов на языках урду и фарси. В этой обители науки Шибли знакомится с профессором Томасом Арнольдом, который преподавал английский язык студентам колледжа. Знакомство с этим ученым было полезным во многом. Так, под руководством профессора он освоил французский язык и благодаря

этому обогатился информацией о состоянии науки и литературы в странах Европы, что в дальнейшем применил при написании своих научных произведений, точнее в процессе создания «Шеър-ул-Аджам». Шибли питал к своему наставнику - профессору Арнольду, огромное уважение, о чем высказался следующим образом: «Арнольд мне наставник и друг» [94,46].

По словам Мавлоно Хабибуррахмона Шарвони: «Шибли повезло в том, что в ту пору профессор Арнольд - человек большого ума и поборник просветительства работал в колледже... Он воспитывал своих учеников с огромной любовью, но к Шибли он питал особо высокую привязанность и приложил немало усилий в совершенствовании его личности, как ученого и исследователя» [94, 46].

В годы своей деятельности в Алигархе Шибли, помимо знакомства и дружбы с Саидом Ахмадом, также сблизился и сотрудничал с целым рядом других образованных людей и руководителей просветительского движения в Алигархе, как Мавлоно Алтоф Хусайн Холи, Мухсинулмулук, мунши Каромат Али, Назир Ахмад и др. В новообразованном исламском колледже Алигарха, были созданы лучшие условия для воспитания и учебы студенчества. Вместе с Саидом Ахмадом Шибли Нумани и группой интеллигенции Алигарха постоянно совмещали поездки в различные провинции Индии, где выступая перед народом добивались помощи представителей просвещенной правящей прослойки общества на нужды и развитие колледжа.

Вот как вспоминает Шибли об одной из таких поездок в Хайдарабад: «Там состоялось заседание с руководством Икболуддавла на котором Саид (Саид Ахмадхан.-Х.З.) и другие уважаемые лица поведали об истинном состоянии дел в колледже и попросили помощи у правящих кругов этой провинции. Автор этих строк, будучи одним из просителей (попрошак), обратился с вопросом в таком тоне:

Эй бузургони гаронмояву асьоби кибор!

Эй азизони вафопарвару ихлосшиор!

*Нъель донед, ки мо роънавардони Дакан,
Нъель донед, ки мо тозагарибони диёр,
То чї лўему чї хоъему чї дар сар дорем?
Чї касонему расидем дар ин чо ба чї кор?...
То чї пеш омада, к-ин номваронро ба лъаъон,
Дар ба дар гаиштану дарюзагарї гаишт шиор?
«Шаръи ин киссаи лонсўз нагуфтан то кай?
Сўхтам, сўхтам, ин сўз нуъуфтан то кай? »*

[200, 14-15]

*О, вельможы, наделенные благородством, обладатели гордыни!
О, милые нашим сердцам верные, ратующие за преданность!
Известно ли вам, что мы пешие путники из Дакана,
Что мы новоявленные нуждающиеся этого края,
Чего ищем, чего жаждем, и что роется в наших умах?...
Что стало причиной того, что лозунгом этих благородных в мире,
Стало ходить от двери к двери и просить, попрощайничать?
«До коих пор не говорить о смысле этой тяжелой сердцу истории?
Сгорел, сгорел, о жаре этом всежжигающем молчать до коих пор?»*

Как один из передовых людей своего времени, Шибли всегда прилагал немало стараний для просвещения молодежи и призывал их к учебе в колледже, для получения знаний и научных навыков:

*То худ аз донишу фан ному нишон хоъад буд,
Бўйи ин файз бад-ин гуна равон хоъад буд,
То абад толиби фан рўй бад-ў хоъад кард,
То абад киблаи доништалабон хоъад буд.*

[186,51]

*Покуда следы науки и знаний будут яркими, как звезда,
Ароматом этого богатства будет вечно наполнена земля,
Жаждающие науки будут вечно стремиться к ней,*

Вечно она будет киблой (поклонением) жаждущих знаний.

Он твердо верил в совершенствование преподавания в колледже и приравнивал его иногда с центрами науки и образования Гарнотава и Оммана, Багдада и Исфахана:

*Баррасад бар дили мо ҳар кї бувад ғолиби фан,
Он ки гавъар талабад љониби Уммон гузарад.
Гар бад-ин гуна бувад гармии њангома мурод,
Худ зи Гарнотаву Бағдоду Сифоњон гузарад.*

[186, 54]

*Кто станет победителем в науках, наше сердце обретет,
Кто желает жемчугами обладать , в Омман пойдет.
Когда таким образом создается жар сенсации ,
То и сам славу Гарнотава, Багдада и Исфагана превзойдешь.*

На протяжении шестнадцати лет, которые Шибли отдал образованию и воспитанию студентов колледжа, он постоянно работал над повышением своих знаний в науке и исследовании. Свободное от преподавания время он проводил в библиотеке колледжа, которая считалась одной из известнейших библиотек Индии, за чтением книг и написанием своих научных произведений. Все внимание Шибли было приковано к научно-исследовательской работе, поэтому он, с целью совершенствования своих знаний и знакомства с достижениями науки в других странах отправился в путешествие. Наконец, 26 апреля 1892 года, по приглашению английского ученого профессора Томас Арнольда, в начале отправился в Турцию, где проживал некоторое время. Затем, продолжив своё путешествие, посетил города Каир и Бейрут. В этих научных и творческих путешествиях Шибли, ознакомившись с научно-литературными центрами Египта и Ливана, обязательно осматривал библиотеки и занимался чтением редких книг. Эти странствия и путешествия коренным образом изменили духовный мир

ученого и оказали на него глубокое воздействие, после чего он больше прежнего отдался научно-исследовательской и творческой деятельности. Важно подчеркнуть, что он также в своей книге «Путешествие по Египту, Шому и Константинополю» изобразил все свои впечатления и чувства от посещений библиотек и встреч с учеными мужами. В ноябре того же года Шибли возвратился в Индию. Возвращения великого наставника с нетерпением ждали как преподаватели, так и студенты колледжа Алигарх, они, встретив его торжественно и с большой радостью, зачитали несколько строк из таркиббанда самого Шибли:

*Косиди хушхабар имруз навосоз омад,
К-аз сафар ёри сафаркардаи мо боз омад.
Аз сафар Шиблии озода ба коллель расид,
Ё магар булбули Шероз ба Шероз омад?
Дўстон, мужда, ки он булбули хушлаъья дигар
Андар ин тозачаман замамапардоз омад...*

[204, 30-31]

*Вестник, с благой вестью, сегодня с песнями пришел,
Что друг наш, странствовавший долго, вновь пришел.
Шибли чистейший из путешествий в колледж вернулся,
Иль может это соловей Ширазский в Шираз пришел?
Друзья, вас извещаем, что тот сладкоголосый соловей
В этот цветник, свежцветущий с напевами пришел.*

6 декабря 1892 года руководство колледжа Алигарх устроило вечер встречи, посвященный возвращению Шибли из путешествий. На том вечере Шибли прочитал присутствующим следующие строки стихотворения, сочиненного им, под впечатлением от наблюдений во время странствий:

*...Нар кульо буд, зи нар гуша таматтуъ бардошт,
Нар кульо рафт, ба нар тоифа дамсоз омад.
Гоъ бо садрнишинони адаб гашт карин,
Гоъ бо ношиябӯсони шаъ анбоз омад.
Гоъ дар базми факеъони гаронмоя расид,
Гоъ дар наќќаи риндони назарбоз омад...
Дилаш аз заќќи сафар гарчи наёсуд, вале
Ёди ёрони ватан навсалапардоз омад
Лъазбаи шавќ даме рухсати ором надод,
Лольарам рӯ ба ватан карду инонтоз омад.
Рӯзияш гашт, ки имшаб зи санохони шумост
В-ин шараф мояи сад нозишу эъзоз омад...*

[204, 30-31]

*Где бы он ни оказался, всюду крупницы выгоды
Куда бы не отправился, с разным людом беседы держал.
Порой застолье близкое с знатью он делил,
Порой с стремянщиками царей, как ровня восседал.
Бывало, на пиру богословов ему удавалось сидеть,
Порой же с гуляками - риндами праздно пировал...
Пусть сердце его исстрадалось от долгих скитаний,
Думая о друзьях милых, твердо к родине свой путь держал.
Мысли о возвращении не давали мгновения покоя ему,
Повернувшись лицом к Родине, поводья к ней направлял.
Посчастливилось ему, что сегодня он вас прославляет,
И эту славу обрета, он обогащенным к вам свой путь держал.*

Каждый раз совершая путешествие в ту или другую страну, единственной своей целью он ставил совершенствование своих знаний в

науке и знакомство с культурой и цивилизацией иных народов, что выпукло отобразил в одной из своих од (касыд):

Баъри такмили фану ӯам паи таъсил ибар

Рӯзгорест, ки медоштам оъанги сафар.

[200, 23]

Желаньем знания обрести, до вершин наук дойти

Я, всю свою жизнь, странствуя, находился в пути.

Чтение книг и написание научных сочинений всегда для Шибли были наиважнейшим занятием, поэтому он, после кончины своего учителя и друга Саида Ахмадхана, оставив службу в колледже, из Алигарха перебрался в свой родной Азамгарх.

Шибли был личностью, который пользовался огромным авторитетом не только в обществе людей науки и культуры, но и среди правителей и политиков времени. Поэтому, когда правящие круги Хайдарабада приступили к осуществлению реформ в области науки и образования, они пригласили его к себе. Поскольку Шибли, желая плотно заняться научной деятельностью и написанием своих книг, отказался от руководства Мусульманского университета Хайдарабада, решил отказаться и от этого приглашения. Однако, через некоторое время все же дал своё согласие и отправился в Хайдарабад. Работая там, в течение пяти лет в должности советника отдела образования, внес огромный вклад в развитии и совершенствовании научной и литературной жизни, а также внедрении новых методов в системе образования. Благодаря его настойчивости и усилиям язык урду в Университете Хайдарабада стал основным языком преподавания, что было явлением в истории университетов Индии.

В городе Лакхнаве свою деятельность развернуло новое общество мусульманской интеллигенции, под названием «Надват-ул-уламо» - «Общество ученых». Шибли, вступив в ряды этого общества в 1902 году принимает участие в его годовом собрании. Впоследствии он становится

одним из самых активных членов данного общества, боровшегося за прогресс и свободомыслие народа. Неслучайно в 1904 году Шибли назначают председателем общества «Надват-ул-уламо». В период своей деятельности в этой должности, Шибли призывал своих единомышленников к активной борьбе по искоренению неграмотности, спасению народа от отсталости и невежества, внедрению новых передовых методов образования в стране. Конечно же, эти призывы и воззрения Шибли были по душе не всем членам данного общества, среди которых было немало ортодоксальных мусульман, несогласных с подобными идеями свободомыслителей. Поэтому Шибли в одном из своем стихотворении - таркиббанде порицает их:

*Бар чунин ӯодисаи саъб, ки бар мо афтод,
Чора он нест, ки аз аъди куъан дорї ёд.
Чора он нест, ки бар расми куъан таръ ниъї
Мактабу мадрасаъо дар ӯама атрофу билод.
То чї судат диъад он шеваи таълими кадим,
Ки ба рӯят дари ризке натавонист кушод.
Ин на хорї бувад, охир, ки пас аз касби улум
Дар раъи ваъз ба дарюза барої ношод!..*

[204, 61]

*Когда на долю нашу выпал такой трудный случай,
Не дело обращаться к воспоминаниям о былых временах.
Не выход в старую и ветхую одежду образования
Все школы и университеты страны одевать.
Какая польза от старых методов преподавания,
Которые не могут открыть тебе двери в достойную жизнь.
Разве это не оскорбление, когда отучившись наукам,
В бедственном положении образования ты выглядишь нищим!...*

Сам Шибли в обществе «Надват-ул-уламо» выступал сторонником совершенствования и использования новых методов образования, с опорой на достижения предыдущих наук, активно боролся за осуществление этих идей. Однако он хорошо понимал насколько трудно решить эту задачу:

*Гарчи ин маръала душворгузар афтодаст,
Пойро кор дар ин роъ ба хор афтодаст.
Дину дунё ба ӯам омехтан осон набувад,
Гӯиё киштию гирдоб ба ӯам афтодаст...*

[94, 113]

*Каким же трудноодолимым этот период оказался,
На пути к выходу из него ноги в колючках оказались.
Нелегко смешать религию и светский образ жизни,
Это подобно кораблю, что в пучине водоворота оказался.*

Предложенные Шибли передовые мысли и воззрения касательно реформ образования были приняты в штыки фанатичными учеными, в том числе и его наставником Мухаммадфоруком Чириёкути. В этой связи современный индийский ученый, автор «История литературы урду» Саид Эхтишом Хусайн, размышляя относительно идей и воззрений Шибли Нумани пишет: «Воззрения и сочинения Шибли отличаются своей ярковыраженной прогрессивной направленностью... Он даже критически высказывался в отношении политики Лиги мусульман, которая игнорировала интересы народов Индии» [193, 218-219].

Подчеркивая это направление деятельности Шибли русский индолог Г.М. Бонгард-Левин в книге «История Индии» пишет следующее: «Наряду с Абулкаломом Озодом и Мухаммадом Али, Шибли Нумани считается пропагандистом нового направления в тогдашней политике Индии» [65, 45]. Несмотря на противоречивость идей и воззрений, Шибли сделал очень много для развития общества «Надват-ул-уламо». По его инициативе при этом обществе была создана богатейшая библиотека. Среди членов общества

«Надват-ул-уламо» было немало учеников и последователей Шибли, в становлении личности которых он сыграл заметную роль. Из их числа такие его ученики, как Саид Сулейман Надви, Мавляна Абдуссалом Надви и Мауляви Масъудали Надви достигли высоких вершин в области науки и образования. Их перу принадлежат достаточное количество значимых научных произведений. Учитывая высокие заслуги Шибли в деятельности общества «Надват-ул-уламо», его нарекают титулом «Светоч учёных» - (Шамсулуламо). Он также был почетным профессором Университета Аллахабада.

С 1903 по 1912 годы Шибли был редактором научного журнала «Аннадва». Всю свою жизнь он отдал изучению наук, пропаганде знаний и исследованию. В последние годы жизни благодаря стараниям Шибли в его родном городе - Азамгарх для обучения и воспитания молодого поколения были построены «Университет науки» (Мадрасат-ул-улум) и центр науки и знаний «Дорулмусаннифин», в которых, вместе с Шибли, преподавательской деятельностью занимались многие известные ученые его времени. Наряду с деятельностью в этих научно-образовательных заведениях Шибли, принимая участие во всех научных мероприятиях городов Азамгарх, Алигарх, Лакхнав, Дели, Лахор, Симла, Хайдаробад, Амритсар, Дакка, Аллахабад и Калькута, содержательными и глубоконаучными докладами внес весомую лепту в пропаганде достижений науки и образования и литературы своей страны.

Шибли Нумани был не только великим учёным и выдающимся исследователем в области истории, философии, логики и литературы, но большим поэтом и писателем. Он, как и многие литераторы Индии, следуя за великими мастерами персидской поэзии, в том числе и Хафизом, говорит:

*Гар худовандї њавас дорї дар иклими сухан,
Бандагии Њофизи Шероз мебоист кард.*

[94, 39-40]

*Коль ты желаешь в страну божества поэзии попасть,
То рабство Хафиза Ширази тебе надлежит избрать.*

Невзирая на свою известность Шибли был невероятно скромной личностью, удовлетворенной простым образом жизни. На протяжении всей своей, сравнительно не долгой жизни, он всегда искал отдаления от высоких государственных постов, чинов и должностей, которые ему постоянно предлагали правители его времени.

Падишах Афганистана - Абдуррахмонхан в 1900, создав специальный рабочий кабинет и все условия, пригласил Шибли, чтобы он мог заниматься переводами и написанием своих научных произведений, однако Шибли учтиво отклонил это приглашение и жил за счет определенного жалованья, предоставленного ему правительством Хайдарабада. В период путешествий в Египет, Шом и Турцию правитель Рампура просил его принять предлагаемую сумму расходов данного мероприятия, однако Шибли взял все расходы путешествия на себя. Также во время короткого отдыха в Стамбуле он вежливо отказывался от всех даров и подношений, которые предлагались ему со стороны правителей и высокой знати этого города.

Шибли был свободомыслящим, преданным науке и образованию человеком, очень щедрой и великодушной личностью. Все свои силы, весь свой мощный интеллект и потенциал он потратил на дело развития и совершенствования науки и образования, исследовательскую деятельность. У себя на родине - Аъзамгархе за счет своих личных сбережений он создал университет и научный журнал с названием «Ан-надва», который по сей день считается одним из авторитетнейших изданий.

Переводчик книги «Шеър-ул-Аджам» Сайидмухаммадтаки Фахри Дои Геляни, который во время жизни Шибли в Индии удостоился встречи с этим великим учёным, вспоминает его такими словами: «При всем величии и известности, был невероятно сдержанным, простым, чистым человеком, лишенным всякой спеси и надменности... Ему не было равных в культуре общения, тонкости юмора, красноречии. Беспредельно любил поэзию.

Высокий стих оказывал на него ни с чем несравнимое воздействие и вызывал чувство восхищения» [139, 27].

Однажды в беседе, цитируя отрывок из стихотворения Хафиза, он пришел в сильное возбуждение и улыбаясь сказал: «Если бы мне даже подарили весь Иран, я не получил бы такого удовольствия (кайфа), какое мне подарили эти три стихотворения» [139, 27]. Шибли и сам отличался высоким поэтическим талантом и все свои удивительные мысли и чувства излагал в высокохудожественных стихах. Примечательно, что он никогда и никому не посвящал панегириков. Однажды ему предложили написать касыду для одного из вельмож Хайдарабада, но получили отрицательный ответ. Когда попытались вторично уговорить его, Шибли им ответил: «Это невозможно, чтобы я восхвалял кого-либо» [139, 27].

Согласно ряда источников, в которых можно найти информацию о жизни и творческой деятельности Шибли Нумани, вытекает, что он провел довольно комфортную жизнь вместе с супругой Маджидуннисо и своими детьми Хамидом Хасаном, Робиа Хотун и Джаннатул Фатимой. Его наследники и родные в настоящее время проживают в различных городах Индии и Пакистана.

Как уже было отмечено, Шибли прожил недолгую жизнь и в самый пик творческого совершенства умер 18 ноября 1914г. в Азамгархе. Друзья и последователи, с глубоким прискорбием приняв весть о безвременной кончине Шибли, написали немало эллегий и стихов-плачей. В том числе, персоязычный поэт Индии Азиз Лакхнави так изобразил свою скорбь и печаль:

*Онь, сардафтари арбоби камол,
Ки зи дафтаркадаи фонї рафт.
Нюкими маъкамаи илму никам,
Нозими мулки сухандонї рафт.
Фозилу афзалу бемисл намонд,*

*Комилу акмалу лосонї рафт.
Бо камоле, ки ту огонї аз ў,
Њамадоне, ки ту медонї, рафт.
Бар дилу ъони ман аз рафтани ў
Ранљи рўњониву ъисмонї рафт.
Хост чун аз сари ъон, ъотиф гуфт:
«Мавлавї Шиблии Нуњмонї рафт».*

[94, 258]

*Горе, основоположник обладателей совершенства
Из тетради бренного мира в небытие ушел.
Правитель заточения (клетки) науки и мудрости,
Поэт мира словотворчества (владения словом) ушел.
Совершенного, и непревзойденного не осталось,
Ведь совершенный, великий и неповторимый ушел.
С тем совершенством, о котором ты ведаешь,
Всезнающий, который был знаком тебе ушел.
В моё сердце и душу мою от его ухода
Вошли душевная боль и физические страдания.
И захотелось из недр души выкрикнуть глашатаю:
«Мавлави Шибли Нумани ушел».*

В течение около сорока лет своей научно-педагогической деятельности Шибли Нумани сумел занять своё достойное место в ряду величайших учёных Востока и добиться признания его в числе классиков.

1.2. Научно-исследовательские произведения Шибли Нумани

Выдающимся учёному Шибли Нумани принадлежат многочисленные значимые исследования не только в области арабской и персидской литератур, но произведения, посвященные проблемам исламской культуры и цивилизации ислама, истории и философии. Несмотря на то, что со времени создания этих нетленных произведений до наших дней прошел целый век, однако они и по сей день являются твердой основой многих научных исследований по истории литературы, философии и исламоведению.

От Шибли нам достались бесценные произведения, каждое из которых, будучи признанным жемчужиной сокровищницы мировой науки и литературы, стало предметом пристального изучения и исследования учёных. Перечень произведений Шибли Нумани, большинство которых переведены на различные языки мира, можно разбить на следующие части:

1. Произведения, посвященные изучению и исследованию исламской культуры и цивилизации, в которых нашли сходство суждений и размышлений учёного относительно исламской религии, её различных направлений, его умозаключения о личностях исламской религии а также, тонкостях и превосходствах их учений.

Вместе с тем, наряду с предоставлением информации относительно жизнедеятельности ключевых фигур исламской религии, Шибли впервые затрагивает отдельные спорные вопросы и по мере своих сил решает их. Например, он критически анализируя книги таких европейских учёных, как Моррисдон и Делафос об истории ислама, которые преподавались в университетах Аллахабада и Калькуты, указывает на некоторые имеющиеся в них ошибки и недостатки. После этого, сам Моррисдон приезжает в Лакхнав, чтобы встретится с Шибли и проведя с ним беседу, обещает внести поправки в те места книги, по которым были сделаны замечания [Ш. 208]. Произведения Шибли, посвященные исламской культуре можно назвать совершенно новым явлением в области исламоведения и следует в этой связи подчеркнуть, что Шибли Нумани является личностью, занявшей свое

достойное место в кагорте величайших исламоведов мира. Таков перечень произведений Шибли, которые можно отнести к циклу исследований по исламу:

«**Сират-ун-наби**» («Жизнеописание пророка»). Данное произведение представляет собой описание биографии пророка ислама Мухаммада (с), для написания которого Шибли с большими трудностями и невероятными усилиями собрал огромный материал, но, отпущенная ему жизнь, позволила завершить всего два тома этого труда. Три остальных томов были составлены и изданы на языке урду его учеником Саидом Сулейманом Надви.

«Сират-ун-наби» переведена на различные языки мира. Так, перевод на арабский язык осуществлен профессором университета Алжира Мухаммадом Исмаилом Мадраси, английский перевод выполнили Тайиб Бахш Бадорони и Мухаммад Саид, персидский перевод принадлежит перу Мухаммада Ёсина.

«**Сират-ун-Нуъмон**» («Жизнеописание Нумана»). Эта книга представляет собой одно из первых серьёзных научных исследований, посвященных познанию личности и вероисповеданию (мазхаба) Имама Азама Абуханифы Нумана ибн Собита. В данном произведении рассмотрены и подвергнуты всестороннему исследованию генеалогическое древо рода Абуханифы, его место рождения, исторические события времени его жизни, представлены размышления ученого относительно зарождения и существования религиозных верований в различные исторические эпохи, подвергнуты анализу споры наставников и учеников относительно различных граней науки богословия (теология, мусульманское законодательство, хадис (предания) и т.д.), раскрыты тонкости учения Абуханифы и превосходство вероисповедания ханафия над другими исламскими вероисповеданиями. Как отмечает таджикский ученый Нурмухаммад Амиршохи: «Аллома Шибли Нумани написав «Сират-ун-Нуъмон» стал первопроходцем нового метода серьёзного научного

исследования в жизнедеятельности Абуханифы (в абуханифаведении) признан в этой области классиком». [56, 21]

Данная книга была издана на кириллице и подарена таджикским читателям, при всесторонней поддержке Президента страны Эмомали Рахмона, наряду с выдающимися книгами «Цикл исламских произведений» - («Силсилаи осори исломӣ»), как дань уважения Абуханифе Нуману ибн Собиту в 2009 году Нурмухаммадом Амиршохи. Основой изданной книги служил персидский перевод, выполненный Бурхониддином Кушкаки, по приказу шаха Афганистана, с учетом советов многочисленных учёных. В процессе перевода Нурмухаммад Амиршохи, для сравнения, также использовал другой вариант персидского перевода, принадлежащий перу Сарбози.

2. Произведения, в которых представлена подробнейшая информация о жизни и деятельности выдающихся литераторов, учёных и политиков Востока:

« Жизнь Мавляна Джалолиддина Руми » - («**Ҳаёти Мавлоно Љалолуддини Румӣ**»), **«Газзали»** - («**Ал-Ғаззоли**»), **«Смысл Оламгира»** - («**Мазомини Оламгир**»), **«Равноценность творчества Аниса и Дабира»** («**Мувозинаи эҷодиёти Анис ва Дабир**») (известные урдуязычные поэты – Х.З.)

3. Произведения об истории персидской литературы и поэзии урду: **«Шеър-ул-Аджам»** (в пяти томах), **«Мальмўаи каломи урду»** - («**Сборник речи урду**»), **«Мальмўаи ашўори урду»** - («**Сборник поэзии урду**»).

4. Произведения Шибли на персидском языке:

«Диван Шибли» - («**Девони Шиблӣ**»), **«Букет цветов»** - («**Дастан гул**»), **«Запах цветов»** - («**Бўйи гул**»), **«Собрание сочинений Шибли»** - («**Куллиёти Шиблӣ**»).

Известные поэты Индии второй половины XIX и XX веков, родным языком которых были языки урду, хинди, пенджабский, кашмирский, синди

и бенгальский, также продолжали создавать свои стихи и на персидском языке. Среди писателей и учёных Азамгарха, писавших персидские стихи, Шибли Нумани занимает особое место. [81, 39] Шибли Нумани питал беспредельную любовь к персидскому языку и персоязычным поэтам. Поскольку он был большим поклонником высокой поэзии своих современников, то был в очень близкой дружбе и с Мухаммадом Икбалом. Икбал посылал свои сочинения Шибли, который помогал своему другу комментариями к ним. Сам Шибли, наряду с исследованием литературы и истории, философии и логики, также серьёзно занимался стихотворчеством. Как пишет таджикский учёный Абдуллоджон Гаффаров: «Он обладал высоким талантом в создании персидских стихов» [81, 46] и переводчик книги Шибли «Шеър-ул-Аджам» на фарси Сайидмухаммадтаки Фахри Дои Гелони тоже подчеркивал, что «у него собственный диван стихов на фарси» [139, 16].

В одном из своих стихотворений Шибли, признавая своё мастерство в поэзии, восклицает:

*Шиблӣ имруӯз бувад булбули бустони сухан,
Ки аз ӯ гулкадаи Ҳинд нур аз савту навошт.*

[198, 16]

*Шибли нынче соловей цветника поэзии,
Ведь это он наполнил сад мелодией и песнями.*

Первые стихи Шибли, под псевдонимом Тасним, были в целом наполнены биографическим содержанием и в них, повествовалось о неустроенности жизни, поре страданий и творческих поисков. Вот как, к примеру, он изобразил тот период своей жизни:

*Нигоҳе бар мани мискин, Худоро,
Ки гоҳе шоҳ бинвозад гадоро.
Фигон, к-аз баҳри тобу сабру ором*

*Ғамат нағзошт дар дил ҳеч чоро.
На ёд орӣ гаҳе аз хастаи хеш,
Фаромӯш сохтӣ ҳарфи вафоро.
Суханро раҳ набошад дар даҳонат,
Зи тангӣ ҳамчу дар гунча саборо.
Кучо дар боргоҳаш бор бахшанд
Ту Тасними гариби бенаворо.*

[81, 122]

*Молю, господь, одари меня вниманием,
Ведь и цари порой внемлят нищего страданиям.
Стенаю, что я в поисках покоя,
Так и не нашел любовь твою, был всегда изгоем.
Не помнишь даже обо мне несчастном,
Забыл, наверное ты обо мне злосчастном.
Слова любви себе не позволяешь,
Как тот бутон, что сжавшись, бриза не вдыхает.
В твоих чертогах нет наверно места
Для бедного Таснима, что в муках все страдает.*

Как уже было отмечено выше, Шибли подобно большинству персоязычных поэтов Индии, в большей степени концентрировал свое внимание на поэтике Хафиза и написал немало газелей, следуя его стилистике. В ответ газели Хафиза, вступительная часть (матлаъ) которой начинается следующими словами:

*Агар он турки шерозӣ ба даст орад дили моро,
Ба холи ҳиндуяш бахшам Самарқанду Бухороро.
Если турчанка из Ширази в полон возмет наши сердца,
За родинку её красивую отдам я Самарканд и Бухару.*

[45, 75]

Он создал другую чудесную газель, в которой подобно Хафизу, воспевшему красавиц Ширази, изображает город Бомбей, с его утопающими в цветниках аллеями и девушками - красавицами:

*Нисори Бомбай кун ҳар матои куҳнаву навро,
Тирози маснади Чамшеду фарри тоҷи Хусравро.
Ба ҳар сӯ аз хучуми дилбарони шӯҳи бепарво
Гузаштан аз сари раҳ мушкил афтодаст раҳравро.
Фигон аз гармии ҳангомаи хубони зардуштӣ,
Ба ҳам омехта аз зулфу ораз зулмату завро.
« Бидеҳ, соқӣ, маи боқӣ, ки дар чаннат нахоҳӣ ёфт»
Канори оби Чавпотию гулгашти Аполавро.
Биё, Шиблӣ, ба ёди панҷаи гирои мижгонаиш
Дигар раҳ пора созам ин қабои зуҳди садтавро.*

[81, 47- 48]

*Пожертвуй за Бомбей все древние и новые шелка,
Радугу царства Джамшеда, короны Хусрава жемчуга.
Повсюду там от набегов беспечных, игривых красавиц
Нет сил и шагу сделать никому, от их кокетства, друзья.
Смешали красотой своей блеск солнца и ночи мрак,
Горю от жара кокетства зороастрийских красавиц я.
« Подай, саки, вина остаток, ведь не найти тебе и в раю»
Прохладу вод Чавпати и красот Аполавского цветника.
Приди же Шибли во имя её цепких пальцев ресниц
Готов на куски разорвать тот путь, что разделяет её и меня.*

Поэзия Соиба Табризского также пленила Шибли и он об этом своем восхищении писал:

*Хамон кард дар сухан дар Ҳинд Шиблӣ,
Ки Соиб дар саводи Исфаҳон кард.
[198, 8]*

*В искусстве слова Индии столько сделал Шибли,
Сколько в образовании Исфагана сделано Соибом Табрези.*

Во всех стихах Шибли Нумани наблюдается изображение красоты природы, любви к жизни и его нравственно-философские воззрения. В сборник поэта «Запахи цветов» [П.198] вошли газели, большинство которых посвящены образованной и благовоспитанной женщине, по имени Атиябегим. По случаю возвращения из путешествия по Европе, поэт испытывая чувство радости, ликуя пишет стихотворение, по названию «Добро пожаловать» - («Хайрамакдам»), которое звучит следующим образом:

*Пайки фархундақадам муждасаро меояд,
К-аз сафар ёри сафаркардаи мо меояд.
Рафт аз шаҳр бад-он сон, ки баҳорон зи чаман
Омад он гуна, ки дар боз сабо меояд...
Рафтанаиш гарчи ба коми дили аҳбоб набуд,
Чун биёяд, ба муроди дили мо меояд...
Шиблии гамзада овард дилу дин ба нисор,
Ғайр аз ин чист, ки аз дастӣ гадо меояд!*

[81,123]

*Радостная весть моя, воспевая весть приходит,
Ведь друг мой -путешественник из путешествия приходит.
Уходил из града так, как весна из цветника,
Возвратился же он так, как ветерок в цветник приходит.
И хотя его уход не был радостью ни для кого,
Возвращаясь же назад, желанным для всех приходит.*

*Шибли, охваченный печалью, сердцеи веру в жертву принес,
Что же еще, кроме этого, может сделать нищий.*

Следует отметить, что не взирая на очень сложную и запутанную социально-политическую обстановку и религиозные распри, Шибли был всегда сторонником свободомыслия и твердым противником фанатизма:

*Ман на аз арбоби тақво будаам,
Бо маю най будаам, то будаам.*

[198, 12]

*Я не был слепым деятелем набожности,
Покуда жил, был дружен с музой и вином.*

5. Произведения Шибли Нумани на арабском языке:

«Египетские трактаты» - («Рисолаъои мисрӣ»), «Искусство ислама» - («Бадоеъ-ул-ислом»), «Критический взгляд на «Истории исламской цивилизации» Джурджа Зайдона» - («Интиқод аз «Таърихи тамаддуни исломӣ» -и Чурчии Зайдон).

6. Произведения, представляющие информацию о путешествиях Шибли и других его статьяx и сочинениях, а также переписке поэта и учёного:

«Путевые заметки о Египте, Дамаске и Константинополе» – («Сафарномаи Мисру Шому Қўстантаня») повествует о путешествиях Шибли в названные страны с целью научных исследований, а также встречах и беседах поэта с известными учёными и писателями.

«Библиотека Александрии» – («Китобхонаи Искандария») построена на изучении научных фондов библиотек и исследовании хранящихся в них древних письменных памятников.

«Статьи Шибли» – («Мақолоти Шиблӣ») (в трех томах), в которых учёный высказывает свои суждения относительно образа жизни, взаимоотношений и обязанностях мусулман, проживающих в

немусульманских странах и находящихся под руководством лиц другой религии.

«Трактаты Шибли» - («Рисолаъои Шиблӣ»), «Письма Шибли» - («Макотиби Шиблӣ»).

Рассматривая научные и литературные произведения Шибли, можно прийти к выводу, что он был весьма эрудированным человеком во всех областях науки: истории, философии, политологии, логике, языкознании и литературе. Как знаток трех языков, анализируя и сравнивая поэзию арабов, персов и индийцев, всякий раз, когда возникала необходимость, очень тонко и убедительно выявляя различия и превосходства этих языков: арабского, персидского и хинди, как выдающийся языковед, по словам Мир Гуломалихана Озода (XVIII) «пел в тональность с арабскими горlinkками, вторил персидским соловьям и индийским попугаям» [13, 298-299] .

Необходимо подчеркнуть, что все учёные, исследовавшие и изучавшие историю персидской литературы, признав Шибли Нумани исследователем первой величины, его произведения считали уникальными базовым источниками. Неслучайно методы особого научного анализа, научно-обоснованные выводы учёного по сей день являются ключевыми в выявлении неразгаданных тайн во многих областях науки.

Поэтические и прозаические произведения Шибли Нумани, охватывающие различные области науки, о которых мы упомянули выше, стали заметным явлением в истории культуры нации XIX и начала XX веков, без учёта которых отдельные страницы истории стран Востока все же останутся до конца нераскрытыми. В большинстве своих произведений Шибли призывал человечество к освоению наук, обретению глубоких знаний, борьбе против рабства и фанатизма, пробуждая в сердцах людей веру в обретение свободной жизни, справедливость, дружбу и единство.

Наряду со всем богатым научно-литературным наследием, конечно же важнейшей лептой, которую он внес в развитие персидской литературы, благодаря которой его имя будет вечно на устах, до той поры пока

существует эта литература, является его неповторимое историко-литературное произведение «Шеър-ул-Аджам», подробный анализ которого мы осуществим в последующих глав нашей диссертационной работы.

ГЛАВА II. ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ В ИНДИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ КРУГУ

2.1. Из истории литературных воззрений в индийском литературном кругу

Народы Мавереннахра, Хоросана, Ирана и Индии располагают общей исторической культурой, корни которой уходят в далекую древность и потому традиция создания произведений на персидском языке, зародившись гораздо раньше, впоследствии сыграла важную роль в социально-политической и литературной жизни этой древней страны. На протяжении многих столетий этот народ создавал великую империю Востока и никогда литературно-культурные связи между персоязычным населением и коренными жителями Индии не прерывались.

С началом династии Газневидов до наших дней, земля Индии являлась авторитетным центром каллиграфии и украшения рукописных копий научно-литературных произведений персидских авторов. Неповторимый литературный памятник «Калила и Димна», который был переведен с древних санскритских текстов на язык пехлеви, является прямым свидетельством этих культурных связей. Основным источником этой повести является «Панчатантра»- древний памятник индусов. «Панчатантра», состоит из пяти рассказов и трех отдельных глав, взятых из «Махабхараты», в период правления Хусрава Ануширвана (годы правления: 531-579 нашего летоисчисления) стараниями мудреца Барзуя, была привезена из Индии в Иран и переведена на язык пехлеви.

После распространения ислама в Индийском полуострове, литературные связи стали еще крепче и получили свое дальнейшее развитие. Первым произведением, в котором предоставлена богатая информация относительно традиций и обычаев, социальной жизни индусов и этой сказочной стране, была книга известного ученого Абурейхона Мухаммада ибн Ахмада Бируни

Харезми (973-1048м.) - «Книга исследований по Индии» - («Китоб фӣ таъкиқи мо-лил-Ҳинд»).

Опираясь на легенды и предания священных поэм индусов: «Махабхарата», «Рамаяна», «Бхагавадгита», «Вишну Пурана» и «Патанджоли» автор вышеназванного произведения использовал приблизительно 2500 санскритских слов. Другими источниками, свидетельствующими о широком распространении персидского языка в Индии и Синде, являются историко-географические произведения «Сурат-ул-арз» («Описание земли») - Ибн Хавкала, «Ал-масолик-ва-мамолик» («Убеждения и страны») - Истахри и стихи Робии бинти Каъби Каздори в IX - X веках. Вот, что об этом пишет Хаким Абдулазиз Муджаддади: «Можно назвать лишь небольшое число поэтов Синда, которые бы не писали стихов на персидском языке, или не переводили стихи персидских поэтов на свой родной язык. Синд на территории Пакистана и Индии, являясь первой колыбелью персидского языка и персидской поэзии, начиная с династии Газневидов до Гуридов по сегодняшний день считается центром и источником персидского языка» [183, 5].

В подтверждении такой оценки, таджикский учёный А. Гаффоров подчеркивает, что: «Эти слова Муджаддади небеспочвены, так как Синд действительно с древнейших времен считался одним из известнейших центров персоязычной литературы» [81, 54]. О динамичном развитии и распространении персидского языка в Газне и Лахоре также сообщает Мухаммад Авфи Бухорои в книге «Лубоб-ул-албоб», что тоже является свидетельством интенсивных литературно-культурных связей этого региона (6, 75).

Помимо всего этого, как уже нами отмечалось выше, зарождение и распространение персидско-таджикской литературы в Индии связано также с захватническими военными походами Махмуда Газневи (998-1030 г.г.), который, согласно словам автора книги «Таджики» - Б.Гафурова [Ш.73], между 1000-1026 годами, под предлогом распространения исламской

религии 17 раз захватывал Индию, присоединив к своей территории многие части этой земли.

Конечно же, развитие и распространение персидской литературы в Индии обусловлены многими факторами, которые зарождались в течении нескольких веков, во многом зависели и от исторических событий, происходящих на территории этой страны. Уместно отметить, что одним из факторов всестороннего укрепления связей между нашими народами была персидско-таджикская литература. О роли и месте персидско-таджикской литературы и персидского языка в Индии Алиасгар Хикмати пишет так: «На протяжении более десяти веков, которые прошли в жизни персидского языка, возвращенного в колыбели Индии, на этой земле были написаны и изданы такое огромное количество прозаических и поэтических произведений, оказавших влияние на умы и воззрения индусов, что их невозможно рассматривать в отрыве от национальной литературы народа этой страны» [53,42]. Именно эти культурно-литературные связи послужили той точкой опоры, благодаря которой персидско-таджикский язык получил столь широкое распространение в Индии и, вопреки всяким религиозно национальным различиям, постепенно стал одним из основных языков народа этой страны. Прежде всего, необходимо сказать, что золотым веком персидской литературы Индии был все тот же период правления династии Тимуридов Индии (1526-1803), который в литературе Запада известен под названием «Империя великих моголов», а в XIX веке их стали называть династией Бабуридов. Двор правителей этой династии, без всякого преувеличения, довел персоязычную литературу до высокой точки развития и совершенствования. В этой связи английский востоковед Эдвард Браун отмечает, что: «На Востоке все истинные науки рождались и открытия свершались внутри дворцовых стен» [68, 396]. В подтверждении слов Э.Брауна иранский ученый, автор книги «Персидская литература среди индусов» («Адабиёти форсӣ дар миёни Һиндувон») Сайид Абдуллох высказал следующую мысль: «Эти слова незабвенного профессора Брауна

относительно персидской литературы Индии также соответствуют истине. В стране, где для всего народа не создаётся благоприятное социальное положение, все виды деятельности свершаются в зависимости от воли и личности правителя. Приблизительно все тимуридские правители питали интерес к наукам и обладали определенным литературным вкусом, потому мы видим, что под их покровительством и патронажем появились несколько авторов, оставивших после себя богатую и полезную литературу» [46, 199].

Возможно подобное объяснение в какой-то степени является закономерным по отношению персоязычной литературы, которая на самом деле была пророждением придворных кругов. В этом смысле Мухаммадтаки Бахор отмечает, что во времена Великих Моголов «Развитие персидского языка и персидской литературы при дворе Дели намного превышало эту тенденцию в сравнении с двором Исфагана» [60, 257]. Также Гетифаллах Растагор, говоря о персидской науке и литературе этого времени отмечает: «После восхождения на престол династии Бабуридов, которые сами были воспитанниками развитого двора Герата, персидский язык обрел особую популярность. Развитие персидского языка и блеск его достигли такого пика, что жизнь Дели, с точки зрения центричности и значения науки и культуры, приравнивалась с Самаркандом, а город Чунпур славился как Шираз Индии. Кашмир же затем, стали называть «Малым Ираном» [75, 819-821].

В результате войн, и внутренних социально-политических распрей, происходящих, на религиозной почве, между государствами Шейбанидов и Сафавидов, на протяжении XVI-XVII веков Иран, Мавереннахр и Хоросан оказались в глубоком духовно-экономическом кризисе, что отрицательно сказалось и на развитии науки и литературы этих стран.

Известный таджикский учёный Ахрор Мухторов, в книге «Жемчужины культуры Таджикистана в хранилищах Индии» [II. 122], описывая жизнь и положение народа Индии в этот период, отмечает: «Этот мрачный век принято считать веком упадка науки и литературы. Города и

провинции Мавереннахра были охвачены разрухой, страшным голодом и помором. Так, по словам Малехо Самарканди, «...цветущий Самарканд пришел в упадок, правление в разруху а коренное население, оставив родину, было вынуждено скитаться по чужим странам» [122, 13]. Поэтому, вместе с простыми людьми, многие искусные мастера и зодчие, персоязычные поэты и писатели, выдающиеся ученые и философы покинув исконную родину, искали убежища в Индии - стране мира и покоя, защитнице поэтов и поэзии, всех творческих новоисканий.

Возможно в этих строках нашло изображение тогдашнее положение Мавереннахра и Индии:

Рӯ ба Ҳинд овардани соҳибдилон аз баҳри чист?

Рӯзгор ойинаро муҳтоҷи хокистар кунад.

[122, 14]

Отчего праведный люд устремился (бежит) в Индию?

Ведь от времени (условий) и зеркало делается мутным.

В тот период, любящие поэзию и боготворящие творцов падишахи Индии, «расстелив перед теми учеными гостями скатерть радужия и щедрости, и сами стали вторить им, устраивая состязания в поэзии, всячески способствуя организации и разивтию литературы» [100, 95]. Вот как описывает положение Индии того времени Гулямалихан Озод Балгироми, являвшийся одним из прямых свидетелей всех событий: «Все те, кто добрались из Ирана и Турана до Индии, в нищенском положении, удостоились царского положения» [13, 188].

Всё это свидетельствует об огромной славе и авторитете литературных кругов Индии того времени. Именно на этот период приходится становление удивительного по своей красоте и образности индийского стиля, рожденного творениями таких мастеров художественного слова, как Назири Нишапури, Урфи Ширази, Калим Хамадани, Толиб Омули, Соиб Тебрези и многих других.

В дальнейшем, благодаря творениям выдающихся персоязычных поэтов Индии Носирали Сархинди и Мирзо Абдулкадыра Бедиля, этот стиль достиг еще больших высот.

Исследователь персидской литературы, немецкий востоковед Герман Эте назвал этот период персидско-таджикской литературы «индийской весной персидской поэзии» [190, 156].

Как видим, начиная с XI века в этой стране зародилась традиция создания художественной литературы на персидско-таджикском языке. Впоследствии, на протяжении нескольких столетий, проживая и создавая свои произведения поэты и писатели, историки и авторы антологий еще ярче воспламенили свечу персидской науки и литературы на этой благодатной земле. Каждый из них оставил после себя богатое наследие, что, несомненно сыграло важную роль в обогащении сокровищницы мировой культуры.

Всё это было результатом добродетельности Темуридов Индии, их доброго отношения к учёным и поэтам на всем пространстве страны, о чем имеются многочисленные свидетельства авторов антологий и книг по истории. Как пишет иранский учёный Забехуллах Сафо: «Этот период, без всякого преувеличения, является наилучшим временем распространения персидского языка и персидской литературы на земле Индии, периодом пропаганды и агитации персоязычных поэтов и писателей на протяжении всей истории персидской литературы, подобного которому не было и уже не будет никогда» [161, 8].

Повторение подобных суждений и высказываний можно найти и в многих книгах других учёных, историков и литературоведов.

В этот период среди других видов литературы особую популярность обрела антология, ибо несмотря на все противоречия времени и неблагоприятную атмосферу жизни, авторы антологий, по мере возможности, охватывали важные моменты жизни и творческой деятельности писателей и поэтов, предоставляли образцы поэзии

персоязычных поэтов. Наряду с этим, они также отражали достижения и упущения в культурно-литературной жизни времени.

Согласно утверждению доктора Шахриёра Накави: «Благодаря созданию словарей, написанию антологий, историографии по персидской литературе Индия и Пакистан, в сравнении с Ираном, шагнули намного вперед» [133, 18].

Необходимо подчеркнуть, что традиция составления антологий в персидско-таджикской литературе существовала издревле и, почти все литературоведы, ссылаясь в точности или с некоторыми изменениями на древнейшие антологии и антологии своего времени, выявили основы создания каждой из них. Большое количество антологий, составленных в Индии, с точки зрения охвата численности поэтов и их произведений, имеют ряд преимуществ, сыгравших важную роль в исследовании истории персидско-таджикской науки и литературы. Считаю уместным упомянуть их в данной работе:

1. Антология «Изящество современников» - («Нафоис-ул-маосир»), в которой представлена информация о персоязычных поэтах двора Акбаршаха.
2. «Заключение о поэзии и превосходствах воззрений» - («Хулосат-ул-ашъор ва зубдат-ул-афкор») Такиуддина Кошони. (1638г.)
3. «Ибрахимовы страницы» - («Сухуфи Иброҳимӣ») Ибрахимхана Халила Банораси, в которой сообщаются сведения о жизнедеятельности 3278 персоязычных поэтов Ирана и Индии.
4. «Мейхане» - антология Абдуннаби Фахруззамони, жившего во времена правления Джахонгиршаха в Индии, в которой приведены сведения о поэтах - авторах «Сакинаме».
5. «Современники Рахими» - («Маосири Рахими»), автором которой является Абдулбаки Нахованди (XVI-XVII века).

6. «Свободный кипарис» - («Сарви озод»), «Чудотворная рука» - («Яди байзо»), «Сокровищница чудес» - («Хизонаи омира») - автор Мавлави Гулямали Озод (XVIIIв.).
7. «Храм огня» - («Оташкада») Лутфалибека ибн Окохона Бекдиля Шомлу, известного под псевдонимом «Озар». (1815г.)
8. «Антология Хушгу» - («Сафинаи Хушгӯ»), принадлежащая перу Биндробандоса Хушгу.
9. «Собрание изяществ» - («Мачмаъ-ун-нафоис») Сироджиддина Алихана Орзу. (1786г.)
10. «Сокровищница чудес» - («Махзан- ул-гароиб») Шейха Ахмада Алихана Синдилави.
11. «Статьи о поэтах» - («Мақолот-уш-шуаро») Киёмуддина Хайрата.
12. « Антология Хинди» - («Сафинаи Ҳиндӣ») - Бхагвандаса Хинди.
13. «Цветник словесности» - («Баҳористони сухан») Мир Абдурраззока, известного как Наввоб Самсомуддава.
14. «Зеркало воображения» - («Миръот-ул-хаёл») Амира Шералихана Луди (1691г.) и т.д.

На самом деле, деятельность персоязычных авторов антологий Индии сыграла важную роль в истории персидско-таджикской литературы, Отечественными и зарубежными исследователями выявлено, что традиция составления антологий в Индии, в сравнении с персоязычными странами, получила гораздо широкое распространение. Подчеркивая необходимость исследования данного драгоценного кладезя, доктор Шахрияр Накави говорит: «Как хорошо, что на этом пути было вложено много сил и стараний, чтобы сегодняшнее и будущие поколения Ирана были информированы о существовании этого ценного кладезя персидской литературы» [133, 16].

Конечно же любая антология не могла создаваться на голой почве и без каких либо причин. Несмотря на то, что авторы антологий были

осведомлены о существовании предыдущих источников и, описывая жизнь и деятельность какого либо поэта, черпали в них необходимые сведения, однако имели и собственную точку зрения на этот счет и в какой-то степени вносили свою лепту в исследовании истории литературы и источниковедения.

В некоторых случаях, даже самая незначительная информация позволяет раскрыть многие запутанные узлы о жизни и творчестве поэтов и, несмотря на имеющиеся недостатки, служит важным источником в процессе исследования того или иного вопроса.

Исследователь истории персидских антологий Ахмад Гулчин Маони следующим образом оценивает значение антологий: «Для изучения истории персидской литературы в контексте языка дари, антология, которая является защитницей языка и хранительницей нашей культуры, информирует нас о жизни и творчестве персоязычных поэтов, их стиле и времени, является наипервейшим и самым достоверным источником» [107,3].

Немецкий востоковед Герман Эте в своем произведении «История персидской литературы», акцентируя своё внимание на формально-структурных особенностях жанра антологии, упоминает некоторые антологии персидско-таджикской литературы. Отмечая уникальность и важность антологий, как источника информации, он пишет: «На персидском языке не существует, в полном смысле этого слова, книги по истории литературы, но для такой истории в антологиях собран обильный материал» [190, 3]. Другой исследователь персидских антологий доктор Алиризо Накави высказал относительно антологий следующую мысль: «В период Сафавидов и Тимуридов Индии понятие «тазкира» («антология») использовалось в значение «память», «упоминание» и «книги, в которой приведена информация о жизнедеятельности поэтов и образцы их поэзии» [129,4]. Таджикский учёный Расул Хадизаде поясняя значение слова «тазкира» (антология) пишет: «Тазкира арабское слово, обозначающее «воспоминание, память». Позже эти словом назывались сборники, в которых

отображалась биография поэтов и писателей и приводились образцы их творений» [178,265]. Такое же определение тазкира дано в «Таджикской советской энциклопедии» [191, 227].

На основе вышеизложенного вытекает, что литературные сведения, или воспоминания, которые приводятся в тазкира, служат важным источником для изучения и исследования литературы. Все антологии, с точки зрения охвата содержания и общих особенностей можно разделить на две основные группы:

1. Общие антологии, в которых автор наряду с информацией о современных поэтах, на основе обращения к более древним источникам, также сообщает о жизни и деятельности поэтов прежних эпох.
2. Антологии определенного времени, представляющие краткую информацию о жизни и творчестве современников какого - либо падишаха или современниках самого автора.

Древние произведения, которые в персидско-таджикской литературе приравниваются антологии: «Иллюстрированная антология» - («Тазкираи мусаввар» - Мухаммада Рованди (с портретами поэтов, кисти Джамала Наккоша Исфагани, 1172г.), «Манойб-уш-шуаро» - Камолуддина Хотуни (XI в.), «Четыре трактата» - («Чаъор маъола») - Низами Арузи Самарканди «Книга о стихах и поэтах» - («Китоб-уш-шеър-в-аш-шуаро»)- Динавари (XI-XIII в.).

Согласно мнению иранского учёного Сайида Алиризо Накави, первой антологией в персидско-таджикской литературе считается «Антология о святых» - («Тазкират-ул-авлиё») Фаридуддина Аттара. Однако, по утверждению большинства литературоведов первым произведение, которое можно назвать антологией, является «Лубаб-ул-албаб» Мухаммада Ауфи Бухорои.

Антологии составляются согласно определенному порядку. Её предворяет введение, затем идёт основная часть (в ней автор приводит биографические данные и образцы творений поэтов) и, наконец следует

финальная часть. В «Таджикской советской энциклопедии» приведена следующая совершенная классификация персидско-таджикских антологий, составленных различными видами:

1.Алфавитная (по первой букве имени или псевдонима поэта) «Место встречи влюбленных» - («Арафот-ул-ошикин») Такиуддина Мухаммади Хусайни, «Сокровищница драгоценностей» - («Хазинаи ганль») Имодуддина Махмуда Хамадони, «Антология Хусайни» - («Тазкираи Хусайни») Хусайни и др.;

2.Историческая (по году смерти и времени жизни поэта) - «Заключение о поэтах» - («Хулосат-уш-шуаро») Мухаммади Суфи, «Мейхане» - («Майхона») Абдуннаби Фахруззамона Казвини, «История Джахонгири» - («Таърихи Льяъонгирӣ») Мутриби, «Сад слова» - («Баъористони сухан») и «Свободный кипарис» - («Сарви озод») Гулямалихана Озода Билгиروми, «Семь стран» - («Хафт иклим») Амина Ахмада Рози и др.;

3.Географическая (согласно месту проживания поэтов)- «Лубоб-ул-албоб»- Авфи Бухорои, которая имеет и династические свойства, «Антология, украшающая празднество» - («Тазкираи Базморо») Саидали Хусайни, «Семь стран» - («Хафт иклим») и «Храм огня» - («Оташкада») - Лутфалибека Озара и др.;

4.Религиозная (сунни и шиа) «Чудесная роза» - («Гули раъно»), «Собеседник друзей» - («Анис-ул-анъбоб») и др.;

5. По роду занятий поэтов и учёных- отдельные разделы «Лубоб-ул-албоб» и «Пробный камень поэтов» - («Маъаки шуаро») - в них авторы вначале упоминают о царях, затем принцах, следующими вспоминаются придворные учёные и в последнюю очередь поэты.

Антологии также разделяют на две группы:

Антологии общего характера, в которых упоминаются поэты прошлых столетий и настоящего времени, то есть, информация о поэтах представлена, не взирая на время и место их жизни:

«Лубоб-ул-албоб», «Семь стран» - («Нѡфт иклим»), «Заключение о поэтах» - («Хулосат-уш-шуаро»), «Место встречи влюбленных» - («Арафот-ул-ошикин»), «Чудотворная рука» - («Яди байзо»), «Трудности поэтов» - («Риѳз-уш-шуаро»), «Шипы любви» - («Наштари ишк»), «Светлый день» («Рӯзи равшан») и т.д.;

Собственные антологии, в которых сообщается об особенной группе поэтов или современниках автора антологии:

«Воспоминания о друзьях» - («Музаккир-ул-аѡбоб»), «Статьи о поэтах» - («Маколот-уш-шуаро»), «Картинная галерея слова» - («Нигористони сухан»), «История Джахонгири» - («Таърихи Љаѡнгирӣ») и т.д.;

Антологии, согласно цели и желанию автора также делятся на две группы: **оригинальные (асил)** и **неоригинальные (гайриасил)**.

В **оригинальных** антологиях почти все мысли и выводы являются собственностью автора, как в «Лубоб-ул-албоб», «Диковинных драгоценностях» - («Љавоѡир-ул-аѡиб»), «Воспоминания о друзьях» - («Музаккир-ул-аѡбоб»), «Мейхане» и т.д.

К **неоригинальным** антологиям относятся такие антологии, в которых желаемая информация заимствована авторами из других источников, как в «Хулосат-ул-ашъор», «Хулосат-уш-шуаро», «Нѡдоики ишрат» и т.д.

Традиция составления антологии была продолжена и в наши времена, первым образцом которой в таджикской советской литературе считается произведение Садриддина Айни «Образцы таджикской литературы» («Намунаи адабиѳти тољик»).

В начале XX века произведением, открывшим новые методы и пути исследования истории и теории персидско-таджикской литературы стало «Шеър-ул-Аджам» Шибли Нумани и, для всех, кто занимаются

исследованием персидской поэзии и прозы, эта книга служит путеводителем [116, 385].

Шибли в процессе создания своего произведения «Шеър-ул-Аджам», которому отдал несколько лет самоотверженного труда, широко пользовался различными источниками бесценного наследия Востока: диванами и собраниями сочинений поэтов, антологиями, перечень которых, по его словам, занял бы «отдельную книгу». В «Шеър-ул-Аджам» Шибли представил краткую информацию об использованных им источниках такие как:

1. **«Лубоб-ул-албоб»**- первая антология, составленная Мухаммадом Авфи Бухорои (1221-1222г.), в которой он сообщает о поэтах, живших задолго до его времени. Профессор Э.Браун, внося поправки в эту антологию, издал её.

2. **«Четыре трактата» - («Чаъор маъола»)** - Низами Арузи Самарканди (XI-XII в.) несмотря на свою краткость, изобилует весьма полезной информацией.

3. **«Антология»** Давлатшаха Самарканди (1487г.)

4. **«История династии Газневидов» - («Таърихи Оли Ёазнин»)**, автором которой является Байхаки, живший в период правления Масуда ибн Султана Махмуда Газневи и, отразивший жизнь поэтов того времени.

5. **«Гурафат»** автор Авхади. Данная антология состоит из двух томов.

6. **«Мейхане»** автором которой является Абдуннаби Фахруззамони, живший во времена правления Джахангира (1569-1627) - царя Индии. В этой антологии автором представлена информация о поэтах, создавших свои «Винные» - («Сакинаме») стихи.

7. **«Антология о поэтах» - («Тазкират-уш-шуаро»)** автор Мирзо Тахир Насрободи, написавший её в 1672 году.

8. **«Современники Рахими» - («Маосири Раъимӣ»)** Абдулбаки Нахованди (XVI-XVIIв), входивший в дворцовый круг Абдуррахмона

Хонихонона. В этой антологии представлена подробная информация об истории Хонихононов и положении поэтов того времени.

9. **«Зеркало воображения»** - (**«Мирьот-ул-хаёл»**), написанная Шерханом Луди (1691г.)

10. **«Четыре страны»** - (**«Няфт иклим»**) Амина Рози, жившего во времена Джахангира - падишаха моголов.

11. **«Антология Соми»** - (**«Тазкираи Сомӣ»**) Соммирзы Сафави - одного из царевичей династии Сефевидов, который был современником Джахангира.

12. **«Тазкира»** Миртаки Коши Хабибсияра, составленная в 993 году мусульманского летоисчисления.

13. **«Трудности поэтов»** - (**«Риёз-уш-шуаро»**) Аликулихана Волаи Догистани (1783г.).

14. **«Сободный кипарис»** - (**«Сарви озод»**) автор Мавлави Гулямали Озод (XVIII в.), который в своей антологии сообщает о жизни и творчестве поэтов времени правления Тимура.

15. **«Чудотворная рука»** - (**«Яди байзо»**) автор Мавлави Озод (XVIII в.).

16. **«Сокровищница правителей»** - (**«Хизонаи омира»**) автор Мавлави Гулямали Озод (XVIII в.).

17. **«Сборник изящества»** - (**«Мальмаъ-ун-нафоис»**) автор Хони Озод (1786г.).

18. **«Сборник изящества»** - (**«Мальмаъ-ул-фусаъо»**) - автор Ризокулихан Хидоят (1867г.).

В прошлом составление антологий было обусловлено необходимостью фиксирования исторических и литературных документов, что служило для людей творчества важным источником получения необходимой информации. В силу этого, в каждом историческом отрезке времени появлялись люди, которые посвящали свою жизнь сбору необходимой информации и составлению антологий. Составленные антологии воспринимались

современниками и последующими поколениями как важные литературные произведения. Невзирая на то, что автор антологии имел и другие произведения, все же оставался в памяти поколений, прежде всего, как творец антологии. Поэтому, один из известных иранских литературоведов Маъмуд Хидоят, высоко оценивая существование антологий, отмечал, что: «Одна совершенная и полновесная антология в хранилище той или иной библиотеки, представляет собой лучшее литературное произведение» [106, 149].

Как уже было отмечено, на земле Индии всегда придавалось важное внимание лексикографии, летописям, текстологии и составлению антологий. И, хотя после захвата этой страны Англией значение персидского языка несколько утратилось и большое количество редких рукописей было вывезено из страны в библиотеки западных держав, согласно утверждению известного историка Ахрора Мухторова, персидские письменные памятники «помимо библиотек всё ещё хранятся в музеях и архивах. Например, в областном архиве города Хайдарабада находятся 8915 рукописных книг на персидско-гаджикском языке». [122, 3]. Из этого вытекает, что учёные Индии и многие поклонники персидских рукописных произведений, чтити древние традиции, благодаря чему до сегодняшнего дня тысячи томов редких книг хранятся в библиотеках этой страны.

2.2. Проблематика «Шеър-ул-Аджам»

История возникновения и формирования персидско-таджикского языка, развитие древней литературы и культуры персоязычных народов всегда была объектом внимания не только в Мавереннахре, Хоросане, Иране и Индии, но и во всем мировом пространстве. Поэтому, во все времена творцы художественного слова и учёные литературоведы, занимаясь исследованием этой литературы и культуры, создали немало антологий и летописей.

В «Шеър-ул-Аджаме» - большой по объему и охвату проблем произведении Шибли Нумани, также рассмотрены многие вопросы теории и истории персидско-таджикской литературы и литературной критики. Причину создания этой нетленной книги автор пояснил следующим образом: «Земля Ирана всегда была уникальным центром воспитания выдающихся мастеров художественного слова..., в особенности поэзии» [139,31]. Одако, специальных полновесных произведений о зарождении этой традиции и её развитии создано не было. Но если и создавались, то это были только «баязы (альбомы сихов), составленные выборочно из произведений многих поэтов» [139, 32]. С подобными мыслями в мае 1894 года англичанин Томас Арнольд - друг Шибли написал ему, что профессор Джеймс Дармстетер издал книгу во Франции на эту тему. Занимаясь в то время изучением французского языка, Шибли безмерно был рад такому сообщению и попросил своего друга обрести для него эту книгу. После прочтения книги Шибли пришел к такому выводу: «Эта книга состоит из 885 страниц, однако я в ней не обнаружил решения какого либо важного вопроса, за исключением обычного пересказа биографии поэтов» [139, 32]. Таким образом, после изучения большого объема научных произведений исследователей Востока и Запада, этот настойчивый ученый новатор, в марте 1906 года приступил к написанию книги, которая по своему принципу анализа и исследования литературы, стала явлением в персидском литературоведении. Во время написания «Шеър-ул-Аджам» 17 мая 1907 года Шибли случайно был ранен в ногу выстрелом из ружья. Несмотря на то,

что врачи в течении трех месяцев лечили его, но все же были вынуждены ампутировать одну ногу Шибли. Сам Шибли настояв на ампутации сказал: «И это как будто было предсказано Фирдоуси строки которого из «Шахнаме» совсем недавно пришли мне на память: «Порвал, отрезал, сломал и перевязал»». И продолжил:

*Нюлат аз гардиши айём агар гаит батар,
Сабр фармо, ки аз ин низ батар мебоист.
Шиблии номасиянро ба љазои амалаш
По буриданду садо хост, ки сар мебоист.*

[94,133]

*Коль от круговерти жизни стало тебе тяжелей,
Терпи, страдать ведь было предначертано сильнеей.
Несчастному Шибли, за его деяния , в наказание
Отрезали ногу и вырвался крик, что голову надо было иметь.*

Этот несчастный случай лишь на несколько недель заставил Шибли оторваться от работы. Но он не желал медлить с таким важным делом. В итоге, в сентябре 1907 года первая часть книги была завершена. Целиком же книга, состоящая из пяти томов, была доведена до конца в 1912 году. Согласно некоторым источникам, пятый том, после смерти Шибли, был завершён его учеником Саидом Сулейманом Надви.

«Шеър-ул-Аджам» произведение, в котором нашли своё отражение не только проблемы литературоведения и теории литературы, но и её неразрывные связи с историей и философией, социологией и национальным самосознанием, менталитетом народов, традициями и обычаями разных наций. Шибли Нумани, в зависимости от содержания и поднятых в произведении проблем, разделил её на две части.

В первой части, охватывающей три тома, суждения учёного направлены на проблемы истории литературы и творчество её выдающихся представителей. Необходимо сказать, что Шибли в первой части,

рассматривая начало стихотворчества и его формирование в Иране делит на три периода. Он объясняет это следующим образом: «Первый период относится к древности, от которого берет своё начало творчество Ханзала и завершается творениями Низами. Второй период относится к средним векам, начинающийся от Камола Исмаила и завершающийся творческой деятельностью Джами и наконец, третий период - последний берущий свои истоки от Фигани и заканчивающийся поэзией Абутолиба Калима...» [139, 33].

Шибли Нумани, до рассмотрения каждого периода, вначале подробно информирует читателя относительно правителей того времени и истории их правления. Затем, повествует о жизни и творчестве представителей поэзии и литературы каждого периода. Шибли внес заметную лепту в описание и раскрытии особенностей жизни деятельности художников слова, их поэзии, тонкостей поэтического мастерства каждого отдельно взятого поэта. В этой связи один из немецких востоковедов, оценивая сочинения Шибли писал: «Из числа писателей Индии несравненный Шибли единственный, произведения которого всецело выстроены на научной основе и по своей направленности соответствуют современным стандартам Европы» [139, 28].

Первый том книги Шибли Нумани начал с высказывания своих суждений и воззрений относительно сущности поэзии и истоков персидского стиха. Шибли, впервые в литературоведении Востока, подробно и весьма точно размышляя относительно зарождения персидской поэзии, вопросов теории стихосложения, использования средств художественного изображения, наряду с этим также, без какого-либо пристрастия и очень тонко раскрывает существующие шероховатости и изъяны поэтических творений того или иного художника слова, что заслуживает пристального внимания.

Необходимо отметить, что в разделе «Начало персидского стиха» - («Огози шеъри форсӣ»), рассуждая относительно рождения персидской поэзии, ученый считает, что поэзия персов появилась под влиянием арабского стиха. Исследователи эту мысль Шибли считают не обоснованной.

«Появление персидской поэзии Шибли связывает с периодом ислама, но при этом не соглашается с мнением Давлатшаха Самарканди и Ризокулихана Хидоята - известных авторов антологий, относительно того, что после захвата Средней Азии арабами и учиненных ими вандалических сожжений книг, полностью исчезли древние письменные памятники. Как мы позже можем увидеть, привязанность Шибли к исламу и арабскому языку стала причиной того, что он, по-просту, не стал замечать отрицательных последствий разрушительного арабского нашествия» [138, 5].

В литературных источниках и материалах существует огромное количество суждений относительно зарождения персидской поэзии, которые нуждаются в подробных комментариях. Как пишет таджикский учёный Мирзо Муллоахмад «Убедительным доказательством существования поэзии в древнем Иране может быть «Авеста», гаты которой берут своё начало в устной поэзии народа. Или же небольшие стихотворения, как «Сладостный Самарканд» - («Самарканди кандманд...»), «Из Хутальяна пришел» - («Аз Хуталон омадия...»), «Песня о капище Каркуй» - («Суруди оташкадаи Каркӯй») и им подобные свидетельствуют о развитии поэзии в древнем Иране» [138,7]. Свою точку зрения относительно данного вопроса высказали также и другие таджикские учёные: Абдунаби Сагторзода, [II. 157] Мирзо Хасани Султон, [II. 116] Субхон Давронов [II. 85]. Например, Субхон Давронов в книге «Исследование метрики таджикской поэзии» («Омӯзиши вазни шеъри тоҷикӣ») утверждает, что: «Начало рождения мелодичной речи, которую сегодня называют поэзией, возможно своими корнями уходит в гаты «Авесты» [85, 7] или «Если говорить обобщенно, поэзия Рудаки и его современников полностью соответствует всем требованиям настоящего стиха, которые мы сегодня вкладываем в это понятие. И достижение такой степени совершенства было бы невозможно без определенной эволюции, которой предположительно требовалось более 150-200 лет» [85,11]. Наряду с этим, согласно выводам выдающегося русского востоковеда, лучшего знатока истории персидско-таджикской поэзии Е.Э. Бертельса «Никакого

перерыва в литературном творчестве восточноиранских народностей в эпоху между временем создания яштов «Авесты» и периодом появления стихов саманидских поэтов не было, то есть это означает, что поэзия продолжала жить на основе своих древних традиций» [61, 89].

Помимо этого известно, что почти все авторы антологий и литературоведы акцентировали своё внимание на таких вопросах, как выявление первого автора персидских стихов, более раннее существование арабской поэзии чем персидская и её влияния на рождение персидского стиха, существование персидской поэзии до арабского нашествия, подражательном характере персидской поэзии и т.д. К примеру, Мухаммад Авфи Бухорои и Фахриддин Гургани придерживаются мысли, что стихи древнего Ирана были лишены стихотворного размера и рифмовки, и только после арабского нашествия на эту землю, превратились в настоящую поэзию [106, 127]. Иранский учёный Джалалиддин Хумаи Исфагани пишет, что «наша поэзия до арабского нашествия обладала своим определенным метрическим размером» [180, 126-127].

Известные востоковеды В.И.Беляев [II.63] и А.Н. Болдырев [II.69] рассуждая над этим вопросом, отметили, что некоторые метрические размеры стиха были заимствованы доисламскими арабами у иранцев [106,127]. Литературовед Бахром Сирус в своём произведении «Таджикский Аруз» - («Арузи тоҷикӣ»), на основе неоспоримых фактов, пришел к такому выводу, что персидско-таджикская метрическая система стихосложения и мелодичность её тропов не были заимствованы у арабов, так как между арабским и персидско-таджикским арузом, с точки зрения фонетики, существует множество отличий, в силу чего персидско-таджикский стих изобрел совершенно иной свой собственный аруз. [65, 46]. Уместно подчеркнуть, что Шибли также говорит: «Все свойственные персидские размеры не имеют ничего общего с арабскими размерами стихосложения» [138,104]. Таким образом, опираясь на мысли и суждения исследователей о первом образце таджикской поэзии, можно преодолеть трудность уверенного

выявления времени рождения персидской поэзии и персидского стихотворчества.

Затем, Шибли приступает к анализу и исследованию произведений и биографии шестнадцати представителей древних периодов персидско-таджикской литературы: Робии, Рудаки, Дакики, Шахида Балхи, Абушакури Балхи, Хаббози Нишапури, Имораи Марвази, Унсури, Фаррухи, Фирдоуси, Асади Туси, Манучехри, Санай, Умара Хайяма, Анвари и Низами. Как видим, из большого числа поэтов каждого периода он избрал тех поэтов, которые, обладая индивидуальным стилем, внесли свой вклад в развитии литературного процесса.

К примеру, называя Рудаки «первопроходцем и запевалой поэтов», Шибли высказывает такую мысль: «Наряду с силой таланта, он обладал высочайшим мастерством во всех сферах поэзии, его стихи отличаются глубиной мысли и разнообразием содержания, искусством изображения действительности, любовных чувств, тонкостью восхваления, философским восприятием жизни и, наконец, богатыми средствами художественного изображения» [139, 52]. Вместе с тем, знакомясь с описанием биографии Рудаки, читаем и такие откровения учёного: «Рудаки, как утверждают, подобно греку Гомеру, был слепым от рождения» [139, 49]. К сожалению, на страницах «Шеър-ул-Аджам» можно обнаружить такие спорные высказывания и таджикский учёный Мирзо Муллоахмад считает, что: «По части описания и рассмотрения жизнедеятельности поэтов также можно встретить спорные моменты, которые нуждаются в уточнении. В том числе и вопрос о природной слепоте Рудаки» [116, 372]. Другой таджикский учёный Абдухолик Набави склонен считать, что несколько образцов поэзии Рудаки, приведенных Шибли в качестве доказательства, также неточные [139, 17].

В этом томе книги Шибли Нумани, высоко оценивая роль и место Фирдоуси в поэзии, пишет: «До сих пор мать Ирана не родила на свет поэта, подобного Фирдоуси» [139, 127]. И в другом месте, продолжая развивать эту мысль, напоминает: «Фирдоуси является учителем и лидером всех

художников слова» [139, 139]. Размышляя над высказываниями европейских востоковедов Эдварда Брауна, Джона Маклума и Теодора Нёльдеке по вопросу исторической значимости «Шахнаме», Шибли говорит: «Профессор Нёльдеке написал отдельную книгу на тему исторического значения «Шахнаме» и её источников, а Браун в первом томе своей книги о литературе Ирана, привёл несколько цитат из труда Нёльдеке» [39,127]. В другом случае он пишет: «Также и учёные Европы, владеющие персидским языком называют Фирдоуси учителем и первой личностью. Хотя его невозможно поставить в один ряд с Гомером, но если бы в Азии и родился Гомер, он был бы никем иным как Фирдоуси» [39,127].

Шибли исследует «Шахнаме», сравнивая с древними историческими источниками, на которые Фирдоуси опирался и использовал их. Считая военную поэзию важнейшей частью стиха, он подчеркивает, что европейцы называют Гомера величайшим поэтом только благодаря его ратным стихам, или индусы нарекают «Махабхарату» небесной книгой, которая является поэмой о битвах. Приравнивая «Шахнаме» к этим произведениям, Шибли говорит: «Если какую-либо книгу о битвах и можно поставить в один ряд с двумя вышеназванными ратными поэмами, то это все та же «Шахнаме» [139, 148]. Также Шибли в четвертом томе, анализирует «Шахнаме», соблюдая нормы серьёзной западной литературной критики. В целом, весь том книги Шибли, посвященный исследованию бессмертного произведения Фирдоуси, можно назвать отдельным совершенным монографическим исследованием. Однако, рассуждая о причинах создания «Шахнаме», Шибли заявляет, что тезис о том, что якобы Фирдоуси написал свою книгу при поддержке и указанию Султана Махмуда, является спорным.

Исследуя жизнь и творческую деятельность Хакима Омара Хайяма, Шибли ставит «его в науках философии и теологии в один ряд с Абуали Сино» [139, 192] и пишет, что: «Сотворенного им астрономического календаря - «Зич» исламские страны даже и не знали. Но учёные Европы, обретя это открытие, опубликовали его» [139, 193]. По мнению Шибли,

«Европа выше, чем Азия оценила» [139, 213] рубаи Хайяма, а её учёные и поэты: Рос гер Олан, Фитцджеральд, Мигорити, Корнер Ван Филд, Никуло, Будан Истад приложили немало сил и стараний в их исследовании и переводе на английский, французский и голландский языки. Он также отмечает о существовании древнейшей копии рукописи рубаятов Хайяма в Оксфорде и Париже.

Когда речь заходит об Анвари, Шибли Нумани говорит: «Следует считать счастьем Анвари, что его язык очаровал европейцев и они, все же обратили на него внимание». Детально проанализировав книгу русского востоковеда Валентина Жуковского в объёме 170 страниц, посвященной жизни творчеству Анвари и комментариев на эту книгу, написанный Эдвардом Брауном, Шибли считает старания европейских ученых в исследовании персидско-таджикской литературы бесподобными.

Первый том завершается описанием жизни и исследованием творений Низами Ганджави. Шибли, считает Низами одним из самых плодотворных персидско-таджикских поэтов - новаторов и подчеркивает, что: «Низами поднял поэзию на такую высоту развития, что она наполнилась новым содержанием и свежими образами в различных жанрах... Несмотря на свою связь с дворцовой поэзией и стихи-посвящения, предназначенные придворной челяди, он освободил касыду (оду) от налёта восхваления» [139, 244]. Также Шибли указывая на достоинства творчества Низами, отмечает, что: «Он первый, кто написал многочисленные месневи в пяти различных стихотворных размерах и «он первый, кто нанизал жемчужины мудрости и проблемы философии на нить поэзии» [139, 245]. В этом томе также осуществлен сравнительный анализ «Шахнаме» с «Искандарнаме», место и роль каждого из которых Шибли считает беспрецедентным в словотворчестве. В целом, следует подчеркнуть, что Шибли Нумани вложил немало сил и труда в исследовании жизни и творчества Низами, о чём свидетельствуют эти слова самого учёного: «Мне по душе пришлось произведения поэта Азербайджана Низами Ганджави. Его «Хусрав и Ширин»

великая книга истории любви, единственную рукопись которой я обнаружил в Национальной библиотеке города Парижа. Это произведение в XIV веке было переписано на турецком языке и я опубликовал её в Польше» [П. 217].

Во **втором томе** «Шеър-ул-Аджам», после исторического описания времени, подчеркивая развитие суфизма, жанров газели и панегирика, он следующим образом характеризует поэтов, которые преуспевали в этих жаровых разновидностях поэзии:

В жанре газель: Мавлави, Шейх Саади, Амир Хусрав, Хасан и Ходжа Хафиз.

В суфизме: Аттар, Мавлави, Авхади, Ираки и Магриби.

В создании касыд: Камол Исмаил и Салман Соваджи.

Затем, Шибли Нумани приступает к пояснению страниц жизни и творений известных поэтов VII-IX веков хиджри, за исключением Джалолуддина Руми, так как к тому времени им уже была завершена книга, под названием «История Джалолуддина Руми». При исследовании произведений Фаридаддина Атгара, Камола Исмаила, Шейха Муслииддина Саади Ширази, Амир Хусрава Дехлави, Салмана Соваджи, Хафиза Ширази и Ибни Ямина Фарюмади, уделяя особое внимание стилю и манере их словотворчества, он раскрыл индивидуальные черты поэзии этих великих мастеров поэзии.

Шибли сообщает, что древнейшая рукописная копия «Собрания сочинений» («Куллиёт») Шейха Саади, которая храниться под номером 1117 в библиотеке дивана Индии, и переписана, примерно после тридцати семи лет кончины Саади, Абубакром ибн Али ибн Мухаммадом, с рукописи оригинала, написанной рукой самого Саади. Необходимо напомнить, что перечисляя и рассматривая произведения Шейха Саади, он также сообщает о переводах «Гулистана» и «Бустана», «Второго трактата» а также нескольких газелей и рубаи, выполненных европейскими востоковедами: М.Гуйдманом (1898г. в Бриславе), К.Х. Гроффом (1850г. в Вене), А.Роджерсом (1891г. в Лондоне), Шлихто Висхардом (1850г. в Вене), Рюкертом (188г. в Лейпциге), Борбиром де Минором (1880г.), Г.Вилберфурс Кларком (1879г. в Лондоне),

Робинсоном (1883г. в Лондоне), Глодвином (1806г. в Калькуте), Б.Дорном (1826г. в Гамбурге), Волфом (1841г. в Штутгарде), С.Назаряном (1857г. в Москве), Отвиновским (1879г. в Варшаве) и т.д. на английский, французский, немецкий, польский, турецкий и арабские языки, а также язык хинди, что является важной информацией для исследователей и востоковедов.

В этом месте, относительно Амира Хусрава Дехлави Шибли пишет так: «В мировой славе Хусрава принимали участие все его произведения, начиная с газели, маснави, касыды, рубаи и заканчивая даже самыми малыми жанрами, как тазмин, мустазад, средства художественного изображения. Что же касается количества созданных им произведений, можете быть уверены, никто не может с ним сравниться» [139, 389]. Шибли считает, что таких совершенных поэтов, истинных мастеров художественного слова, как Амир Хусрав, можно перечест по пальцам.

Шибли Нумани подробнейшим образом останавливаясь на вехах жизни и творчества Хафиза Ширази, детально анализирует тематику его газелей и пишет: «Его стихи, источают тысячи мыслей и различных воспоминаний, но всякая мысль, запечатленная его пером, бурлит страстями и чувствами в такой степени, что наслаждение и воздействие, пробудившиеся в сердце самого Ходжи, в точности отзываются и в сердце его читателя» [139, 484]. Шибли о газелях Хафиза имеющих строки на арабском языке высказывает такую мысль: «Он арабские предложения расставляет в таком красивом порядке, что будто вставили камень в колечко» [139, 467]. Затем он переходит к сравнительному анализу газелей Хафиза и Ходжу и, считая такой анализ объективной необходимостью в истории поэзии и периодах развития стиха, выявляет отличительные особенности стиля каждого из них. Такой же сравнительный анализ газелей Хафиза Шибли осуществил в сравнительном аспекте с газелями Саади, Хусрава и Салмана.

Считая каждого из вышеназванных поэтов несравненным в сотворении газелей, Шибли называет Хафиза неповторимым художником слова и приходит к такому выводу: «Но сила слова состоит в манере его изложения,

которая кажется в такой мере волшебным, что подобной мы не встречаем ни в одном времени, и хотя на все эти темы другими мастерами поэзии созданы сотни тысяч стихов, оданako на всех литературных собраниях почему-то на устах чаще только стихи Хафиза» [139, 499].

Третий том «Шеър-ул-Аджам» начинается с описания жизни двора Тимуридов Индии, внесших неоценимый вклад в развитии поэзии и литературы, опеку и воспитание поэтов и мастеров художественной словесности. Затем Шибли высказывается относительно таких известных поэтов последних веков, как Фигани Ширази, Файзи, Урфи Ширази, Назири Нишапури, Толиби Омули, Соиб и Калим. Оценивая творчество Фигани Ширази Шибли, выражая свою солидарность с мнением Волаи Дагистани, отметившего, что: «Известный старец (Фигани ширази-Х.З.) сподвижник нового направления, которого мы не наблюдаем в поэзии ни одного из его предшественников и современников». [140, 28], считает Фигани творцом нового стиля и подчеркивает: «Этого мужа все творцы художественной словесности признают новатором науки» [140, 28]. Уместно отметить, что известный русский востоковед Е. Э. Бертельс, выражая своё несогласие с таким высказыванием, назвал Фигани «обычным гератским поэтом» [60, 88].

Необходимо отметить, что в этом томе «Шеър-ул-Аджам» не приводится никакой информации о литературном процессе XVI-XIX веков в Хоросане, Мавереннахре и Иране. Как известно, начиная с XVI века общая персидская литература, разделившись на самостоятельные ответвления, каждая обрела свои особые черты и великих представителей. В частности, в Мавереннахре и Хоросане жили и творили такие известные поэты как Хилоли, Бинои, Восифи, Сайидо, Шохин, Хайрат, в Иране Мухташам, Нишот, Миджмар, Фуруги и другие, о которых в книге не сказано ни слова. Как отмечает профессор Мирзо Муллоахмад: «Безусловно, основной причиной этого была недоступность автору произведений этих поэтов и то, что во время написания «Шеър-ул-Аджам» персоязычные литературные круги еще не были исследованы» [140, 4].

Четвёртый том книги Шибли Нумани, посвященный общему состоянию поэзии Ирана, состоит из трех разделов. В первом разделе, названном «Истина и сущность стихотворчества» - («Нѡаќќат ва моњяќќи шоирї»), автор размышляет о поэзии, её основных элементах, различии истории и поэзии, воображении и его использовании, отличительных особенностях порадирования (спора), сравнении и метафоре, красоте речи, воздействии слова, с точки зрения смысловой нагрузки и т.д.

Шибли, высоко оценивая роль поэзии, как и английский писатель, историк и философ Томас Корлел, называет поэта воспитателем человечества и одним из двигателей человеческой цивилизации.

Признавая воображение и подражание одними из важнейших элементов поэзии, он приступает к подробному их толкованию и наряду с выявлением ценностей воображения и других элементов поэзии, указывает на допущенные шероховатости, безвкусию в прибегании к воображению, в особенности в творениях поэтов последних веков, то есть поэтов индийского стиля.

Когда речь заходит о средствах художественного изображения, Шибли с уверенностью утверждает, что: «Мастерство художественного слова и художественные средства изображения, с точки зрения приёмов, заимствованы у арабов...» [138, 118]. Необходимо подчеркнуть, что это утверждение весьма спорное, ибо как отмечает в своей книге «Персидско-таджикское усовершенствование художественности» - («Такмилаи бадењи форсии тољќќ») профессор Абдунаби Сагторзода: «Согласно словам Ал-Джахиза (ум. 255г. хиджри, соответствующим 868 году христианского летоисчисления) в «Ал-баён ват-табйин», иранцы в доисламский период имели книги по риторике и всякий, кто желает обучиться стилистике поэтической речи, должен обратиться к такой книге, как «Корванд»» [158, 7].

В начале второго раздела Шибли беседует на темы периодов формирования и развития поэзии, влияния арабского стиха на персидский и наоборот. Он утверждает, что иранские поэты, вначале дословно переводя

поэзию арабов, упражнялись в стихосложении или же «персоязычный преклонив перед арабом колени, обучился у него искусству стихотворчества» [138, 128], также считает арабскую литературу единственным источником персидской поэзии. По словам профессора Мирзо Муллоахмада: «Возможно под влиянием именно этих суждений, русский востоковед Е.Э. Бертельс в своих первых статьях тоже признавал персидскую поэзию порождением арабской литературы, но позже отказался от этой мысли» [138,9].

Важно отметить, что на самом деле арабская поэзия оказала сильное воздействие на персидскую поэтическую речь, но в то же время многими исследователями доказано, что поэзия в Иране существовала и задолго до арабского нашествия, даже в период варварства арабов, но канула в небытие в результате разрушительных нашествий греков и арабов, монголов и тюрков [138, 8.].

Наряду с этим, когда Шибли в разделе «Влияние противоречий стран и государств» («Асари ихтилофи мамолик ва булдон») рассуждает о развитии персидской поэзии за пределами Ирана, у него можно обнаружить такие спорные высказывания, как: «В Газнине, Балхе и других местах проживают афганцы и турки...» или «В Бухаре и Самарканде проживали тюркские племена и вообще поэты были тюрками» или же «В речи поэтов Самарканда и Бухары, которые были тюрками...» [138,182-183]. И как говорит таджикский учёный Мирзо Муллохмад: «По нашему мнению, причиной тому послужило неверное название Мавереннахра царской Россией Туркистаном. Поскольку Шибли не совершал путешествий в Среднюю Азию, он пришел к таким ошибочным высказываниям лишь на основании слухов. А иначе, ни в одном из литературно-исторических источниках нет таких фактов» [138, 10].

Более того, существуют множество аргументов, которые разрушают все эти неверные суждения и свидетельствуют о существовании персидского языка дари в Хоросане и Мавереннахре, за долго до арабского нашествия. Уместно отметить, что афганский ученый Абдулкайюм Кавим всесторонне изучив все суждения и высказывания исследователей Востока и Запада

поэтому вопросу, приходит к такому выводу, что: «На основании неопровержимых фактов язык дари в Балхе, Бухаре и в целом Хоросане существовал в древности ещё задолго до исламского периода» [105, 400].

В подтверждении этих слов, также можно сослаться на мнение профессора Мирзо Муллоахмада, который утверждает: «Бесспорно, что лоном фарси-дари или таджикского языка были именно Хоросан и Мавереннахр, который потом распространился по другим регионам Ирана и исконными жителями Бухары и Самарканда всегда, до нынешних дней являются таджики» [138,10].

В третьей главе «Шеър-ул-Аджам» названном «Рецензия и критика», Шибли Нумани, сравнивая особенности персидской поэзии и стихотворчества с арабской поэзией, подробно толкует упущения и достижения персидских поэтических произведений, затем выявляя красоту и порядок, характерные черты, различия и реалистические основы стиха, вступает в широкую дискуссию.

После этого Шибли размышляя относительно жанра месневи, считает его «самой важной и полезной» поэтической частью. Он подчеркивает, что в месневи можно вместить всякое содержание, начиная с картин баталий и пиршеств, философских суждений, суфийских воззрений и завершая реалистическими изображениями действительности. [138, 211]. Ещё одну положительную особенность месневи он видит в самостоятельности каждого бейта, то есть нет такого обязательного правила, чтобы всё произведение было написано одной рифмой. В добавок ко всему, поэт сочиняющий своё произведение в жанре месневи, использует широкую литературу и свободен в словотворчестве. Исходя из тематики и содержания, Шибли разделяет месневи на следующие разновидности:

1. Батальное или историческое месневи, подобное «Шахнаме» или «Искандарнаме» и т.д.
2. Любовное песнопение: подобное «Ширин и Хусрав» и др.
3. Нравственное: как «Хадика», «Бустан» и др.

4. Сказочно-мифологическое: «Семь статуй» - («Няфт пайкар»), «Восемь раев» - («Хашт бињишт») и др.

5. Суфийско-философские: «Месневи» Руми, «Чаша Джам» - («Льоми Лям») Авхади и др.

Шибли Нумани акцентировал своё внимание в большей степени на батальных месневи, которых немало в творениях персидских поэтов, но из их числа достойными внимания он считает лишь три месневи: «Шахнаме» Фирдоуси, «Гаршаспнаме» Асади, «Сикандарнома» - («Поэма об Александре») Низами.

В заключении этой главы Шибли подробно анализирует «Шахнаме» Фирдоуси, к которой он изначально питал высокое уважение. Оценивая «Шахнаме» как источник культуры и цивилизации персоязычных народов, зеркало истории, политики, философии, нравственности, чистых человеческих отношений, он отмечает непревзойденное мастерство Фирдоуси в использовании разумной степени воображения в изображении событий и явлений, как особая манера его стихотворчества. Вот как он описывает своё отношение к этой книге: «Шахнаме» это - зеркало, отражающее нравственность и цивилизацию Ирана. Благодаря этой книге мы можем увидеть методы воспитания и культуру каждого изображенного в ней века. В ней подняты самые наиважнейшие проблемы в жизни человеческого общества, которые затмевают все мирские, малозначащие интересы людей» [138, 229].

В начальной части пятого тома «Шеър-ул-Аджам», рассматривая жанр касыды и газельное творчество арабских и персидских поэтов, Шибли анализирует их тематику и содержание, высказывает свои критические замечания об изъянах и упущениях, подчеркивает степень мастерства того или иного художника слова, создавшего свои стихи в этих жанрах. Сравнивая панегирики персоязычных поэтов с арабскими касыдами периода язычества, он приходит к выводу, что в персидских касыдах в меньшей степени наблюдается изображение действительности. Продолжая развивать

эту мысль, он пишет: «Приходится сожалеть, что поэты Ирана не оценили по достоинству этот способ изображения и вместо того, чтоб использовать его во благо художественного изображения, использовали в корыстных целях... чаще восхваляли таких людей, которые не были достойны хвалебных слов и восхищения» [140, 408].

Шибли считает, что понапрасну отдали много сил и труда восхвалению правителей своего времени, от которых обществу доставались лишь страдания и вред. Им было бы лучше вспоминать о своих предках, как Джамшед, Дарий, Ардашир и Хусрав, которые заслуживают всяких похвал и восхвалений. В тоже время, Шибли вспоминает о великих заслугах многих из известных поэтов, как Санои, Авхади, Саади, Джами и Хагани, которые в своих касыдах главное внимание уделяли только теме назидания и философских раздумий, которые в основном были посвящены аскетической жизни и прозрению. В этой главе осуществляя сравнительный анализ газелей персидских поэтов, с произведениями арабских и европейских художников слова, Шибли без пристрастно оценивает их достоинства и недостатки. Затем он переходит к подробному рассмотрению суфийской и философской поэзии, выявляет её влияние на персидскую поэзию, назидательные стихи, учение о свободолюбии и поисках истины.

В связи с философской поэзией Шибли рассуждает таким образом: «Такого запаса и объёма материала в персидской поэзии, содержащих в себе философские мысли и воззрения, не возможно обнаружить ни в одном из языков мира» [140, 556]. Всякий раз анализируя философские воззрения и мысли Руми, Саади, Санои, Носири Хисрава, Низами, Сабохи, Урфи, Назири и Джалола Асири, он отмечает, что благодаря их стараниям язык наполнился философскими высказываниями и словосочетаниями и «если их всех собрать воедино, получится краткий словарь по философии» [140, 558].

Написав «Шеър-ул-Аджам», Шибли в начале XX века создал совершенно иную школу литературоведения, вооруженную новыми,

современными научными методами анализа, которая и сегодня достойна продолжения и изучения.

Согласно мнению Саида Нафиси, «Шибли в этой книге раскрыл свое мастерство в критике и глубину и тонкость в исследовании» [139, 8]. «Шеър-ул-Аджам» второе произведение Шибли Нумани, после книги «Тухфат-ул-амон фи сирати-н-нуъмон», которая в нашей стране на кириллице стала достоянием таджикского читателя. Перевод «Шеър-ул-Аджам» с языка урду на персидский и его переложение на кириллицу потребовали немало усилий и времени. Саид Нафиси назвал перевод этой книги Сайидмухаммадтаки Фахри Дои Геляни «одним из драгоценнейших деяний» [139, 6]. И, согласно словам таджикского учёного Саида Нуриддина Саида, его публикация на кириллице для таджикского народа «Есть нечто иное, как культурное и литературное явление» [139, 4].

Несомненно, эта книга для каждого любящего науку человека, является бесценным путеводителем в бескрайнем океане литературы, так как Шибли Нумани - первый литературовед, который с такой подробностью и скрупулезностью исследовав каждое явление персидско-таджикской литературы, пояснил их во взаимосвязи с социально-экономическим положением времени. Педантично раскрывая особенности творений персоязычных поэтов, представил их поклонникам высокой художественной словесности, со всеми достоинствами и недостатками.

ГЛАВА III. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И КРИТИКИ ПОЭЗИИ

В «ШЕЪР-УЛ-АДЖАМ»

3.1. Исследование и восприятие поэзии в призме эстетических взглядов Шибли Нумани

Художественная литература находится в тесной взаимосвязи с критическими воззрениями, и их невозможно представить без друг друга. Отсюда, вполне закономерно, что теория критики зародившись в одно время с литературой, вначале в сравнительно простой форме, постепенно обретая определенные более утонченные формы, пошла по своему дальнейшему пути развития. Конечно, литературная критика прошлых эпох отличалась от современной критики и критик, в основном высказывался относительно положительных и отрицательных особенностей художественного произведения, так как основным критерием в художественном творении являлось красота речи и её наполненность смыслом.

Известно, что семантику слова «критика» связывают с греческой лексемой «criticos», что обозначает «выносящий приговор», «дающий оценку». В таджикский язык это понятие пришло из арабского слова «нақд», которое обозначает «установление (оценка) чистоты (неподдельности) дирама или динара» [188, 21].

В арабском и персидско-таджикском литературоведении данное слово, по выражению иранского учёного Абдулхусейна Зарринкуба: «Уже давно используют, как иносказание, в выявлении достоинств и изъянов художественной речи» [89, 74]. То есть можно сказать, что достоинства и недостатки или изъяны и совершенства того или иного художественного произведения выявляются согласно норм художественных творений.

Суждения относительно хороших и плохих стихов, достоинствах творений поэтов можно обнаружить в произведениях литературоведов различных эпох.

Критики и литературоведы прошлых столетий, сделав поэзию, объектом критики, в разных измерениях, оставили об этом в наследство огромное количество произведений, большая часть которых, к счастью, сохранившись до сегодняшних дней, стала достоянием исследователей.

Поскольку мы говорим о критике, возникает вопрос, можно ли всякую ритмизованную речь назвать стихом? В этой связи, необходимо сказать, что в персидско-таджикском литературоведении прошлых эпох существует два определения стиха. Первое определение принадлежит философам и логикам, которые утверждают, что стихом является «воображаемая речь - плод фантазии». Другое определение дано арабскими или персидскими литературоведами, согласно суждениям которых, стих - это мелодичная рифмованная речь, несущая в себе определенную мысль. Первая теория берет начало с Аристотеля [I. 2], которую затем продолжили и развили такие известные философы Востока, как Абунастр Фараби [I. 7], [I. 8], Абуали ибн Сино [I. 1], Низами Арузи Самаркандский [I. 31] и Насируддин Туси [I. 37], [I. 38]. Основоположником второй теории считают арабского литературоведа Кудома ибн Джафара [I. 25], на основе воззрений которого зародилась теория персидской поэзии.

Первое направление, являясь философско-эстетическим направлением, охватывает творения Фараби, Ибн Сино, Ибн Рушда, Насируддина Туси, которые находились под влиянием греческой культуры.

Второе направление будучи литературоведческим, формировалось на основе литературно-эстетических воззрений Мухаммада ибн Омара Родуэни, Рашида Ватвота, Шамса Кайси Рози и других профессиональных литературоведов, которые опирались на учения арабских теоретиков литературы [II. 157].

Определение стиха и его сущности в наше время, было также в центре внимания учёных и исследователей, которым необходимо отнести труды таких отечественных и зарубежных литературоведов, как И.Ю.Крачковский [II. 104], Абдунаби Сатторзаде [II. 154], [II. 155], [II. 156], [II.157], [II. 158],

Рахим Мусулманкулов [II. 118], [II. 119], [II. 120], Худои Шарифов [II. 184], [II. 185], Расул Хадизаде [II.178], [II. 179], Мухаммадризо Шафеъи Кадкани [II.103], Султан Вохидов [II.71.72], Махмадёр Шарифов [II.188] и других.

В «Шеър-ул-Аджам» проблема теории и критики поэзии является одной из основных направлений, об этом автор ведёт подробный разговор в таких разделах книги, как «Истина и сущность стихотворчества» - («Нъаќикат ва моънияти шоирӣ»), «Отличие истории и поэзии» - («Фарќи байни таърих ва шеър»), «Каковы элементы стихотворчества?» - («Аносири шоирӣ кадоманд?»), «Восприятие стихотворчества» - («Истеъмоли шоирӣ»), «Величие стихотворчества и поэзии» - («Азамати шеъру шоирӣ»), «Экскурс в развитие стихотворчества и поэзии» - («Сайри такомули шеъру шоирӣ»), «Влияние арабского стихотворчества и поэзии на персидскую литературу» - («Таъсири шеъру шоирии араб дар форсӣ»), «Влияние персидской поэзии на арабскую или влияние наставника на ученика» - («Таъсири шеъру шоирии форсӣ дар арабӣ ё асари шогирд бар устод»), «Рецензия и критика» - («Такризи ва интиќод»), «Новый пояснительный взгляд на персидскую поэзию» - («Тальдиди назари тафсилӣ бар шоирии форсӣ»), «Части стиха с точки зрения живописи» - («Аќсоми шеър аз лиъози мусаввирӣ») и т.д.

Размышляя относительно поэзии, её сущности и элементов, также о значении поэзии, Шибли Нумани говорит: «Учёные литературоведы расчленяя стих с точки зрения метрического размера, рифмовки, редифа и других её составляющих элементов, к частям поэзии относят газель, касыду и месневи. Однако мы такое членение и разделение научным не считаем» [138, 413]. Как видим, рифмовку и метрический размер он не считает основными элементами стиха, а прежде всего, акцентирует своё внимание на правдивости и особенностях поэзии, заключая, что: «Стих состоит из изображения или воображения, то есть стихом мы называем те особенности и многообразие, которые рождаются благодаря им» [138, 413].

Прежде чем приступит к рассмотрению литературных взглядов Шибли, нам бы хотелось определить значение слова «стих», выяснить что же представляет собой стихотворение?

Автор книги «Лубоб-ул-албоб» Мухаммад Авфи Бухорои (XII-XIII века), касаясь вопроса сущности стиха пишет: «Надобно знать, что **стих (шеър-Х.З.)** обозначает науку, то есть знание, посредством которого умственные деятели что-либо познают и слово **поэт (шоир-Х.З.)** обозначает учёный, то есть умный, который познает суть значения слов, наполняя их смысл своим воображением» [6. 16]. Из сказанного вытекает, что словарное значение обеих слов состоит из одного и того же понятия - «знание» и в «Словаре Гияса» - («Гиёс-ул-луѓот») оно также приводится в значениях «находить», «знать» и «познание тонких нюансов» [15, 464]. Также слово «поэт» в словарях даётся в значении «обладатель сознания, где сознание обозначает чувство, поэтому поэта относят к человеку, обладающего чувством, но не простым, а мощным чувством восприятия» [16, 40]. В конечном счете, Мухаммад Авфи ставит различие между учёным и поэтом, согласно его словам наука общее понятие, то есть знать и понимать поэзию может каждый, но выразить точный смысл в поэзии подвластно только поэту. Шибли Нумани, приступая к толкованию стиха, различий между наукой и знанием и поэзией, изучив все воззрения учёных прошлого, высказывает следующую мысль: «Знания побуждают разум размышлять над научными вопросами, но поэт выражает свои размышления над этими вопросами с глубокими чувствами» [138, 21].

Таким образом, можно сказать, что: «Высокая оценка стихотворения - это, когда оно пробуждает чувства и будоражит своей притягательностью» [138, 21].

Согласно учений мыслителей и ценителей персидско-таджикской поэзии, вся деятельность человека берет своё начало от восприятия и чувств. Процесс изучения и исследования, как и развитие всех областей науки и знаний, являясь результатом восприятия, человеческих чувств, происходит

под влиянием привлекательных событий. В итоге, всё естество человека охватывает радость, ликование или печаль и страдание. И если эти чувства, наполняющие душу человека, изображены плавной речью и высоким смыслом, тогда и рождается истинная поэзия [138, 18]. Поэтому, в таджикском средневековом литературоведении поэзией называли духовную (нравственную) речь, возбуждающую чувства и мысли человека. Значит, поэт это - человек, который больше и тоньше других чувствует и возбуждается от всех событий и явлений и всего того, что существует в жизни, будь то материальное или духовное, и способен выразить это состояние своей души в красивом одеянии плавной речи. Более того, по словам Шибли: «Всё то, что вызывает в сердце удивление и восхищение, или возбуждение и кипение и есть поэзия» [138, 19].

Шибли Нумани считает, что в познании истины и сущности предметов, природы и материального мира участвует каждый орган человека. Например, задача перцепции, по его мнению, заключается в том, что мы с её помощью познаем окружающие нас предметы и получаем о них информацию. Значит познание, являясь процессом исследования и развития восприятия, становится результатом получения общих знаний. Чувство же пробуждается только в результате какого-либо впечатлительного события и становится причиной активизации состояния радости и печали [138, 18]. То есть, после активизации познавательных сил происходит вспышка чувств, направленных на восприятие окружающего мира, что в свою очередь обуславливает необходимость упорядочения речи и рождения впечатляющих словосочетаний в структуре стиха. Описывая, на основе этого процесса, познание логики стиха, Шибли Нумани в сравнении с другими элементами стиха, чувство считает превыше. Шибли говорит, что чувства или инстинкты зверей и птиц выражаются различными звуками и движениями. Однако, при возбуждении человеческих чувств и волнении сердца, плавные мелодичные словосочетания находят своё выражение посредством силы речи, которую Шибли Нумани называет поэзией и дает этому понятию

следующее определение: «Речь, которая возбуждает чувства и приводит их в движение, является поэзией» [138,19]. Также все красоты природы, которые в каждое время года предстают взору человека в разнообразии запахов и красок, являясь источником вдохновения поэтов, становятся причиной движения их чувств и рождения мелодичной чарующей речи, что составляет основу поэзии. То есть, все желания и мысли поэта направлены на сотворение такого стихотворения, в котором бы отразилась вся жизнь в её широте и многообразии и, по мнению Шибли «Значит весь мир это поэзия» [138,19]. Эта мысль напоминает слова Фаридуддина Атгара, которые удивительны по своей глубине: «А значит, мир становится поэтом, как другие» («Пас, љањон шоир бувад чун дигарон») [90, 39].

В процессе прослушивания музыки или рассматривания картины художника рецепторы слуха и зрения приходят в движение и пробуждают в нашем сердце те или иные чувства. То есть, в окружающем нас мире много того, что оказывают воздействие на сердце человека, однако в этом случае Шибли Нумани остается твердым в своём убеждении, что только поэзия способна, оказывая воздействие на слух и зрение, на вкус и осязание, пробудить все чувства, ведь «По силе воздействия ничто не может сравниться с поэтическим словом» [138,19].

Воображение позволяет изобразить предметы окружающего мира таким образом, что они проникают в душу, зрение и слух человека и оседают в его сердце. Например, Абуабдулло Рудаки в этом бейте прозрачность вина сравнивает с яхонтом, а блеск с мечом, сверкающим под лучами солнца. Читая бейт перед нашим взором невольно возникает чаша с таким вином и чувствуется его вкус:

*Биёр он май, ки пиндорї равон ёкути нобастї
Ва ё чун баркашида теѓ пеши офтобастї ...*

[34,124]

*Подай же мне того вина, что чистым яхонтом покажется
Или как мечь, из ножен извлеченый, сверкающий под солнцем он
окажется...*

Шибли приветствует в поэзии истину, но по той причине, что разделяет стихи на воображаемые и реалистические, считает, что в воображаемых стихах не обязательно ориентироваться на действительность. [138,87].

Согласно мнению Шибли Нумани, действительность занимает важное место в природе стихотворения. Подчеркивая эту мысль он пишет: «В подтверждении необходимости реалистического изображения в поэзии достаточно сказать, что много ценного в высокохудожественных произведениях обусловлено именно той реалистической направленностью, которыми они обладают» [138, 89]. Подобного рода высказывания также можно встретить и в сочинениях Унсурулмаоли Кейкавуса [23,137], Шамса Кайса Рози [I.35] Абдуррахмана Джами [42, 383] и др.

Наряду с этим, Шибли Нумани подчеркивая имеющиеся отличия между историей (обозрением) и стихом, считает, что для того, чтобы в стихотворении появились ценностные качества, необходимо использовать воображение. Например, когда мы видим розу и говорим о её аромате, цвете и листве, это есть реалистическое описание, к которому поэту нет дела, но если изобразить всю красоту аромат и нежность розы обворожительными словами и глубокими чувствами, прибегая при этом к поэтическому воображению, то это становится поэзией. Таким образом, Шибли считает элемент воображения «основной сутью поэзии» [138, 21] и этот его тезис созвучен воззрениям философов древней Греции и таджикских мыслителей Ибн Сино и Абунасра Фараби.

Шибли Нумани заявляет, что наряду со стихами заметную роль в пробуждении волны чувств также играет призыв или обращение. В тоже время чётко показывая превосходство поэзии над обращением, он говорит, что целью поэтов, пишущих возвания, является пробуждение у адресата ответных чувств и привлечение к себе внимания читателей.

В тоже время, если какой-либо поэт творит стихи только с целью привлечения внимания окружающих и старается пробудить их чувства, Шибли считает его не поэтом, а «проповедником и творцом возваний» [138, 28]. По его мнению, «Поэт такая творческая личность, которая вообще не замечает слушателей и даже если кто-то пишет стихи, чтобы угодить кому-то, то и ему надлежит излагать свои мысли таким образом, чтобы никому в голову не приходило, что он пытался привлечь чье-то внимание или пробудить чувства других людей» [138, 5]. Наряду с поэзией проповедь, изначально была объектом исследования и анализа логических произведений греков и литературных воззрениях арабов, которые её упоминали как искусство красноречия. И одной из важнейших проблем, занимавшей умы мыслителей, было определение степени воздействия поэзии и проповеди на человека. Согласно их мнению, поэзия, по силе воздействия, опережала проповедь [39, 534]. Таким образом, мы видим, что в этом вопросе Шибли был последователем греческих логиков и арабских литературоведов.

Шибли Нумани придавая особое внимание манере стихотворчества, в главе «Важность и изящество речи» - («Чиддат ва лутфи адо») пишет: «Согласно мнению литературоведов именно эти атрибуты - важность и изящество речи, позволяют называть её (речь) поэзией. Ведь если какую бы мысль вы выразили в обычной или общеприятной форме, она не будет изящной. Напротив, если сказано новым стилем и в художественной форме, такая речь имеет право называться (поэзией) поэтической» [138, 67]. Выражение мысли и чувств в красивой и изящной форме, сродни волшебству и, весьма трудная задача, ибо требует таланта и высокого поэтического вкуса. Например, как в этих нижеприведенных строках:

Захмъо бардоитему фатъньо кардем, лек

Ъаргиз аз хуни касе рангин нашуд домони мо.

[138, 67]

Мы ран немало получив, побед добились, но

Не окрасился подол нашего платья кровью ничьей.

Смысл этих строк таков, что хотя наши противники (завистники) говоря колкости наговаривали на нас, однако благодаря нашему терпению и сдержанности, они признали наши знания и величие наше. Такую форму речи Шибли поясняет следующим образом: «Задумайтесь в какой новой манере изображено это воображение, ведь помимо новой формы доведения мысли до читателя, обратите внимание на необычность смысла, что человек бьётся на поле брани насмерть, но выходит победителем, не пролив ничей крови» [138,67].

Наряду с глубоким содержанием стихотворению свойственны метрические размеры и рифмы, воображение, пародирование (диспут), средства художественного изображения и другие атрибуты поэзии и стихотворчества. Правильно ли относить всё это к основным элементам поэзии? К примеру, Абунаср Фараби считает поэзию плодом диспута (размышлений) и её основным фактором называет воображение и высказывает мысль, что стихотворный размер и музыка порождают воображение. Размышляя над сутью поэзии и её основными элементами, Шибли Нумани приходит к выводу, что не всякую ритмичную и рифмованную речь можно отнести к поэзии. Он говорит: «Истина в том, что стихотворчество на самом деле состоит из воображения» [138, 38]. Подобную мысль относительно поэзии и стихотворчества выразил в «Четырёх трактатах» - («Чаъор маъола») и Низами Арузи Самарканди: «Стихотворчество есть искусство, с помощью которого поэт может возвеличить свою мысль или довести её до самой малой крупинки, добро облачить в одежду зла, а зло одеть в платье добра» (31, 38). Подытожив все эти размышления, Шибли приходит к заключению, что ритм в поэзии не является основным элементом, а только лишь частицей стихотворения или фактором воображения, что совпадает с мнением средневековых таджикских философов.

Согласно мнению Шибли, другим основным элементом стиха является подражание (муъокот) или демонстрация искусства словотворчества. Ибн Сино считает, что подражание отражает природу и оно появляется при

использовании средств украшения речи. Основную сущность мухокота Шибли видит в том, что какой либо предмет или объект должен быть изображен таким образом, чтобы пред взором возник его истинный облик [138, 18]. Для подражания (мухокот), прежде всего, необходима часть природы и её соответствие с мелодикой и ритмикой, чтобы изображаемый объект предстал пред взором читателя в новых красках и свежести мысли. Шибли считает, что ни один художник или ваятель не имеет такой возможности и только в поэзии можно с большим искусством, привлекательно и великолепно изобразить воображаемое [138, 24]. Например:

Нармак- нармак насим зери гулон мехазад,

Ѓабѓаби ин мемакад, орази он мемазад.

Сунбули ин мекашад, гардани он мегазад,

Гањ ба чаман мечамад, гањ ба суман мевазад.

[138, 24]

Нежно-нежно ветерок (зефир) под подошвы роз вползает

Побородок этой (розы), лицо другой (розы) кокетливо лобзает.

Локонов одной касаясь, шею другой (розы) кусает,

То кокетливо в луга спешит, то к жасминам убегает.

Каждая строка вышеприведенного стихотворения представляет собой обворожительную картину, исходящую из самой природы и, когда мы предствалеем её она вызывает в недрах души чувство радости и восхищения. Возможно, изображение природы, которая является материальной субстанцией, не так уж сложно, но как нам кажется воздействовать на чувства читателя и перенести его в воображаемый мир, является весьма трудной задачей. Шибли уверен, что даже выдающийся художник не может справиться с этой задачей [138, 24]. Например, как в этом стихотворении:

Насабномаи давлати Кайкубод

Вараќ бар вараќ њар суе бурд бод.

[138, 24]

Родословную книгу государства Кейкубада

Листок за листком развеяла ветров армада.

В этом стихотворении воображение поэта очень тонко и мастерски выстроило картину распада династии Каянидов, после смерти Дария. По мнению Шибли Нумани, в изобразительном искусстве просто невозможно показать всю суть воображения и пародирования. В этом случае мы вновь видим, что Шибли солидарен с взглядами мыслителей Греции, Ибн Сино и Фараби. Он говорит: «Правда заключается в том, что стихотворчество в сущности относится к двум понятиям: первое из них мухокот (подражание) а второе это - воображение. Когда то или иное творение одевают в одежду красноречия, оно становится стихотворением...» [138, 23]. Иначе говоря, Шибли Нумани основными элементами стихотворения считает воображение и мухокот (подражание).

В другом месте Шибли высказывает свою твердую убежденность в том, что красота и совершенство стихотворения зависят от соответствия содержания и смысла, так как если даже смысл глубокий, но речь несовершенна стихотворение не станет полноценным. «Это можно сравнить с тем, что хромым человеком богат духом, но тело его несовершенно» [138, 68]. Это выражение Шибли Нумани соответствует высказыванию Шамса Кайса Розы, который утверждает, что: «Любая речь, в которой нет тонкости изображения и смысла, не привлекает внимания рассудительных людей» [35, 8], или «нет прелести в понятии, выстроенном бессмысленными словосочетаниями» [36, 460]. В то же время, в обратном случае, то есть, при изъятии смысла, но красноречии, также будут чувствоваться недостатки стихотворения.

Необходимо сказать, что споры вокруг этой проблемы имеют древнюю историю и первые суждения по этому поводу принадлежат учёному и философу древнего мира Филодему [188, 242]. Такие же взгляды относительно стихотворения можно обнаружить и в «Антологии о поэтах» - («Газкират-уш-шуаро») Давлатшаха Самаркандского, который говорит: «Стих должен быть без пороков и плавным... близким таланту...» [I.18], «крепким и содержательным» [I. 18], в котором бы «преобладали лаконичность и красноречие» [I.17]. Он называет такую разновидность стиха «приятным и изящным» [I.17]. Позже значимость этой особенности художественного творения подчеркнул и известный русский литературовед В.Г. Белинский: «Простая и понятная речь в поэзии является одним из признаков достоверности реалистической поэзии и совершенства истинного таланта» [62, 290].

Шибли уделяет особое внимание также манере речи: «сила поэзии и стихотворчества в большей степени исходит от манеры речи» [138, 71]. Он утверждает, что: «В «Гулистане» содержание и мысли не такие уж глубокие и редкостные, но изящество речи произведения, её порядок и соотношение сотворили такое волшебство, что если игнорировать их и пересказать все обычной речью, исчезнет вся сила воздействия произведения» [138, 68]. Или же и до Фирдоуси были созданы другие «Шахнаме», но стиль языка Фирдоуси в сравнении с ними занимает особое место. То есть, Шибли подчеркивает, что при создании стихотворения необходимо ориентироваться на глубокий смысл и соответствующую ему речь. В этом смысле, Шамс Кайс Рози писал: «Каждому понятию присущи свои слова, которыми можно лучше описать его, свои словосочетания, посредством которых оно будет выглядеть привлекательней» [I. 35] Ибо, согласно утверждению Шибли «вершина стихотворчества зависит всё от той же манеры речи, то есть соотношения и красоты языка, а также изящества структуры» [138, 69] и только «глубокую мысль и изящество изображения в персидской поэзии, относить к высокому стилю речи» (138, 198]. Например:

Шароби талх мехоҳам, ки мардафкан бувад зӯраш...

[45,198]

Я жажду крепкого вина, что свалит сног богатыря...

В разделе «Богатство мысли в лаконичной речи» - («Маонии бисёр дар лафзи андак»), анализируя «Шахнаме» Фирдоуси, Шибли отмечает, что иногда краткая речь может выразить такие глубокие мысли, что даже в специальном исследовании невозможно добиться этого. К примеру трагическая повесть о Сухрабе начинается следующими словами:

Кунун ʎанги Суъробу Рустам шунав,

Дигарњо шунидастї, ин ʎам шунав.

[138,146]

Теперь же сказ о битве Рустама и Сухраба послушай,

Другие повести ты слышал, и эту же теперь послушай.

Шибли пишет: «Только из слова «ин ʎам» - («и эту тоже») рождается понятие, значение которого возможно не смогли бы передать сотни толкований» [138, 146]. Или же, обратимся к одному бейту, в котором Фирдоуси выразил все муки и тяготы жизни, пережитые им в процессе создания «Шахнаме» :

Басе ранљ бурдам дар ин сол сї,

Аљам зинда кардам бад-ин порсї.

[41,70]

За эти тридцать лет немало трудностей я испытал,

Но Персию на языке персидском всё время возрождал.

Таким образом должны сказать, что на самом деле «мерилом совершенства стихотворчества является всё та же манера и стиль языка, красота речи и изящество структуры» [138,70] так как, «одна глубокая мысль, одно невероятно изящное содержание, одно по настоящему великое стихотворение может превратиться в ничто только по причине использования единственного слова, не соответствующего всей структуре и стилистике произведения» [138,71].

Средства художественного изображения являются факторами изящности и привлекательности стихотворения. Подчёркивая значение средств художественного изображения, известный таджикский учёный, исследователь таджикского стихосложения аруз и рифмы Бахром Сирус пишет: «Облачая стих в одеяние средств художественного изображения, поэт усиливает смысловую и образную нагрузку слов, что помогает ему довести свою мысль до желаемой цели» [165,5].

Необходимо сказать, что большинство исследователей художественных приёмов в поэзии, определили границы дозволенности использования средств художественного изображения. В частности, Шамс Кайс Рози считает их «свидетелями искусства красноречия» однако «с условием, чтобы неперееусердствовать и не повторяться» [36, 264]. Это точка зрения обретая известность как «теория границ дозволенности» призывала поэтов и писателей не увлекаться игрой слов. Шибли Нумани, называя средства художественного изображения «убранством поэзии и стихотворчества» [138, 83], высказал об этом свои конкретные суждения, которые будут рассмотрены нами в отдельном подразделе диссертационного исследования.

Детально изучив все тонкости, изящества и изыяны персидской поэзии в процессе её развития, Шибли Нумани в главе «Рецензия и критика» следующим образом высказал свои суждения относительно персидской поэзии в сравнении с арабской поэзией:

1. На персидском языке немало исторических поэтических произведений, образцов которых нет в арабской поэзии. Например, «Шахнаме», «Искандарнаме», «Гаршаспнаме» и т.д.

2. Изображение природы и красивых картин весны и осени, которыми изобилует персидская поэзия, не вмещается даже в воображении арабов. Так, к примеру, Манучехри волшебными словами изобразил капли дождя:

*Он қатраи борон бин аз абр чакида,
Гаишта сари ҳар барг аз он қатра нури бор.
Овехта чун решаву дасторчаи сабз
Симингуҳаре бар сари ҳар решаву дастор.
Ё ҳамчу забарҷадгун як дастаи савсан
Андар сари ҳар савсан як луълуи шаҳвор.*

[138, 169-170]

*Всмотрись в капли дождя, что срываются с облаков,
Как каждая листва, отяжелев склоняет голову вновь.
Подобно зелёной вуали, завесившей корни цветов
Кажутся капли дождя завесой, сотканной из жемчугов.
Иль как златоискрящий ирисов букет
Украсили царским хрусталем короны цветов.*

3. Любовных стихов, изяществом которых славятся поэты Ирана, вообще невозможно обнаружить в арабской поэзии :

*Ё магар ковиши он наштари мижгон кам шуд,
Ё ки худ захми маро лаззати озор намонд.*

[138, 90]

*Быть может сверление тех колких ресниц поубавилось,
Иль раны мои уже не испытывают наслажденья от мук.*

4. Философия и суфизм настолько распространились на персидском языке, что разве можно поставить напротив Джалолиддина Руми, Аттара, Санай, Сахоби и Авхади кого-либо из арабских поэтов?

Например:

*Ҳадис аз мутрибу май гӯю рози даҳр камтар чӯй,
Ки кас нақшуду нақшоёд ба ҳикмат ин муаммор.*

[139, 507]

*Хадисы о музыканте и вине поведай, тайн мира не ищи,
Ведь ещё никто не разгадал знаниями эту тайну.*

5. Также на персидском языке множество нравственных стихов и на эту тему созданы тысячи месневи, подобие которых не возможно обнаружить на арабском:

*Айби дарвешу тавонгар ба каму беи бад аст,
Кори бад, маслиҳат он аст, ки мутлақ накунем*

[140, 511]

Вина дервишей и всесильных, не взирая на малость и

множественность - порок,

Совет таков, чтоб не совершать дурного дали мы зарок.

6. Бездейственные проповедники и лицемерные аскеты, нанёсшие большой вред нравственности нации, были разбиты в прах и сведены на нет только благодаря стихам персидских поэтов, начиная с Хайяма и Саади и заканчивая Хафизом. И надо сказать, что такой поэзии у арабов нет вовсе. Например:

*Эй дил, тариқи мастӣ аз муҳтасиб биёмӯз,
Маст асту дар ҳақи ӯ кас ин гумон надорад.*

[139, 516]

Пьянству правилам, о сердце, у мухтасиба обучись,

Пьяный валиться он с ног, никто не видит его порок.

7. Одна из особенностей персидской поэзии заключается в том, что в бейте, то есть всего лишь в двух полустихиях, выражена важная тема, широкое содержание или глубокая мысль :

*Басе ранъ бурдам дар ин сол сї,
Алям зинда кардам бад-ин порсї.*

[41, 70]

*За эти тридцать лет немало мук и страданий испытал,
Но Персию, на языке персидском, всё время возрождал.*

8. Язык и термины персидского языка намного изящней, тоньше и слаще, в сравнении с другими языками. И для описания предметов и понятий величия и мощи, славы и процветания, как каянидский шлем, царская корона, трон Джама, кавиянский мечь ни в каком из других языков не возможно подыскать таких отшлифованных слов, как в персидском:

*Ламшед луз њикояти лом аз ланьон набурд,
Зиньор дил мабанд бар авранги хусраві.*

[139, 89]

*Кроме сказа о чаше, Джамшед ничего в мир иной не забрал,
Никогда трону царскому сердцем своё не отдавай.*

9. Красота структуры речи, то есть важные мысли и понятия, могут быть выражены двумя отдельными словами - явление которое не наблюдается в арабском языке. К примеру, убедитесь как поэт в нижеприведенных бейтах, всего двумя словами выразил высокую и всеобъемлющую мысль:

*Њалоки тарзи он бегонахўи ошнорўям,
Ки бо ин бевафоиҳо вафодор аст пиндорі.*

[139, 199]

*Устал от недружественных деяний общительного друга своего,
Что невзирая на вероломства, за друга верного примешь его.*

«Ошнорў» («Приятель на вид») говорят о человеке, в сердце которого нет и крупинки любви и верности, но внешне он кажется переполненным любовью и преданностью. И подивитесь как поэт прекрасно передал эту мысль словами «бегонахў» ва «ошнорў».

10. Иран страна с древней культурой и цивилизацией и потому с течением времени, воззрения и мысли обрели глубину и тонкость, равных которым вероятно невозможно увидеть не только в арабском, но и в других языках. Например:

*Льои машом дида кушудам ба бӯи гул,
Пиндоштам, ки гарди рањи ёр мерасад.*

[139,201]

*Я вместо обоняния глаза свои открыл на цветок,
И показалось, что на нём пыль моей любимой ног.*

Или:

*Парирухе ба шакарханда катли мардум кард,
Чу гуфтамаш, ки маро ӯам бидуш, табассум кард.*

[138,202]

*Красавица улыбкой нежной сгубила народ, без слов,
Лишь сказал ей: «Убей и меня!» улыбнулась она вновь.*

Шибли говорит: «Содержание этого бейта трудно передать на других языках в такой же красивой и изящной манере» [138, 202]. Или в другом месте:

*Аз бас зи бими хӯи ту дуздидаам нафас,
Як парда насттар зи хамӯшист нолаам.*

[138, 204]

*Из страха пред нравом твоим я не смею дышать,
Стенания мои потому тише (ниже) тишины на лад.*

То есть, о, моя любимая, я настолько боюсь гнева твоего, что мои стоны звучат на один лад ниже самой тишины.

Также:

*Дашноми халкро надихам чуз дуо чавоб,
Абрам, ки талх гиряму ширин иваз диҳам.*

[139, 150]

*На оскорбления людей я отвечаю лишь добром,
Как туча плачу громко я, проливаясь сладким дождём.*

Шибли убеждён, что таких «точных выражений мысли и чувств, изящных оборотов речи, характерных для персидского языка, не сыскать в арабском языке и других языках мира» (138, 206). Наряду с этим он

утверждает: «Ровно также как Италия славиться своими художниками, Рим правителями, Иудея религиозностью, Египет зодчеством, Иран находится на особой высоте в красноречии и изящности художественного слова» [138, 198].

Поскольку поэзия есть инструмент выражения духовного мира и душевных переживаний поэта, она становится целительным снадобьем души и тела человека в минуты радости и ликования, печали и боли, в часы одиночества и душевных потрясений. По этому поводу Шибли высказывается так: «Только, поэзия, со всеми её составляющими элементами, способна сохранить в нас нежные и высокие чувства, вырвать нас из круга привязанности ко всему материальному, и отправить в мир прекрасный и привлекательный, богатый своей духовностью» [138, 23], как «...этот стих, что явившись словно ангел милосердия, для успокоения души и сердца, подал свой чарующий голос» [138, 9]:

*Шароби талх мехоҳам, ки мардафкан бувад зӯраш,
Ки то як дам биёсоям зи дунёву шару шӯраш.
Каманди сайди Баъромӣ, бияфкан, льоми май баргир,
Ки ман паймудам ин саъро, на Баъром асту на гӯраш.*

[45, 94]

*Я жажду крепкого вина, что свалит с ног богатыря,
Чтобы на миг один уйти я мог от тягот жизни, злого сна.
Лассо Бахрамово отбрось, и пей ты лучше уж вино,
Ведь я прошёл уж эту стень, нет ни Бахрама, ни могилы его.*

Поэзия одно из средств, посредством, которого отображается духовность человечества. И каждый критик имеет о ней свою точку зрения. Томас Корлейл (1795-1881) английский писатель и философ в предисловии к одной из глав своей книги «Разрушение» - («Ибтол») размышляя о сущности поэзии и стихотворчества приходит к такому выводу: «Поэт и пророк близки к друг другу. Поскольку поэт и пророк являются провидцами тайн небожителей и истины космоса, находятся в союзе с друг другом и

если и существует какая-нибудь разница между ними, то в том, что пророк даёт оценку случившемуся с точки зрения добра и зла, в то время как, поэт описывает её красоту или мерзость» [138, 13]. То есть если пророк становится путеводителем наших слов и поступков, поэт будучи двигателем наших чувств, творит мир прекрасного и любви. Шибли, рассматривая поэзию, говорит: «Поэзией называют речь, возбуждающую чувства человека, в том случае когда она обращена не к другому объекту, а самому творцу, являющемуся таковым объектом» [138, 38]. И хотя такое определение, с точки зрения логики, является очень точным, однако Шибли не принимает его в отношении поэзии, ибо считает, что: «оно сильно сужает рамки поэзии стихотворчества и если нормой является именно это... то бесконечная тетрадь персидской поэзии, ровно как и поэзия на языке урду в целом будет выглядеть бесполезной и пустой» [138, 39].

Шибли Нумани придерживается такой точки зрения, что не следует сужать рамки поэзии. Продолжая и развивая слова Аристотеля, о том, что «поэзия и стихотворчество, являясь частью изобразительного искусства, отличаются лишь тем, что художник рисует и показывает осязаемые предметы, поэт же проводит через наши взоры изображение всяких тенденций и чувств» [138, 39], Шибли отмечает, что духовный мир и чувства поэта всецело отличаются от других людей и никто, кроме истинного поэта, не может возбудиться больше от наблюдения картин природы или услышанной истории, и изобразить их в столь изящной и обвороживающей манере.

На основе сочинений Шибли можно прийти к выводу, что у него имеется свой особый взгляд относительно поэзии, в особенности персидской поэзии, считая изящество и красоту которой непревзойденной, он с твердостью заявляет, что «...персидскую поэзию можно поставить на одни весы со всей мировой поэзией» [138, 3].

Вместе с тем, не взирая на все эти высказывания и суждения относительно персидской поэзии, Шибли Нумани связывает её рождение с

периодом распространения ислама, о чём мы уже высказались в главе «Шеър-ул-Аджам и её проблематика», и потому не считаем нужным вновь повторяться. Следует сказать, что относительно разновидностей поэзии Шибли Нумани говорит следующее: «Среди множества жанров поэзии в большей степени развитие получили две разновидности - касыда и месневи. Однако создание касыд служило средством материального достатка, поэтому поэты славя и возвышая правителей, получали вознаграждения и материальные выгоды...» [140, 234]. То есть, он указывая на касыду и месневи, не замечает других жанровых разновидностей персидской поэзии. Опровергая эту точку зрения Шибли, таджикский учёный Мирзо Муллоахмад отмечает: «Сегодня уже доказано, что жанровые разновидности персидской поэзии, как рубаи, дубейти, китъа, газель, бурно развиваясь в период правления Саманидов, получали подпитку из доисламской литературы и устного творчества иранцев» [116, 234]. Рождение персидской поэзии и её жанровых разновидностей требует более глубокого и всестороннего исследования, что, по нашему мнению может стать темой другой диссертационной работы.

В «Шеър-ул-Аджам» Шибли, прежде всего, размышляя относительно сущности поэзии, показывает её отличие от истории и научных суждений. Продолжая развивать тезисы Аристотеля, отмечая воображение и мухокот (пародирование) как важнейшие элементы стиха, он переходит к их подробному анализу. Наряду с выявлением и показом ценностей воображения и других элементов поэзии, он акцентирует своё внимание также на недостатках и упущениях в их использовании, в особенности в творениях поэтов - приверженцев индийского стиля.

Шибли, при каждом случае, высказывая критический взгляд на персидскую поэзию, раскрывает её достоинства и изъяны, в сравнении с арабской поэзией, на чем мы остановимся в следующих разделах данной главы. Наряду с таким пристальным взглядом и оценкой достоинств поэзии, Шибли Нумани вновь и вновь подчеркивает важное её значение в жизни

человека: «Только поэзия делает наши сердца столь чувствительными и тонкими в восприятии действительности, благодаря ей, мы оказываемся в состоянии согласия и пленения и, в конечном счете, в нас зарождается идея и вера, материальное уступает место духовному, которое уводит нас в мир воображений, где мы хотя бы на час получаем высшее наслаждение» [138, 74].

Необходимо сказать, что поэзия и стихотворчество занимают особое место в классической персидско-таджикской литературе. Неслучайно подчеркивая значение и роль этого феномена, все передовые предшествующие литературоведы и учёные признали её немеркнущую славу во все времена, которые, в целом, стояли на одной идейной позиции. Так, Низами Ганджави настолько высоко оценил значимость творений истинного поэта, что назвал его лидером в воспитании и цивилизации человечества:

*Булбули аршанд суханпарварон,
Боз чї монанд ба он дигарон.
Пешу насе баст сафи кибриё
Пас шуаро омаду пеш анбиё.*

[139, 9]

*Соловьями небес называют творцов стихов,
И нет для сравнения с другими иных слов.
Когда гордыни шеренги закрыли путь назад и вперёд,
Явились поэты, вслед за пророками, чтобы спасти народ.*

Ценители высокой словесности также, издревле, ставили поэзию превыше бриллиантов и жемчугов. Они сравнивали свои стихи с золотом. Абдуррахмон Джами, приравнивая поэзию жемчугу, считал, что она намного дороже:

*Назм, ки нисбат ба гуҳар бошадаш,
Беҳ зи гуҳар бошад, агар бошадаш.*

[42, 387]

*Стихи, что с жемчугом сродни,
Дороже жемчужин, коль истинны они.*

Или в другом месте:

*Дар булӯрин садафи чархи куҳан
Нест воло гухаре бех зи суҳан
[42, 462]*

*В хрустальной раковине древнего небосвода
Нет дороже жемчужин стихов хоровода.*

Выдающийся поэт и мыслитель Востока Мухаммад Икбал, обладавший своеобразной манерой сложения стихов, облачения мысли в художественную одежду, следующим образом описал значение поэзии:

*Шеърро мақсуд агар одамгарист,
Шоирӣ нам вориси пайғамбарист.
[94,170]*

*Когда поэты рождены человека воспитать,
Это значит, что они пророкам всем подстать.*

Действительно, высокая поэзия, по словам Хакима Фирдоуси Туси, подобна грандиозному замку, который «не в силах разрушить ни ветры ни дожди». Поэтому, изучение и исследование литературно-эстетических воззрений учёных и мыслителей Востока, публикация их ценных произведений, являясь одним из важнейших направлений литературоведения, играет значимую роль в развитии и совершенствовании современной таджикской поэзии.

3.2. Воображение и его сущность в «Шеър-ул-Аджам»

В толковых словарях, в том числе в «Словаре Гияса» - («Гиёс-ул-луѓот») [Ш. 15] и в «Словаре таджикского языка» - («Фаръанги забони тољики») лексема «**воображение**» дана в значениях «фантазерство» или «мечтание» итогом которого является возбуждение воображения в представлении поэта [Ш. 171]. Интересные, заслуживающие внимания мысли о месте и роли воображения в философии и поэзии, высказали такие мыслители древней Греции и средневековые таджикские учёные, как Аристотель, Абунаср Фараби, Ибн Сино, Насриддин Туси и др. Учёные Греции и родоначальники науки логика «воображаемую речь» и её основу признали в «фантазии». По мнению Ибн Сино, воображение в большей степени зависит от психических чувств человека и, по этой причине, различные состояния человека объясняет влиянием воображаемой и возбуждающей речи. В главе «О совершенстве поэзии, разновидностях средств художественного изображения и частях греческой поэзии» - («Дар мутлаќи шеър ва анвои њунархои шеърї ва ќисматњои ашњори юнонї») «Книга исцелений» - («Китоб-уш-шифо»), Ибн Сино даёт следующее толкование понятию воображение: «...воображаемой возбуждательной речью следует признать такую, которой подчиняется душа, то есть, человек проявляет к ней интерес, и без всяких раздумий, невольно впадает от неё в состояние радости и восхищения или, напротив, в состояние печали и растерянности» [1, 66].

Воображение важная тема, которая во все времена была в центре внимания учёных и исследователей, поэтов и писателей. Европейский учёный Генри Луис о воображении говорит следующее: «Оно состоит из силы, способной представить нашему взору предметы живые (неумершие), которых мы, по причине слабости и неразвитости наших органов чувств, не можем увидеть» [138, 25]. Шибли Нумани, высказывая своё несогласие с такой точкой зрения, пишет: «Данное определение не является объединяющим и истина заключается в том, что такие вещи не поддаются логическому объяснению» [138, 25]. Шибли считает воображение (фантазию)

одним из важнейших элементов поэзии и, всесторонне изучив воззрения предшествовавших учёных, относительно воображения, даёт ему такое пояснение в области философии и поэтическом мастерстве: «Сила воображения, в равной степени, необходима как в философии, так в стихотворчестве» [138, 11]. То есть, воображение есть приём, который занимает важное место в деятельности философов и поэтов. По мнению Шибли, Ньютон и Аристотель обладали такой силой воображения, которая была присуща Гомеру и Фирдоуси [138, 26] и конечно же каждый из них прибегал к его использованию, исходя из разных целей и задач и своеобразно. По разному определяя задачу воображения в точных науках и философии, он пишет: «В философии и других науках воображение используется для решения научных проблем, в то время, как в стихотворчестве (поэзии) к воображению прибегают с целью возбуждения человеческих чувств» [138, 12]. Из этого тезиса вытекает, что задачей воображения в поэтических произведениях, прежде всего, является усилить влияние слова на человеческие чувства и возбудить их.

Важно отметить, что в процессе стихотворчества, бесподобная сила воображения увлекает за собой поэта в совершенно иной мир, в котором все предметы и существа становятся живыми и способными чувствовать и переживать. Всё существующее, одушевлённые и неодушевлённые предметы, становятся его собеседниками, проявляют связь с друг другом и между ними устанавливаются особые взаимоотношения, что позволяет поэту, включая своё воображение, так изобразить мгновение ночного свидания и наступление утра:

Чун барояд маъ аз гиребонат,

Доман аз гиря нурситора кунам

[138, 38.]

*Как только из ворота (платья) твоего покажется луна,
Я изолью своими слезами мириады звёзд на твой подол.*

В этих строках Амир Хусрав Дехлави, сравнив свои слёзы с сиянием небесных звёзд, добился более выпуклого изображения душевного состояния лирического героя, вызывая тем самым у читателя глубокое чувство сопереживания. Благодаря воображению поэт, облачив слово в одеяния смысла, раскрывает таинства и побуждает читателя в большей степени концентрировать внимание на мире прекрасного. По мнению Шибли, «воображение часто открывает узлы таких тайн, которые недоступны не только простому люду, но многим личностям с развитыми чувствами восприятия» [138, 26]. Широкая арена стихотворчества является способом выражения чувств, которые, по мнению Шибли, предстают в нескольких разновидностях. Для пояснения этого тезиса, Шибли, в качестве примера, обращается к «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси, что: «В процессе создания «Шахнаме» ему пришлось опираться на тысячи дастанов (поэм) и различные события, в силу чего возникли благоприятные условия для использования воображения, и поэтому в «Шахнаме» мы наблюдаем разновидности высокого стихотворчества» [138, 37]. Действительно, в «Шахнаме» нашли своё всестороннее отображение такие различные чувства, как любовь отца к своему ребенку, любовь братьев к друг другу, матери к сыну и любовь к родине. Восхищаясь такой силой изобразительности различных чувств, Шибли Нумани говорит: «Фирдоуси удалось отобразить все эти чувства, благодаря тому, что в каждом случае он усиливал их воздействие мощью своего богатого и неукротимого воображения» [138, 38].

Когда в главе «Сила фантазии» Шибли рассуждает об использовании воображения в произведениях Низами, придя в изумление и восхищение от высокого поэтического мастерства использования воображения этим художником слова, его стиля, сравнений и метафор, гипербол, богатства мысли и чувств, лаконичности речи «новаторского стиля и художественности» [138, 250] и др. пишет, что: «насколько же он силен и неукротим в своем воображении» [138, 250]. И посмотрите с какой неумолимой силой воображения он обращается к солнцу и тучам, грому и

молнии, ветрам, чтобы они завершили свои обязанности и как можно быстрее создали жемчужину, которая должна украсить корону царя:

*Алам баркаш, эй офтоби баланд,
Хиромон шав, эй абри мушкинпаранд.
Бинол, эй дили раъд, чун кўси шоъ,
Биханд, эй лаби барк, чун субъгоъ,
Бибор, эй ьаво, катраи нобро,
Бигир, эй садаф, дурр кун обро,
Баро, эй дур, аз каъри дарёи хеш,
Ба толи сари шоъ кун ьойи хеш.*

[140, 250]

*О, солнце, высокое, своим стягом всплескни,
О, туча, свой бег на чёрном скакуне, уйми.
О сердце грома, как царские литавры, стоном излейся,
Раскатом смеха, уста молнии, как утро, пролейтесь.
Пролейтесь каплями яхонта (рубина) дожди,
О, раковина, воду в жемчуг бесценный преврати.
О, жемчуг, выйди из глубин своего моря,
Свое место на царской короне займи.*

По мнению Шибли, сила воображения заключается в том, что один и тот же предмет может предстать перед взором во множестве граней, но каждый раз «в новом изяществе» [138, 47]. Так, при виде розы, первое, что захватывает взор и обоняние это- её цвет и аромат, однако поэт, благодаря силе своего воображения, каждый раз смотрит на эту розу новым взглядом. С ароматом розы в его памяти всплывает образ возлюбленной и он восклицает:

Эй гул, ба ту хурсандам, ту буй касе дорї.

[138, 47]

О, роза, рад тебе я, ведь пахнешь кем-то ты.

И когда видит росу на лепестке розы, описывает свои чувства так:

*На шабнам аст чаманро ба рӯи оташнок,
Арак зи рӯи ту кардаст гул ба доман пок.*

[138, 48]

*То не роса лежит на огненных лицах луговых роз,
Подолом платья розы стерли с лица твоего пот.*

Только с опорой на слово роза существует огромное количество подобных картин, рождённых силой воображения поэта и можно убедиться насколько воображение «может быть тонким и способным творить чудеса слова» [138, 48].

Когда Шибли в главе «Сила воображения» размышляет относительно использования воображения в поэзии Калима Кашани, пишет следующее: «Вчитайтесь в стилистику речи Калима Кашани и убедитесь как он всё то, что выхватывает его взор из окружающего мира, силой своего воображения изображает в новых красках и свежих понятиях» [138, 179].

Например, в нижеприведенных строках в тёмные ночи впадая в состоянии растерянности и стеновая, он сетует, что видимо в лампадах звёзд не осталось масла:

*Баъд аз ин торикии шабҳо ба худ хуш кун, Калим,
Шиква кам кун, дар чароги ахтарон равган намонд.*

[138, 179]

*Теперь кромешние ночи прими, с пониманием, Калим,
Сетуй меньше, в лампадах звёзд не осталось масла.*

В другом месте он таким образом изобразил как рацветает бутон, с приходом зари:

*Ширинии табассуми ҳар гунчаро мапурс,
Дар шири субҳ хандаи гулҳо шакар гузошт.*

[140, 180]

*Не распрашивай причину сладости каждого бутона,
В молоке рассвета улыбки роз стали сахарными.*

Также благодаря воображению мир кажется Калиму старой книгой, в которой выпали первая и последняя страницы, то есть сам мир:

*Мо зи оғозу зи анъоми ьяъон бехабарем,
Аввалу охири ин куънакитоб афтодаст.*

[140, 179]

*Нам начало мира и его конец не дано познать,
Ведь первой и последней страниц в ней не видать.*

Таким же образом, выискивая в противоположных ситуациях одинаковые связи, сила воображения выстраивает их в одну цепь, или же в предметах, кажущихся схожими, с удивительной тонкостью выявляет различия. И в цитируемом бейте Шибли таким образом поясняет эти различия и единство:

*Ба такаллум, ба хамуши, ба табассум, ба нигоъ
Метавон бурд ба ьар шева дил осон аз ман.*

[138, 51]

*Словами, молчаньем, улыбкой и взглядом
Можно без труда очаровать моё сердце.*

Речь и молчание - противоположные друг другу понятия, однако молчанье и речь возлюбленной, с точки зрения восхваления её очаровательности, одинаковы [138, 51].

Шибли называет воображение одним из основных элементов поэзии и, в то же время, подчеркивает норму её использования. Он нелицеприятно высказывается относительно многих персоязычных поэтов, которые, отдавая предпочтение воображению, порой уходят от реальности, что противоречит поэтическому мастерству. Он пишет: «Не смотря на то, что поэты последнего периода [мутааххирин - Х.З.] превосходят своих предшественников в силе поэтического воображения, приходится сожалеть, что в творениях некоторых из них это воображение работает впустую» [138, 38]. В подтверждении своих мыслей приводит следующий пример:

Гушъоро ошённи мурғи оташхора кард

Барки оламсуз, яъне шуълаи ғавғои ман.

[138, 38]

Наши уши гнездо птицы феникс превратило

В испепеляющий мир молнию, то есть пламя шума моего.

Одним из серьёзных недостатков поэзии Шибли называет неуместное использование силы воображения и отмечает, что для пояснения и толкования одной строки, комментирования каждого выражения подобного произведения приходится прилагать немало сил, что неприемлемо, по сути. Выше приведенные строки он поясняет таким образом, что в моих криках и в столах столько жара, что касаясь ушей, они возгорелись пламенем и потому птица феникс свила в ушах людей гнездо, так как в них ей комфортно. Затем, оценивая данное стихотворение не соответствующее действительности восклицает, что: «Большинство стихотворцев последнего периода (мутааххирин - Х.З.) подобны автору вышеприведенных строк, то есть с точки зрения неуместного использования силы воображения... Честно признаться не может быть более досадного, когда воображение использовано неуместно и напрасно» [138, 38].

Использование воображения с применением гиперболы, сравнения, метафоры и многозначности смысла является другой проблемой, которую Шибли также связывает с недостатком поэзии персоязычных поэтов. Например, можно встретить напрасно потраченную силу воображения с применением гиперболы в восхвалении лошади, которую Шибли критически оценивает таким образом:

Ба кишваре, ки дар ӯ номи тозиёна баранд,

Ба лавъи санг нагирад шабеъи ӯ ором.

[138, 39]

В стране, где лишь слово плетъ у всех на устах,

И конь из камня готов бежать со страхом в глазах.

Комментарием к этому бейту может служить пояснение, что на камне высечена фигура лошади и в стране, где этот камень находится, при слове плеть, это изваяние тут же исчезнет с камня. Цель заключается в подчеркивание того, что лошадь настолько быстроногая, что при виде плети теряет самообладание. В этом своём критическом замечании Шибли большой упор сделал на неуместность использования воображения относительно гиперболы.

Поясняя приведенный выше бейт, с точки зрения его изъянов, Шибли отмечает: «Вы посмотрите, что поэт неудовлетворяется одним невероятным сравнением, и выстраивает вереницу гиперболических описаний. Красота воображение её изящество заключается в том, чтобы используя одно невероятное или невообразимое сравнение, должен делать это так, чтобы оно всё же казалось возможным» [138, 39]. Действительно сила воображения безгранична, но поэт должен применять её таким образом, чтобы какие-либо событие или невообразимая вещь казались читателю и слушателю возможными.

Другим приёмом художественного изображения, играющего важную роль в усилении воображения, является сравнение.

Сравнение, в основном, используется с целью ясности мысли, образности и художественности речи. Поэт, в зависимости от своего мастерства и таланта, с помощью сравнения наполняет слово или краткое словосочетание многими значениями. Например:

Асар то дар вуьудам њаст, як љо нест оромам,

Сипанди мильмари шавкам, ки оташ зери по дорам.

[90, 68]

Пока я живу, мне нигде нет покоя,

Я рута в кадиле вдохновенья, под ногами которой огонь.

В этом бейте изображено состояние поэта, во второй строке которого его беспокойное состояние сравнивается с руттой, горящей в огне.

Или в другом бейте:

*Шабам дар мотами ньльрон ду абру дар хаёл омад,
Ба сина ьар куло нохун задам, шакли ньлол омад.*

[90, 74]

*Ночью траура разлуки я брови милой вспоминал,
Молодым месяцем возникли, куда бы в грудь себе я ногти не
вонзал.*

Таким образом, если гипербола силой воображения рождает чёткий образ изображаемого предмета, сравнение, посредством уподобления, выпукло отображая особенности предмета, тем самым делает воображаемый мир для читателя интересным и притягательным. Шибли Нумани поясняя случаи несоблюдения норм воображения в использовании сравнений и метафор, отмечает, что если метафора и сравнение близки реальности и вступают с друг другом в равновесие, тогда стихотворение наполняется красотой и изящностью речи. Например:

*Номи маъ бурдам шабе, руйи туам омад ба ёд,
Дар дили шаб ьалкаи муйи туам омад ба ёд.*

[90, 73]

*Ночью имя произнес твоё, и твоё лицо я вспомнил
В сердце ночи кольца локонов твоих я вспомнил.*

Или другое:

*Льои машом дида кушудам ба буйи гул,
Пиндоштам, ки гарди раъи ёр мерасад.*

[138, 201]

*Я, вместо обоняния, глаза свои открыл на цветок,
И показалось, что на нём пыль моей любимой ног.*

Содержание, запечатленное в этом бейте свидетельствует о тонкости вкуса и богатом воображении поэта.

И ещё один пример:

*Моро забони шиква зи бедоди чарх нест,
Аз мо хате ба мухри хамуши гирифтаанд.*

[140, 150]

*Мы не ропщем на мир несправедливости,
Была взята у нас расписка, обетом молчания.*

В главе «Использование изъяснов воображения» - («Истеъмоли ғалати тахайюл») Шибли Нумани подвергнув анализу другие грани воображения, отмечает, что несмотря на то, что мухокот (подражание) и воображение считаются элементами поэзии, однако у каждого существует своё место использования. Недопустимо использовать одно из них вместо другого [138, 58]. Использование изъяснов воображения в поэзии приводит к обеднению смысла и содержания. Например:

*Замонае, ки бар кӯфл агар насим вазид,
Ба сони гунчааш аз ин бисот хандон кард.*

[138, 41.]

*Такое время , что если ветерок повеет на любой замок,
Немедля он откроется от его касания, как бутоны роз.*

Пересказать смысл этого стихотворения можно таким образом, что время года настолько чудесное, что если утренний ветерок повеет и коснется даже железного замка, тот раскроется подобно бутонам роз. В этих строках Шибли считает изъясном непропорциональность содержания и задаётся вопросом, что могут ли эти строки пробудить в сердце читателя чувство восхищения и удовлетворения, какое воздействие они могут оказать на его мировосприятие?

Шибли Нумани обнаруживает использование изъяснов воображения и в творениях Калима Кашани, которого он называет «поэтом с головы до ног» и в каждом из его стихотворений «видит прекрасные картины природы,

рожденный силой воображения» [140, 178]. Вот как, к примеру, Калим изображает весну:

*Ба навъе оташи гул даргирифта,
Ки булбул рафту дар об ошён кард.*

[138, 59]

*Так розы загорелись пламенем огня,
Что соловей, покинув их, в воде гнездиться стал.*

В этих строках поэт сравнил большое количество роз в цветнике и их алый цвет с пламенем огня, что даже соловей покинув этот цветник, своё гнездо свил в воде [138, 59]. В этом случае Шибли Нумани видит неправильное использование воображения в пропорциональности речи, то есть сравнение роз с огнем он считает не соответствующим действительности. В целом, Шибли сожалеет о том, что в творениях поэтов индийского стиля немало подобных примеров и высказывает такую мысль: «Джалол Асир, Шавкат Бухорои, Бедил, Носирали и другие составили целые диваны стихов о розе и соловье, превратив поэзию и стихотворчество в цветник немислемых воображений и фантазий» [138, 51].

Действительно, в нашей классической литературе, особенно, в произведениях поэтов индийского стиля, наблюдаются надуманные витееватые сравнения и метафоры, не имеющие под собой реальной основы. И, потому, суть мысли, высказанной Шибли Нумани, верная, однако как говорит таджикский учёный Туракул Зехни - автор книги «Искусство слова» - («Санъати сухан»): «Не совсем правильно считать все творения таких поэтов, как Бедил состоящими только лишь из приводящих в ужас воображений и фантазий, так как в его творениях немало изображений реальной жизни» [90, 82].

Познакомившись с воззрениями и взглядами Шибли Нумани, уместно отметить, что у него своя точка зрения относительно места и роли воображения в поэзии, которая нашла своё отражение в таких главах его

книги, как «Воображение» - («Тахайюл»), «Воображение в сущности означает силу изобретения» - («Тахайюл дар асл номи кувваи ихтироъ аст»), «Споры о воображении как доказательство» - («Баъс аз тахайюл ба таври мабсут»), «Материал для воображения» - («Мавод барои тахайюл»), «Безграничность воображения» - («Беътидолии тахайюл»), «Ошибочное использование воображения» - («Истеъмоли ғалати тахайюл») и др. Главной мыслью о силе воображения и его роли в поэзии являются следующие слова Шибли: «В сущности поэзия состоит из воображения» [138, 23].

Иранский учёный Мухаммадриза Шафеи Кадкани, выражая свою солидарность с данным тезисом Шибли Нумани, пишет: «Если в каждом воздействующем и притягательном стихотворении убрать её фантастическую направленность, то кроме простой и обыденной речи, которую способен сказать всякий человек, ничего не останется» [138, 160]. Важно отметить, что любая речь, не может существовать без своих основных элементов, в том числе и без воображения. В поэзии бесподобная сила воображения способна представить нашему взору все неживые предметы живыми, сделать наши сердца неимоверно чувственными и подарить нам мгновения радости и наслаждения.

Шибли Нумани, высоко оценивая значение воображения в поэзии, утверждает, что поэт погружая в мир своего воображения несуществующие вещи, переплавляет их в реальные предметы и изображает их таким образом, что они становясь видимыми и осязаемыми, воздействуют на всех окружающих.

Также, согласно суждениям Шибли, в поэтическом воображении необходимо придерживаться пропорциональности речи и норм использования средств художественного изображения, в особенности гиперболы и сравнения.

Невзирая на свои критические взгляды относительно персоязычных поэтов, Шибли всегда проявлял высокое уважение к их творениям и неоднократно подчеркивал это: «Воззрения и филигранные мысли, изящество

и красота поэтической речи, нашедшие своё воплощение в персидском языке, недоступны арабскому языку и языкам других народов» [139, 344] и подчёркивая значение и роль высокого слова пишет: «В этом отношении, персидский язык имеет явные преимущества среди других языков» [139, 344].

При всём том, что все эти взгляды и мысли были высказаны в начале прошлого века, однако изучение и исследование литературно-эстетических взглядов Шибли Нумани о поэзии и её элементах, можно считать новым этапом в ознакомлении с персидской поэзией.

3.3. Подражание (мухокот) с точки зрения Шибли Нумани

Подражание (мухокот) и его определение является одним из важных вопросов, к которому во все времена, вплоть до наших дней, было приковано внимание литературоведов. Это понятие формируется в представлении человека во взаимосвязи с воображением и представляет собой одну из основных закономерностей художественного творчества. Шибли Нумани подробно останавливается на характеристике данного понятия в таких главах «Шеър-ул-Аджам», как «Определение подражания» - («Таърифи муъокот»), «Каким образом совершенствуется подражание?» - («Муъокот бо чї шароите такмил мешавад?»), «Особенности подражания» - («Хусусиёти дакиќи муъокот»), «Подражание с использованием элементов изящности» - («Муъокот ба сарфи адои лъузъиёт»), «Подражание посредством сравнения» - («Муъокот ба василаи ташбеъ») и «Подражание посредством использования противоположных смыслов» - («Муъокот ба тариќи ибъом»). Шибли считает мухокот (подражание или клиширование) одним из основных элементов поэзии и отмечает, что: «Истинное значение его заключается в том, что какой-либо предмет изображается таким изящным способом, что возникает его реальный образ» [138,9]. Истолковывая это понятие таким образом, он желает подчеркнуть, что поэт или писатель, изображая события и явления не должен переступать дозволенных границ, чтобы читатель на основе прочитанного текста мог представить «реальный образ объекта изображения».

Мухокот являясь самостоятельным литературно-эстетическим термином, обозначает изображение, отражение, художественный облик и, наконец, подражание. В сущности, лексический смысл «мухокот» в «Словаре таджикского языка» - («Фаръанги забони тољикї») поясняется следующим образом: «Мухокот - повествовать или рассказывать без излишеств и неточностей о характере кого-либо и, его терминологическим смыслом является сходство с чемнибудь» [171, 236]. Это слово в арабском языке и

многих исследовательских работах используется как синоним подражания и схожесть. Согласно мнению большинства исследователей, мухокот, выражаясь сегодняшним языком, есть «образ» и по своим особенностям близок понятию «образ».

Впервые понятие «подражание» («мухокот») использовал Аристотель в книге «О средствах художественного изображения»- («Доир ба санъати шеърӣ») и все общепринятые литературные виды причислил к «искусству подражания»: «Эпос и трагедия, также комедия и поэзия... все они полностью являются искусством подражания» [2. 15]. Но, поскольку во всех родах литературы важная роль отводится не подражанию и уподоблению чему - либо, как принято считать в большинстве случаев, а прежде всего изображению, Аристотель считает их искусством изображения (мухокот) и нужно сказать, что в этом вопросе Шибли также является его последователем.

Хотя мухокот является и реальным изображением какого нибудь события или явления, но не может во всех случаях охватить все его детали. Абунаसर Фараби, рассматривая в своей книге «Трактат о закономерностях поэтического искусства» - («Рисола дар бораи қонунҳои санъати шеърӣ») проблемы поэзии, останавливаясь на понятии подражание пишет следующее: «Введение в заблуждение и мухокот (уподобление) представляют собой одно и то же, но поскольку и то и другое обладают различными особенностями, речь, вводящая в заблуждение не есть уподобление» [6. 69].

Анализируя особенности этих двух разновидностей словотворчества, Фараби подчеркивает, что некоторые изображенные обстоятельства возможно соответствуют восприятию времени жизни мыслителя. «Поскольку, вводящий в заблуждение является человеком, который преднамеренно вводит слушателя в заблуждение... но мухокот (подражание) не приводит к чему либо серьезному, напротив может подвести к его

сравнению, от которого в сознании рождается его подобие, и это подобно тому, что недвижимый будет думать, что находится в движении» [6, 63].

Если в этой связи вспомнить воззрения Ибн Сино относительно мухокот (подражания), то можем убедиться, что он также имеет свою точку зрения на реальный или общепринятый образ, но наряду с этим говорит: «В мухокот (подражании) есть удивительная особенность - в нём нет правдивости речи... и если правдивую речь удалить из общепринятых форм и к ним добавить чего-либо, к которому привыкнет душа, тогда оно станет полезным и способным возбудить воображение» [1, 73-74].

В восприятии и осознании подражания (мухокот) Шибли Нумани в большей степени, опирается на реальный образ. И если более пристально взглядеться в эти слова, то можно увидеть, его мысли относительно понятия мухокот (подражание) идут вразрез с воззрениями Насируддина Туси.

Ходжа Насириддин Туси, во втором разделе девятой статьи своей известной книги «Основа цитирования» - («Асос-ул-иктибос»), под названием «О поэзии»- («Дар шеър»), подробно рассматривая подражание и его особенности, утверждает, что: «Мухокот представляет собой критическое замечание относительно чего-либо, с условием, что не к богу, подобно тому, когда изображенного зверя сравнивают с живым» [39, 515]. То есть сущность подражания он, прежде всего видит в том, чтобы изображаемые предметы или события не были похожи на реальные. Согласно мнению Туси подражание (мухокот) относится не только к науке поэзии, но и ко всем областям творчества, как изобразительное искусство, стихотворчество и художественная проза. В этом случае, Шибли Нумани и Наруддин Туси являются единомышленниками, но что касается отображения совершенного подражания в изобразительной искусстве, Шибли считает это невозможным и пишет: «Действительно, какойнибудь художник или талантливый портретист может изобразить портрет человека таким образом, что в чертах его лица можно прочувствовать и увидеть его человеческую сущность, такие чувства, как боль, радость, растерянность...» [138, 23]. «Но лишь поэт и

только в стихотворении может изобразить всё это во всей полноте и на высоком художественном уровне» [138, 23]. Например:

*Ляъонпаълавон он яли арльманд
Ба теѓу ба ханьлар, ба гурзу каманд
Буриду дариду шикасту бибаст
Ялонро сари синаву пову даст.*

[41, 106]

*Всесильный богатырь, тот могучий лев
Мечом, рубил им головы, палицей ломал
Кинжал, вонзая в грудь им, арканом
Тех героев по рукам и ногам связал.*

Шибли Нумани, отмечая превосходство художественного поэтического изображения в сравнении с «общей изобразительностью», даёт ему чёткое определение. В этом случае, мы наблюдаем, что Шибли выступает последователем воззрений и взглядов греческих мыслителей, а также Фараби и Ибн Сино.

Подражанию (мухокот) свойственны очень тонкие и детальные особенности, точное и уместное использование которого свидетельствует о мастерстве и таланте поэта, определяет его положение в поэзии. Истинный поэт, посредством демонстрации некоторых его деликатных особенностей, добивается выпуклого отображения события или явления. Шибли Нумани придерживается мнения, что в процессе использования подражания (мухокот) в поэзии важно соблюдать несколько условий:

Во-первых, поскольку мухокот (подражание) осуществляется посредством поэтической речи, необходимо чтобы ритм стихотворения соответствовал ему. Например, «Шахнаме», созданная в размере такоруб соответствует батальным фантазиям. Также газели, касыде и другим жанрам поэзии свойственны определенные стихотворные размеры, несоблюдение которых отрицательно сказывается на их эффективности.

Во-вторых, соответствие подражания с оригиналом, то есть с тем, что описывается, должно осуществляться таким образом, что независимо от темы, пред взором должна возникнуть её реальная картина. И в качестве примера приводит отрывок из «Шахнаме», в котором осуществлено изображение одного пиршества, детали которого Фирдоуси передаёт с наивысшим мастерством:

Дигарбора бистод, замин дод бўс,

Чунин гуфт, к-ин бода бар рӯи Тӯс.

Сарони льаъондор бархостанд

Абарпаълавон хоъиш оростанд.

[138, 40]

Повторно поднявшись, землю поцеловал,

«Эту чашу за Тус поднимаю!»- он сказал.

Владыки мира вслед за ним поднялись

Богатыри несравненные пожеланиями залились.

В-третьих, каждое слово может выражать различные понятия и при высказывании мысли необходимо использовать то слово, которое бы указывало или подчёркивало особые свойства изображаемого объекта. Например, как в этом бейте Хафиза:

Дӯш дар њалќаи мо ќиссаи гесуи ту буд,

То дили шаб сухан аз силсилаи мӯйи ту буд.

[45, 156]

Вчера в нашем кругу речь только о локонах твоих была,

До самой поздней ночи о волосах густых твоих были слова.

В этом бейте слово «круг» («њалќа»), с одной стороны если обозначает собрание или пиршество, с другой стороны намекает на витеватость (кучерявость) «локонов волос», которую принято называть также «њалќаи мӯй» («кольца волос»).

В-четвёртых, изображая душевное состояние какого-либо человека, во внимание принимается вся его атмосфера и окружающая его среда. По мнению Шибли, такое изображение очень ярко представлено в произведениях Шекспира, которому удалось в одно время мастерски показать положение всех слоев общества с их нравами и характерами.

Таких нюансов и тонкостей в подражании (мухоткот) можно увидеть немало, изображение которых подвластно не каждому талантливому поэту. Поэтому Шибли говорит: «Вот почему поэты и писатели отличаются по своему положению и значимости в литературе, и между ними всегда существует разница» [138, 36].

Причисляя подражание (мухоткот) и воображение к одним из основных элементов поэзии, Шибли говорит: «Истина заключается в том, что стихотворчество в сущности является названием двух вещей: из которых первая - мухоткот и другая воображение. И если в произведении обнаруживается хотя бы одно из них, тогда рождается стих и его называют поэзией» [138, 9]. Однако, наряду с этим в главе «Ошибочное использование воображения» невзирая на то, что эти два понятия считает «элементами поэзии», с точки зрения уместности их использования ставит между ними различия и подчеркивает, что «считается грубейшей ошибкой когда одно из них используется вместо другого» [138, 42].

В другом месте Шибли говорит: «Порой случается, что подражание (мухоткот) применяется исходя из обратного эффекта» [137, 38], то есть, иногда поэт, с целью акцентирования внимания на каком-то душевном состоянии, использует его противоположность, чтобы ярче выразить свою цель. Например:

*Манижа манам, духти Афросиёб,
Бараъна надида танам офтоб.
Барои яке Бежани шӯрабахт,
Фитодам зи тољу фитодам зи бахт.*

[138, 38]

*Я, дочь Афрасияба, Манижа,
Нагой и солнце не видело меня.
Во имя одного несчастного Бежана
Трон упустила свой и счастье я.*

В этом стихотворении, с одной стороны, для того чтобы показать её значимость и положение поэт называет Манижу дочерью Афрасияба и, с другой стороны, изображая её несчастной и потерянной, говорит: «Трон упустила свой и счастье я». Благодаря восприятию этих двух противоположных состояний у читателя пробуждается чувство сострадания к несчастной Маниже.

Шибли отмечает, что мухокот ещё ярче проявляется при помощи средств художественной образности. Согласно утверждению Шибли Нумани, одним из средств изображения, часто встречающегося в подражании, при описании какого-либо важного события, является искусство сравнения. В этой связи он пишет: «Необходимо знать, что одним из важных приёмов в мухокот является сравнение, ибо во многих случаях невозможно добиться такого эффекта изображения какого-либо события или предмета, как это удаётся сделать при помощи сравнения» [138, 38]. Для подтверждения этих слов, в качестве примера, мы считаем нужным привести один бейт Бинои, в котором он сравнивает лицо возлюбленной с сокровищем, а её локоны с драконом, что оказалось весьма уместным:

*Дўш дар мальлис њадиси аждањо мерафту ганч
Бар узор афтода гесуе ба ёд омад маро.*

[90, 79]

*На собрании рассказ о драконе и сокровищах вели вчера
Рассыпавшись по лицу её локоны мне вспомнились тогда.*

Или:

*Гесуи анбарфишон бар пушти он симинбадан
Ҳаст чун мори сияҳ бар пушти охуи сафед.*

[102, 65]

*Ароматные косы на спине той белоснежной красавицы
Подобны чёрной змее, на спине той белой лани.*

И ещё:

*Даромад нақибанди монавидаст
Заминро нақихои бўса мебаст.*

[140,255]

*И зашел художник искусный, подобный Мани
Узорчатыми поцелуями покрывал поверхность земли.*

То есть, когда художник придя во дворец начинает целовать землю перед ногами царя, Низами сравнивает это таким образом, что будто бы земля покрывается узорами от этого поцелуя. В другом месте он сравнивает росу с жемчугом а зелень с изумрудом:

*Хаво бар сабзаҳо гавҳар гусаста,
Зумуррадро ба марворид баста.*

[140, 25])

*Погода покрыла травы жемчугами,
Соединив изумруд с жемчужинами.*

С целью придания мысли ясности и чёткого описания состояния людей и различных жизненных ситуаций в качестве сравнения, приводится противоположное ему состояние. То есть, используется данное средство художественной выразительности. Например в этом бейте Фирдоуси:

*Чунин аст кирдори гардонсипеър:
Гаъе њангу заър асту гаъ нушу меър.*

[41, 100]

*Таковы деяния этого вращающегося мира:
То войны и яд насылает, то любви элексир.*

Или:

Чунин аст расми сарои фиреб:

Гахе бар фарозу гахе бар нишеб.

[41, 123]

Таковы правила лживого постоянного двора (небес):

То к высотам поднимет, то вниз низвергнет, как отвес.

Или:

Ба ҳангоми сахтӣ машав ноумед,

Ки абри сияҳ борад оби сафед.

[41, 121]

В нищете и упадке, надежды не теряй,

Ведь и туча воды белые льёт, так и знай.

Главная особенность подражания (мухокот) заключается в безупречности изображения какого-либо момента или обозреваемого предмета. Однако, в отдельных случаях, выполнение такого правила, Шибли считает не совсем уместным. Например, когда изображают человека, показавшегося в тёмную ночь в далеке, его лицо остаётся для других невидимым и сама ночь кажется устрашающей. В таких случаях, когда изображая событие или предмет, хотят показать его величие и грандиозность, как правило воздерживаются от изображения некоторых его деталей, что считается одной из тонкостей подражания. И на основе того, насколько поэту удалось добиться эффективного изображения этих событий, можно судить о его таланте и мастерстве. Хотя совершенством подражания (мухокот) считают безупречность изображения отдельных важных деталей того или иного объекта, в некоторых случаях, для того, чтобы это изображение стало более воздействующим, подражание должно осуществляться несколько завуалировано и неброско. В этой связи, Шибли пишет: «Также, в некоторых случаях, желая показать величие и мощь или же поразительность чего-либо, стараются не акцентировать внимания на некоторых из его частей и не описывают все детали события» [138, 39].

Например, как в этих строках:

*Магар шаһ надонад, ки дар рӯзи ʔанг
Чи сарньо буридам дар аксои Занг.
Ба як тохтан то куло тохтам,
Чи гарданкашонро сар андохтам.*

[138, 40]

*Неужто царь не знает, что в дни сражений
Сколько голов я срубил на всех Занга направлений.
Одним набегом своим куда доскакал,
Скольким неповинным я шеи сломал.*

Здесь Александр (Искандер) в письме Дарию говорит о своих победах, но не конкретизирует сколько земель он захватил и какое количество людей погубил. По этой причине в этих словах ощущается особое воздействие.

Шибли считает, что произведения поэтов в большей степени воздействуют на наши чувства и эмоции и по этому поводу утверждает следующее: «Поэт чаще всего аккумулирует своё внимание на изображении тех предметов и событий, которые пробуждают в нас чувства и сопереживание, то есть являются двигателями чувств. Другие же детали и подробности он оставляет недосказанными или неясными» [138, 10].

Познакомившись с воззрениями и взглядами Шибли Нумани относительно сущности подражания (мухокот) и правил его использования в поэзии, мы видим, что он наряду с воображением считает подражание одним из основных элементов в поэзии и, вместе с тем, подробно описывает правила и условия его использования, показывая и его отличие от воображения.

Все эти мысли и воззрения, прежде всего, являются результатом изучения и исследования учений мыслителей и учёных, начиная с Платона, Аристотеля и завершая сочинениями Авероиса (Ибн Рушда), Ибн Сино и Фараби, а также работ других ученых относительно познания элементов поэзии, чтению которых Шибли посвятил многие годы своей жизни. Шибли Нумани детально и всесторонне изучив все эти воззрения и взгляды,

применив совершенно новые методы критического анализа, высказал относительно каждой из них свои суждения.

3.4. Средства художественной выразительности поэзии по определению Шибли

Средства художественной выразительности, относясь к которым с большой ответственностью, представители персидско-таджикской литературы использовали очень тонко и с большим мастерством, называют «элементами изящности поэзии» и «свидетельством мастерства слова» [36, 264],

В научных трактатах, полностью или частично посвященных науке риторики, представлены глубокие суждения относительно различных средств художественного изображения, способах украшения поэтической речи, путях безупречного отображения содержания в художественных произведениях. Необходимо отметить, что сегодня большая часть таких сочинений доступна исследователям и знакома многим, по причине чего мы не считаем нужным перечислять их здесь.

Шибли Нумани относится к числу известных учёных, высказавших свои ценные и тонкие наблюдения относительно проявления средств художественного изображения в произведениях персидско-таджикских поэтов, о достижениях и изъянах их поэтической речи.

Шибли, утверждавший, что «персидская поэзия начинается с исламского периода» [138, 41], появление средств художественного изображения также связывает с арабской поэзией и пишет, что: «средства художественного изображения и риторика, в сущности, взяты у арабов» [138, 118]. Относительно первого произведения на языке фарси, посвященного анализу средств художественного изображения, он говорит: «Из числа древних стихотворцев Фаррухи был первым, кто написал на персидском языке книгу о средствах художественного изображения и риторике, под названием «Тарджумон-ул-балога». Примерно в то же время на эту тему также была написана книга Абдулло бин Муътаза, которая была первой книгой в этой науке и после этого Кудома дополнил данную книгу

новыми наблюдениями и суждениями, которая была издана и получила одобрение общества, Фаррухи же пересказал её на персидском языке» [138, 123]. Или в другом месте говорит: «Фаррухи написал книгу о средствах художественного изображения, под названием «Переложение риторики» («Тарчумон-ул-балоба»). Рашиддадин Ватвот, упоминая о ней в «Хадоик-ус-сехр», пишет: «Книга никчемная» [138, 86]. Как видим, первым автором книги о средствах художественного изображения и риторике Шибли считает арабского учёного Абдулло бин Муътаза (861-908г.), которая, якобы потом была издана Фаррухи на персидском языке. Безусловно, это высказывание учёного требует переосмысления. Таджикский учёный Мирзо Муллоахмад, касаясь мнения Шибли о том, что «художественные средства изображения взяты у арабов» и, что «персоязычные поэты, склонив голову перед арабами, учились стихотворчеству», подчеркивает, что Шибли, возможно пришел к такому заключению по причине необладания точной информацией. И, продолжая свою мысль, отмечает, что возможно под влиянием этих суждений известный русский востоковед Е.Э. Бертельс также в своих первых статьях указывал на арабское происхождение персидской поэзии, но позже отказался от такой мысли [116, 374].

Как известно, древнейшей книгой в теории литературы является «Тарджумон-ул-балоба» известного таджикского учёного Мухаммада ибн Омара Родуяни (XI в.), к счастью, дошедшая до наших времён. В то же время, согласно информации, представленной таджикским литературоведом Т.Зехни в книге «Искусство слова»: «Это важное произведение («Тарджумон-ул-балоба»-Х.З) было напечатано не так давно (в 1949 году в Стамбуле) стараниями Ахмада Оташа, а до того времени автор книги был неизвестен и некоторые исследователи относили её перу поэта XI века Абулхасана Фаррухи» [90, 13]. Из этих слов Т.Зехни вытекает, что говоря «**некоторые**» он, возможно, подразумевал Шибли.

Что касается того, что средства художественного изображения были заимствованы, «по существу у арабов» [138, 118] большинство исследователей

персидской науки и литературы не приемлют такого утверждения и в определенных случаях высказали свои убедительные доводы.

Как отмечает профессор А.Сатторзода в «Усовершенствованной персидско-таджикской риторике» («Такмилаи бадеъи форсии тольки»): «Иранцы в доисламский период имели книги о риторике и всякий, кто желает изучить секреты этого искусства, должен обратиться к их книгам, подобным книге «Корванд» [158, 7].

Алиасгар Шердуст, в предисловии книги «Текстология художественных произведений» («Матншиноси осори адабӣ») Абдулманнони Насриддина, ссылаясь на эти высказывания, добавил, что: «Из научных произведений доисламского периода, не дошло ни одного самостоятельного исследования, посвященного литературной критике. Но несмотря на это, если действительно на языке пахлави существовала предисловие к «Калиле и Димне» Бузурджмехр Бахтагона, в котором были высказаны его критические мысли невзирая на краткость, с точки зрения истории литературной критики, заслуживает всяческого внимания» [49, 3]. Также Алиасгар Шердуст убеждён, что «...на самом деле, несмотря на то, что такие книги, как «Гучастаги аболиш» и «Шиканд гумоник вичор» были написаны в доисламский период, все же без сомнения они были продолжением традиций периода Сасанидов, в которых можно обнаружить приметы литературной критики» [49, 3].

Таким образом, рассмотренные воззрения и взгляды и существование книги «Корванд», относительно риторики, которую позже стали считать синонимом средств художественного изображения, являются свидетельством того, что персидско-таджикская наука риторики сформировалась и развивалась задолго до вхождения ислама и исламской науки и литературы. Иначе говоря, наука о плавности и связанности речи была свойственна не только арабам, но являлась и сущностью доисламской персидско-таджикской поэзии. Хотя мы не можем отрицать непосредственного влияния арабской поэзии в совершенствовании и развитии персидско-таджикской литературы,

однако, как пишет профессор А.Сатторзода: «Точно также, как персидско-таджикская система стихосложения аруз отличается от арабского аруза, персидско-таджикская наука о средствах художественного изображения таким же образом отличается от арабской науки о художественных приёмах изображения» [158, 6].

Относительно приёмов и средств художественного изображения, которые «персидские ученые прошлых эпох и настоящего времени относили к отдельной области литературоведения» [158, 6], в различные периоды исследователями написано немало книг, способствовавших возрастанию количества и разнообразия средств художественного изображения.

Шибли Нумани, на примере новаторских поисков Амира Хусрава Дехлави в «Царственном творении» - («Эъльози хусравӣ»), пишет так: «Амир в «Царственном творении» настолько углубился в вопросе о «средствах художественного изображения», что мы опасались как бы он не попал в силки, раставленные им же самим» [139, 437]. В целом, все новые средства художественного изображения, предложенные Амиром Хусравом, в своём большинстве, являются его собственным изобретением, но характерны арабскому языку. Шибли, подчёркивая уровень его знания арабского языка, говорит: «Амир в арабской литературе занимал достойное место», однако не приемлет его воззрения в «Царском творении». Несмотря на то, что Шибли «поэтические опыты» Амира Хусрава в использовании средств художественного изображения в «Царском творении» приравнивает к «копанию гор и добыванию соломы» [139, 439], всё же аккумулировав своё внимание на нескольких из них, подверг их тщательному анализу. В литературном кругу Индии Амир Хусрав является поэтом и учёным большой величины, который укрепил основы персидской литературы в этой стране, но его новаторство не получило поддержки со стороны исследователей поэтики, и Шибли назвал его поиски «бесплодными и неуместными» [139, 441].

В процессе работы над «Шеър-ул-Аджам» Шибли опирался на сочинения большинства исследователей поэтики, но отказавшись от повторения их определений, относительно средств художественного изображения, он высказал свои суждения и умозаключения на основе анализа и рассмотрения способов их использования в творениях персидско-таджикских поэтов, в особенности последователей индийского стиля.

Хотя Шибли средства художественного изображения считает достоянием арабов, однако его мнение относительно смысловых средств художественного изображения, к которым относится и сравнение, является совершенно иным. Он говорит: «Что касается сравнения, следует знать, что влияние арабов очень мизерное, поскольку живя в знойных пустынях и будучи кочевниками... они лишь во сне могли видеть фиалки, геацинты, жасмины, нарциссы, так откуда же могли появиться сравнения с ними» [139, 118]. Сравнения арабов, как пишет Шибли, вообще очень естественные и простые. Такие простые сравнения, которыми изобилуют и стихи древних поэтов Ирана, «он объясняет влиянием арабской литературы» [138, 124]. Необходимо отметить, что говоря о простоте и естественности поэзии поэтов первого периода, автор книги «Красота слова или персидская наука о средствах художественного изображения» («Зеби сухан ё илми бадеъи порсӣ») Сайидмухаммад Нишот также пишет: «Если постепенно будем углубляться в историю зарождения науки поэтики, мы сможем увидеть, что стихотворения и древние прозаические произведения, созданные в период правления Саффаридов, Саманидов и Газневидов, являются предельно простыми, естественными и без какой-либо вычурности» [145. 8].

Поскольку в начале мы говорили о **сравнении**, то необходимо сказать, что это понятие нашло своё толкование со стороны наших предшественников и современных литературоведов. В сущности «для точного изображения чегонибудь сравнивают какую-то его особенность с особенностью другого предмета» [90, 62] и исследователи поэтики во все времена придерживались этого определения, то есть внешне это искусство

состоит в сравнении одного предмета с другим. Как в нижеприведённом бейте:

*Нусне, ки ту офтоб, дорї,
Дар пардаи осмон нагунъад.*

[140, 296]

*Красота, присущая тебе, солнце,
Не умещается в покрове всего неба.*

В этих строках поэт сравнивает красоту и прелесть своей возлюбленной с солнцем, что выглядит очень изящно и естественно.

Шибли Нумани будучи сторонником использования в поэзии свежих и редких сравнений говорит: «Всякое сравнение, вначале кажется редким и изящным, но потом, вследствие многократного использования и чрезмерных вычурных оборотов речи, его изящество тускнеет и оно становится избитым и неэффективным. Задача поэта заключается в том, чтобы искать и находить новые сравнения и метафоры, использовать их в своём творчестве, что и является свидетельством совершенства известных поэтов, в творениях которых можно обнаружить редкие и свежие сравнения» [138, 65]. Безусловно, стихотворения, наполненные изящными и редкими сравнениями поэта, становятся более действенными и очаровательными, оказывая на читателя совершенно иное глубокое воздействие. Если поэзия является возбудителем чувств и эмоций, то поэту надлежит быть более внимательным в отношении этих её тонкостей. Так, к примеру, в нижеприведенных строках поэт сравнил слёзы своих глаз с кровью сердца, что придало им особую силу воздействия:

З-он тифли ашки ман ҳама хун шуд, ки афтод

Душ аз даричаи дилу имшаб зи боми чаим.

[90, 85]

От того младенец моих слёз стал кровавым, что упал

Вчера из дверцы сердца моего, а сегодня с крыши глаз.

Шибли, наряду с тем, что придаёт огромное значение и внимание свежим и неповторимым сравнениям, также настаивает на том, чтобы они соответствовали и были пропорциональными сущности изображаемых событий. Например:

*Меравию гиря меояд маро,
Соате биншин, ки борон бигзарад.
[140, 434]
Уходишь ты и я обливаюсь слезами,
Повремени часок, чтобы закончился дождь.*

Слёзы часто сравнивают с дождём, но в этом случае, обращаясь к возлюбленной лирический герой говорит, что я обливаюсь слезами как дождь, от того, что ты покидаешь меня. Повремени немного, чтоб дождь моих слёз унялся.

Можно сказать, что Шибли Нумани солидарен с критическими воззрениями предшествовавших учёных относительно использования сравнения, так как подобные же мысли высказал Шамс Кайс Рози в своей известной книге «Ал-муъчам-фй-маоире ашъор-ил-Ачам», то есть, подчеркивая значение уподобления отдельного предмета или объекта в поэзии, он требует, чтобы уподобление было приемлемым, с точки зрения разумности [36, 278]. Необходимость использования сравнения, соответствующего реальности, высказал также и Рашидадин Ватвот в своём сочинении «Хадоик-ус-сехр»: «И конечно же скверно и неприемлемо... сравнивать одно с другим, которое невозможно представить и даже вообразить» [14,13]. Подобную точку зрения также можно встретить в большинстве работ современных литературоведов. Например, иранский учёный Саид Нафиси в продолжении этих мыслей пишет: «Ярчайшим признаком мастерства всякого поэта является использование им сравнений. Без сравнений стихотворение всё равно, что лицо без макияжа. Истинным поэтом является тот художник слова, который сравнивает своего адресата с

чемнибудь таким образом, что подобное сравнение уму постижимо и каждый может оценить его изящность» [143, 414]. Например:

*Сарвро монї, валекин сарвро рафтор нест,
Мохро монї, валекин мохро гуфтор нест.*

[158, 99]

*Похожа ты на кипарис, но у кипариса нет поступи,
Сравнима ты с луной, но луна не может говорить.*

Учёные литературоведы критически высказывались в адрес тех поэтов, в творениях которых наблюдались не существующие в жизни сравнения или как пишет Абдулхусейн Заринкуб: «Не существуют за пределами рассудка» [89, 410]. Шибли особенно, ссылаясь на поэзию современных поэтов говорит, что «они превратили поэзию и стихотворчество в в скопище невообразимого воображения» [138, 35].

Шибли Нумани подчеркивает значение сравнения в поэзии и высказывает следующие мысли относительно способов и путей достижения мастерства в использовании тонких и приемлемых сравнений:

1. Поэт обязан находить новые и меткие сравнения, избегать избитых и затертых, мало эффективных сравнений:

*Биёр он май, ки пиндорї равон ёкути ноб астї
Ва ё чун баркашида теѓ пеши офтоб астї*

*Подай же мне того вина, что чистым яхонтом покажется
Или как мечь, из ножен извлеченый, сверкающий под солнцем он
окажется...*

[34, 124]

В этих строках поэт сравнил чистоту вина с яхонтом, а сияние с мечом, сверкающим в лучах солнца. В другом месте, поэт волосы своей возлюбленной сравнил с чёрной змеей, а белезну лица с белой ланью:

*Гесуи анбарфишон бар пушти он симинбадан
Ҳаст чун мори сияҳ бар пушти охуи сафед.*

[101, 65]

*Ароматные косы на спине той белоснежной красавицы
Подобны чёрной змее, на спине той белой лани.*

2. Сложное сравнение, является одной из разновидностей сравнения, использование которой свидетельствует о таланте и мастерстве поэта. Например, Низами в «Искандернаме» изобразил закат солнца очень красивыми и редкими сравнениями, которые в целом составляют сложное сравнение. Он мастерски и изумительно сравнил лучи солнца с рубином солнца а закат солнца представил таким, что будто бы луна украдала его лучи:

*Чу ёқути хуршедро дузд бурд,
Ба ёқут чустан чаҳон пай фушурд.
Ба дуздӣ гирифтанд маҳтобро,
Ки ин бурд он гавҳари нобро.*

[138, 70]

*Когда украд у солнца вор рубин,
Искать по миру пустилось свой рубин.
И в воровстве тогда обвинили луну,
Которая унесла тот сияющий рубин.*

Или же: :

*В-он сияъзулф бар он ораз, гӯї ки ӯаме,
Ба пари зоғ касе оташро бод кунад.*

[138, 71]

*Узрев смояляные локоны на том румянном лице,
Чудиться будто крылами ворона раздувают огонь.*

Чёрные локоны сравниваются с крылами ворона и прекрасное румяне лицо с огнём.

3. Шибли Нумани, выявляя и поясняя неуместное использование сравнений в поэзии современных поэтов, подчеркивает, что когда сравнение и метафора близки и пропорциональны предмету сравнения, стихи наполняются изяществом и красотой. Так, в нижеприведенном бейте цель выражена предельно ясно, просто и естественно и потому стих не нуждается в комментариях:

*Номи маъ бурдам шабе, рӯйи туам омад ба ёд,
Дар дили шаб ӯалқаи мӯйи туам омад ба ёд.*

[138, 73]

*Ночью имя произнес твоё, и твоё лицо я вспомнил,
В сердце ночи кольца локонов твоих я вспомнил.*

Обращаясь к поэзии современных поэтов, Шибли отмечает, что «хотя язык поэзии современников кажется несколько легковесным» [138, 254], однако «присущих им изящества и тонкости сравнений и метафор, не найти в поэтической речи предшественников» [138, 254]. Шибли такое изящество и тонкость сравнений в большей степени обнаруживает в поэзии Низами:

*Ба нӯшинлаб он љомро нӯш кард,
Зи лаб љомро ӯалқа дар гӯш кард.*

[139, 254]

*Медовыми губами тот кубок осушила,
След от кубка на губах в сережки превратила.*

То есть, следы кубка, что остались на губах после вина, поэт сравнил с серьгами. Поэтому кубок превратился в сережки на губах возлюбленной.

Шибли утверждает, что порой поэты использовали сравнение с целью изображения величия и внушительности и по этому поводу пишет: «До сегодняшних дней, в использовании подобных сравнений, никому не удалось поставить себя в один ряд с Низами» [139, 257].

Например:

*Дар он Дачлаи хун баланд офтоб
Чу нилуфар афканд заврақ ба об.
Зи шамшери баргашта ҷое набуд,
Ки дар зори вай аждаҳое набуд.*

[139, 257]

*В том Тигре кровавом солнце высокое
Отражалось как лотоса лодка в воде.
От меча (лучей), возвратившегося не было места,
Ведь в пещере раненной не было дракона.*

В последнем бейте поэт сравнил рану с пещерой, а меч с драконом. Согласно мнению Шибли использование «точных и редких» сравнений, обрамленных «в изящную речь» являясь свидетельством природного таланта поэта, способствует совершенству красоты его поэзии. Например:

*Дар бӯстон ба ёди даҳони ту гунчаро
Имсол богбон ҳама нашкуфта чида буд.*

[139, 202]

*В этом году садовник, в память о твоих устах,
Все бутоны унёс из цветника не дав раскрыться.*

Всем известно, что бутон сравнивают с ртом. Поэт в этих строках, с присущей ему тонкостью изображения, повествует о том, что в этом году садовник, оживил в своей памяти маленький рот возлюбленной и потому собрал все бутоны в цветнике, перед тем как они распустились.

Другим средством художественной изобразительности, которому Шибли уделил особое внимание, является метафора. **Метафора** «в литературе, представляет собой одну из разновидностей иносказания, обозначает использование одного слова вместо другого» [90, 83]. Поэтому этот приём очень напоминает сравнение, выражаясь иначе, строится с опорой на закрытое сравнение и отличается лишь тем, что в нём упоминается только отождествляющий объект.

Шибли Нумани называя сравнение и метафору, важными элементами не только поэзии, но «и всей художественной словесности» [138, 61], говорит, что даже обычный человек, в состоянии боли и печали, невольно начинает говорить такие слова, как: «горит душа моя», «растаяла печень моя» и т.д. Поэтому он приходит к заключению, что: «Всё это является сравнением и из этого вытекает, что сравнение в сущности есть врожденная изящность речи» [138, 61]. Писатели прибегали к использованию сравнения с целью выпуклого выражения мысли, лаконичности, красоты и динамичности поэтической речи. Анализируя и исследуя стихи персоязычных поэтов, Шибли одну из ярких особенностей поэзии Файзи Дакани видит в «игривости сравнений и силе метафор» [138, 62]. Например в этом бейте Файзи:

Ман куштаи наргисат, ки пайваст

Мастона кунад ба гулситон хоб.

[146, 223]

Убит я наповал твоими нарциссами, что

Постоянно кокетливо дремлят в цветнике.

Слова «нарциссы» и «цветник» являются метафорой, так как использованы вместо слов «глаза» и «лицо». Если бы поэт сказал, что «глаза моей любимой словно нарциссы» или «лицо возлюбленной подобно цветнику» то это было бы сравнением. Также и в нижеприведенных стихотворных строках метафоры «свежий лепесток цветка» («тозагулбарг»), «луна» и «рубин» поэт использовал вместо слов «любимая», «лицо» и «губы»:

Басе нолаи зор дорам чу булбул,

Ба он тозагулбарги хандон бигӯед.

[146, 162]

Стенаю плачем горьким я словно соловей,

Скажите это свежему ликующему лепестку розы.

Шибли утверждает, что: «Подобные изящные и сочные метафоры можно обнаружить в творениях таких персидских поэтов, как Урфи и Толиб Омули» [138, 65]. Нежность и красоту метафор в поэзии Толиба Омули называя «шедеврами» поэта, он пишет: «Вы вчитайтесь в его стихи и увидите невероятно свежие и редкие метафоры».

Например:

*Ишқ дар аввалу охир ҳама чо ҳаст самоъ,
Ин шарбатест, ки ҳам нухтаву ҳам хом хуш аст.*

[139, 149]

*Любовь в начале и конце, везде веселье (радость),
Это шербет, желанный, пусть он дошедший или сырой.*

Также:

*Ду лаб хоҳам: яке дар майпарастӣ,
Яке аз узрхоҳиҳои мастӣ.*

[139, 149]

*Двух губ я жажду: одни в час винопития,
Другие, чтобы покаяться за пьянство.*

Использование неуместных и далеких от реальности метафор другая проблема, которую Шибли Нумани относит к недостаткам стихов персоязычных поэтов. Например, в этом бейте Мирзо Бедиля:

*Табассуми кӣ ба хуни баъор теғ кашид,
Ки ханда бар лаби гул нимбисил афтода.*

[138, 61]

*Чья улыбка кровь весны кинжалом полоснула,
Что смех застыл на губах полуживой розы.*

В этих строках, согласно мнению Шибли, «кровь весны», «кинжал улыбки» и полуживое состояние смеха розы метафоры, далекие от заявленной цели. Действительно, в творениях классиков персидско-

таджикской поэзии, в особенности, последователей индийского стиля, встречаются сравнения и метафоры, которые трудно представить в реальной жизни. Относительно использования таких стилистически сложных и запутанных сравнений и метафор ещё в своё время Шамс Кайс Рози (XIII в.) выдвинул условие, что «Следует избегать использования малосодержательной речи, неестественных сравнений, надуманных метафор, неверных намеков» [90, 20]. Как мы смогли убедиться Шибли Нумани также является сторонником этих мыслей.

Другим средством художественной выразительности, относительно которого Шибли Нумани высказал свои наблюдения и суждения, является **гипербола**. Это средство художественной изобразительности в творениях поэтов занимает особое место и, о нём существуют различные мнения.

Шибли, рассматривая этот художественный приём, пишет, что некоторые поэты склонны считать, что гипербола является украшением поэтического слова, в том числе у Низами есть такие строки:

*Дар шеър манечу дар фани ў,
Чун акзаби ўст аъсани ў.*

[138, 85]

*В поэзии незаморачивайся, особенно науками той,
В которой неправда и ложь увешаны хвальбой.*

Шибли, размышляя над этими мыслями, говорит: «Те, кто допустив ошибки, принимают неправду и гиперболу за украшение поэзии,... должны знать, что если в стихотворении и появляется изящная гипербола, это изящество есть плод воображения, но отнюдь не лживого преувеличения» [138, 87]. Шибли также убеждён, что «в некоторых случаях, причиной изящества гиперболы становятся другие элементы украшения поэзии» [138, 87]. Например, как в этом бейте:

*Танам аз заъф чунон шуд, ки аъал љусту наёфт,
Нола ӯарчанд хабар дод, ки дар пираъан аст.*

[138, 79]

*Тело от бессилия дошло до того, что искало смерти но не нашло,
Хотя стоны мои поведали, что она прячется в платье моём.*

Шибли красоту и совершенство стихотворных строк поэта объясняя волшебством речи и её изящностью, говорит: «Красота этого стиха не в гиперболе, а в изящности языка» [138, 87].

Шибли явную ошибку в этом споре видит в том, что не были приняты во внимание сами стихи и их элементы. Он делит стихотворения на воображаемые и реальные. Наличие приёма гиперболы в воображаемых стихах он считает «не очень дурным явлением» [138, 88], так как убеждён, что она есть порождение воображения, но использование гиперболы в философских, назидательных, исторических и пейзажных стихах считает «совершенно неприемлемым и никчемным» [138, 88].

Несмотря на то, что главным условием использования гиперболы в стихотворении Шибли считает реальность, в то же время утверждает, что вовсе необязательно, чтобы стихотворение строилось только лишь на реальных событиях и пишет: «Это не есть обязательное условие, чтобы всё, что описывается в стихотворении, от начала до конца, было реальностью, скорее важным является то, чтобы в произведении были признаки реальной жизни» [138, 89]. Например:

*Мункир натавон гаит агар дам занам аз ишк,
Ин нашъа ба ман гар набувад, бо дигаре ьаст.*

[138, 89]

*Невозможно отрицать её, если я буду говорить о любви,
Ведь если этого наслажденья нет во мне, оно есть у другого.*

То есть, если в плоти поэта нет кипения и радости любви, нельзя категорично отрицать существование этого чувства.

Конечно же, поэтическую речь невозможно представить без надуманности и гиперболы, но на основе этих суждений Шибли можно

заклучить, что гипербола в поэзии должна использоваться с учётом определенных норм. Об этом в конце XI века говорил и Унсуралмаоли Кейкавус в 35 главе «Кабуснаме», под названием «О законах поэзии» («Дар расми шоирй»): «И в поэзии не переступай рамок дозволенного вымысла, несмотря на то что, гипербола и вымысел в поэзии есть искусство» [23, 137]. Таким образом, Шибли относит средства художественной изобразительности к красотам поэзии и не порицая присутствия гипербол в творениях поэтов, их удачное использование поэтами, считает предметом гордости каждого художника слова [137, 148)]. К примеру в следующих строках Фирдоуси:

*Яке хаймае дошт Афросиёб,
Зи Маширик ба Мағриб танида таноб.*

[41, 147]

*И был у Афрасияба величественный шатер,
Занимавший от Востока до Запада весь простор.*

Или в другом месте:

*Зи бас гарди майдон, ки бар шуд ба дашт,
Замин шуд шашу осмон гашт ҳашт.*

[41, 147]

*От густой пыли и гари над полем сражения,
Земля убавилась на шесть, небо выросло на восемь измерений.*

Изображая поле битвы, посредством гиперболы, поэт сумел передать масштабность и грандиозность сражения, от которого в небеса поднялось столько пыли, что они выросли на восемь измерений, а слой земли уменьшился в шесть раз.

Шибли Нумани считает, что лучшим стихотворением является то творение, читая которое люди говорят, что это правда. И «Стихотворение обретает силу воздействия тогда, когда в нём есть что-либо из реальной жизни» [138, 89]. К примеру, нижеследующие строки стихотворения, посвященные восхвалению красоты возлюбленной, родились на реальной

основе, но поэт изобразил её красоту с некоторой неуверенностью, отчего образ получился более выпуклым и притягательным:

*Дорад ьамоли рӯи ту имшаб тамошои дигар,
Ё он ки ман мебинамаш беътар зи шабҳои дигар.*

[138, 90]

*Сегодняшней ночью твоя красота видится иначе,
Или я, вижу иначе то, что видел в другие ночи.*

Или в другом месте:

*Ё магар ковиши он наштари мижгон кам шуд,
Ё ки худ захми маро лаззати озор намонд.*

[138, 90]

*Быть может сверление тех колких ресниц поубавилось,
Иль раны мои уже не испытывают наслажденья от мук.*

Во всяком случае, в какой бы форме не проявлялись гиперболизированные выражения и словосочетания они, оказывая на читателя эстетическое воздействие, свидетельствуют о мастерстве и таланте художника слова.

Ещё одним средством художественной изобразительности, которое оказалось в центре внимания Шибли Нумани, является приём намёка. Этот приём, в котором, по словам Шибли Нумани «... проявляются тысячи поэтических выражений», он относит к достоянию арабской поэзии, утверждает, что: «в своём большинстве, наблюдаемые в персидской литературе образцы приёма намёка заимствованы у арабов» [18, 121].

В художественной литературе часто можно встретить намёки на исторические события и явления, религиозные сказания и притчи, географические топонимы, которые сознательно и с большим искусством используют поэты. Всё это является свидетельством их знаний и осведомленности относительно художественного наследия предшественников, истории и культуры своего народа.

Подобные отсылки называют приёмом намёка (талмех). Например, Файзи Дакани, упоминая об исторических личностях, пишет:

*Ман он Сикандари вақтам, ки Чам гадои ман аст,
Сафои майкада чоми чаҳоннамои ман аст.*

[146, 182]

*Я тот Александр времени, попрощайкой которого, является
Джам,
Чистота питейного дома является моей чашей,
отражающей в себе весь мир.*

Или в другом месте:

*Лаъли ту афсона кард ишрати Парвизро,
Чаими ту аз ёд бурд фитнаи Чингизро.*

[146, 27]

*Рубины губ твоих превратили в сказку пиршество Парвиза,
Глаза твои побудили позабыть коварство и интриги Чингиза.*

Литературоведы, причисляя приём намека (талмех) к совершенным средствам художественной изобразительности, наряду с возможностью наполнения слов новым смыслом и воображением, считают его одним из основных признаков индийского стиля. Шибли Нумани, отмечая особенности использования приёма намека в поэзии, подчеркивает, что этот приём должен быть выстроен в соответствии с знаниями и возможным восприятием их читателем. Например, мастерство Фаррухи в создании намека он называет «рукой, творящей чудеса» [138, 94] и проявляет к его намёкам особое внимание.

Фаррухи, намекая на сказание о том, как Адам съел в раю запретный злак пшеницы, так описал осень:

*Магар дарахти шукуфа гуноҳи Одам кард,
Ки аз либос чу Одам ҳама шудӣ урён.*

[139, 94]

*Неужто цветущее дерево совершило грех Адама,
Что сбросило свою одежду, став голым, как Адам.*

Он также неприемлет произведений некоторых поэтов, подобных Хагани, состоящих, по его выражению, из «суфийских» намёков [138, 82] и отмечает, что «его поэзия труднодоступна для понимания» [138, 82].

Когда Шибли переходит к толкованию намеков в поэзии персоязычных поэтов, он делит их на группы и очень корректно выражает свои суждения и мысли. Например, отмечая выбор поэтами Ирана в любовной лирике образа Лейли, он говорит следующее: «Поэты Ирана выбрали образ Лейли и настолько расширили его, что язык влюбленного и Лейли считаются находящимся в одном ряду» [138, 122]. Наряду с этим он приводит примеры множества намеков, как очи Якуба (Иакова) с разрезанной одеждой, колодец Каньон, укрытие Зулейхи, темница Юсуфа (Иосифа), трон Соломона, буря Ноя, пламя Намруда, Хатам, Ева и Адам и многое другое, которые служили основой сотен тысяч стихотворений. Одним словом, все выражения и намеки, относящиеся к религиозным воззрениям, он считает заимствованными у арабов и пишет, что: «Таких слов и выражений в персидской поэзии настолько много, что они могут составить отдельную книгу» [138, 123].

Необходимо подчеркнуть, что возможно все эти суждения Шибли имеют право на жизнь, но мы не можем, основываясь только на приведенных выше примерах намеков, делать категоричные выводы относительно творений всех персоязычных поэтов, так как намеки персоязычных поэтов, с точки зрения тематики и содержания, отличаются многообразием, свидетельством чему могут служить нижеприведённые строки:

*Эҳтимоли неш кардан вочиб аст аз баҳри нуш,
Ҳамли кӯҳи Бесутун бар ёди Ширин бор нест.*

[45, 222]

*Предположить колкости шипов допустимо когда пьёшь,
Как не кажутся грузом для Ширина поднятие гор Бесутун*

Или:

*Дурднушон ҳама рафтанд аз ин дайри куҳан,
Базми Чамшед кучо? Чоми майолуд кучост?*

[146, 124]

*Горькие пьяницы все ушли из этого древнего храма,
Где теперь пиры Джамшеда? Где чаша, запачканая вином?*

Также:

*Сӯхтам дар чоҳи сабр аз баҳри он шамъи Чигил,
Шоҳи туркон фориғ аст аз ҳоли мо, ку Рустаме?*

[45, 568]

*Обуглился я в колодце терпенья во имя той свечи Чигил,
Неведомо шаху турков о нашем состоянии, где Рустам?*

Или:

*Мо лаб зи нӯшдорӯи Сухроб шустаем,
Согар ба захру шиша ба хуноб шустаем.*

[140, 453]

*Мы губы от живой воды Сухраба промыли,
Чашу ядом, а бутылъ, кровью сердца своего промыли.*

и ещё:

*Сарои Кӯҳкан аз кохи Бесутун кам нест,
Садои теша зи овози аргунун кам нест.*

[139, 270]

*Келья Каменотёса дворца Бесутун не меньше,
Звуки его кирки звуков органа не меньше.*

Помимо этого можно вспомнить следующие слова Шибли Нумани:
«Персидский язык и термины этого языка намного нежнее и слаще, чем в

других языках и для описания величия и великолепия не найти слов лучше, чем каянидский шлем, царская корона, чаша Джама, знамя Кавы» [138, 197]. Это высказывание свидетельствует о том, что невзирая на критическое воозрение Шибли в комментариях на произведения персидских поэтов, всё же чувствуется его любовь к персидской поэзии и персидскому языку. Об этом сам Шибли говорит так: «Когда в новом и удивительном одеянии выражают определенную мысль, являющуюся восхвалением или шедевром, многие деятели литературы называют это поэзией и, необходимо знать, что персидский язык в этом отношении среди других языков является уникальным» [138, 206].

Средства художественной изобразительности в поэзии, выражаясь образно, украшают её убранством словно невесту, которые, многие литературоведы прошлых и настоящих времён требуют использовать согласно определенных норм. Интересные мысли относительно использования средств художественной выразительности высказал Шамс Кайс Рози, назвав их «украшением поэзии» [36, 264] и «свидетельством искусства словотворчества», но при этом подчеркивая, что: «с условием, чтоб не переусердствовать и чтоб они соответствовали друг другу» [36, 264].

Эти слова Шамса Кайса Рози предупреждают поэтов и писателей воздерживаться от неуместной игры словами. Абдурахман Джами подчёркивая важность средств художественной изобразительности в поэзии, говорит: «Поэзия это цикл творений, украшенных началом и концом, в которых средства художественной изобразительности - сила, а речь - сущность» [42, 1]. Однако всё же считая, что чрезмерное увлечение средствами художественной изобразительности, становится причиной изъянов и ошибок в стихотворении, пишет:

Хуш ояд дар сухан санъат зи шоир, лек не чандон

Ки орад дар камоли маънии мақсуд нуқсонаш.

[42, 154]

*Хорошо когда стихи искусством поэта дышат, но настолько
Чтоб от ошибок и изъянов мысли в них, не было горько.*

Также известный таджикский ученый, исследователь науки стихосложения аруз и рифмы таджикской поэзии Бахром Сирус, подчеркивая роль средств художественной выразительности в поэзии пишет: «поэзия, по причине её облачения поэтом в одежду из средств художественной выразительности, усиливает воздействие слов и тем самым способствует попаданию мысли поэта в цель» [165, 5].

На основании рассмотренных нами воззрений и суждений, можно утверждать, что Шибли Нумани в процессе исследования и анализа поэзии персоязычных поэтов, часто выражает свою солидарность с этими высказываниями. Он считает средства художественной выразительности факторами красоты и совершенства поэзии и говорит, что: «Изящество и красота поэзии проявляется благодаря какому-либо средству художественной выразительности» [138, 147]. Вот на какие мысли и требования Шибли призывает обратить внимание во время использования средств художественной выразительности:

- 1. Используемые сравнения и метафоры не должны быть обыденными и недоступными пониманию [138, 82].*
- 2. Намёки (талмеъот) должны быть понятными и их цели ясными [138, 82].*
- 3. Гипербола должна использоваться таким образом, чтобы в ней по крайней мере, были признаки доступной воображению реальности [138, 89].*
- 4. Стихотворение становится эффективным тогда, когда в нём есть изображение какого-либо события [138, 8].*

Таким образом, рассмотрев воззрения и выводы Шибли Нумани относительно средств художественной изобразительности и особенностей их использования поэтами индийского стиля, необходимо отметить, что данное

исследование, в котором теоретические вопросы впервые рассмотрены этим учёным, является совершенно новым в восточном литературоведении. В то же время, изучение и рассмотрение средств художественной образности в творениях писателей индийского литературного круга, являются важными вопросами, требующих отдельных монографических исследований последующих молодых литературоведов.

Заключение

Исследование теоретических и критических взглядов Шибли Нумани в «Шеър-ул-Аджам», которая считается важным и бесценным источником для изучения истории персидско-таджикской литературы, позволило нам прийти к такому заключению, что он без преувеличения был безумно влюблен в творения персоязычных поэтов и, исследуя её, распутал многие её узлы. Все размышления Шибли вокруг персидской поэзии, которые он опираясь на конкретные факты и всесторонний анализ, подробно представил в отдельных главах книги, на самом деле, по словам Саида Нафиси, свидетельствуя о том, что он является «чудесным литературным критиком» позволили нам прийти к следующим выводам:

1. Следует сказать, что Шибли все свои критические суждения и умозаключения сделал на основе изучения доступных ему литературных и исторических источников, чтения диванов и собраний стихов поэтов. На этот счёт можно сослаться на его следующее высказывание: «Численность диванов и собраний сочинений поэтов, которые прошли через наши глаза, так велика, что для их рассмотрения и анализа необходимо отдельное исследование» [139, 35].

2. В то же время Шибли Нумани был человеком, хорошо осведомленным в таких науках, как язык и литература, философия и исламская религия и эти широкие знания, а также большой талант и опыт позволили ему, с опорой на новые методы анализа и исследования, создать на высоком уровне «Шеър-ул-Аджам», свершив тем самым великий переворот в персидском литературоведении. Относительно этого монументального и всеохватывающего произведения переводчик с урду на персидский язык Сайидмухаммадтаки Фахри Геляни написал следующее: «Этот учёный муж создал вышеназванную книгу настолько уникальную, с точки зрения научности, художественности, социальной, политической, нравственной и национальной значимости, что трудно позволить себе сократить в ней хотя бы несколько строк» [138, 15].

3. Наряду с тем, что Шибли Нумани был выдающимся исследователем и критиком, судя по его произведениям в разных областях, он также был поистине сильным поэтом. Со свойственными ему талантом и особым мастерством он создавал свои тематически богатые стихи на языках урду и фарси о природе, любви и нравственно-этических и философских размышлениях поэта. Шибли был беспредельно влюблен в поэзию персоязычных поэтов и в своих газелях, подобно многим персоязычным поэтам Индии, в большей степени следовал стилю Ходжа Хафиза. Его персидские стихи напечатаны в различных сборниках. Несмотря на очень сложную и бурную социально-политическую атмосферу и религиозные противоречия, Шибли Нумани всегда стоял на позиции передовых просветительских идей, которые ощущаются во всей его поэзии.

4. Шибли отличался чрезмерно широким кругом чтения, но как и другие учёные, начиная с Аристотеля до средневековых таджикских и арабских мыслителей, считая недостаточным определение сущности поэзии и стихотворчества несколькими словами, пишет, что «невозможно дать полное и совершенное определение лишь в нескольких словах» [138, 19]. Поэтому он в разных формах даёт толкование поэзии, с точки зрения логичности и философичности, в сранении с историей, обозрением. Считая поэта наставником нравственности, глашатем воспитания и человеческой цивилизации, он видит её как основной источник мудрости и философии жизни. Шибли определяет истинному поэту особую роль, которую можно выразить следующими строками выдающегося поэта Низами Ганджави:

*Пешу насе баст сафи кибриё,
Пас шуаро омаду пеш анбиё.*

*Когда гордыни шеренги закрыли путь назад и вперёд,
Явились поэты, вслед за пророками, чтобы спасти народ.*

5. У Шибли Нумани относительно истинных элементов поэзии, в том числе воображения и его сущности имеется своя точка зрения. Являясь последователем Аристотеля, он называет воображение и подражание (мухокот) наиважнейшими элементами поэзии и даёт им своё подробное пояснение. Вместе с тем, наряду с показом ценностей воображения и других элементов поэзии он указывает на упущения и неумеренность в использовании воображения, в особенности в творениях поэтов последних веков, то есть поэтов индийского стиля. В то же время, подчеркивая важность бесподобной силы воображения в поэзии, приходит к выводу, что: «В сущности стихотворчество состоит из воображения» [138,23].

6. В процессе пояснения и комментирования сущности другого элемента поэзии - подражания, он отмечает присущие ему особенности. Так при использовании воображения, одним из главных его требований является важность принятия во внимание стихотворных размеров, соответствия подражания с реальностью, использование соответствующего им языка и, при изображении душевного состояния человека принимать во внимание всю атмосферу окружающей его среды. Важно, что свои суждения относительно использования подражания (мухокот) Шибли Нумани подкрепляет ссылками на средства художественной изобразительности в цитируемых им стихотворных отрывках.

7. В произведении «Шеър-ул-Аджам» Шиблии Нумани впервые в литературоведении Востока подробно рассмотрев проблему зарождения персидской поэзии, теоретические вопросы, особенности использования средств художественной изобразительности, наряду с высказыванием своих умозаключений относительно художественного творчества, очень тонко выявил изъяны и погрешности в творениях поэтов индийского стиля. Считая, как и другие учёные литературоведы, средства художественной изобразительности наиважнейшим инструментом украшения поэзии, их уместное и новаторское использование он связывает с мастерством и талантом поэта. Помимо этого, Шибли подчеркивает, что прибегая к

использованию приёмов сравнения, метафоры и гиперболы, которые обеспечивают поэзии её красоту и очарование, следует добиваться их соответствия воображаемой реальности. Ориентируясь на это требование он беспристрастно высказывает свои критические воззрения относительно изъянов стихотворений персоязычных поэтов.

8. Изучение произведений и критических воззрений учёных и мыслителей прошлых эпох являясь важной составной частью литературоведения, способствует расширению и совершенствованию современной литературной критики. «Шеър-ул-Аджам», представляет собой уникальный литературный и исторический источник, который, благодаря своей научной значимости, может служить путеводителем в дальнейших научных разработках учёных литературоведов .

В завершении можно отметить, что «Шеър-ул-Аджам» является единственным достоверным и авторитетным источником, который с точки зрения структуры и методики анализа коренным образом отличается от других подобных источников. Превосходство этого научного труда, прежде всего, заключается в том, что автор охватывает и рассматривает в ней произведения огромного числа поэтов, живших и творивших на территории таких стран, как Иран, Индия, Мавереннахр и Хоросан. Шибли Нумани, повествуя о жизни и творчестве поэтов, вначале подробно останавливается на социально-политической атмосфере их времени, правлении отдельных династий, при которых жили и творили те или иные художники слова и, поэтому «Шеър-ул-Аджам» следует считать не только литературным, но и историческим источником.

В этой книге упоминаются большое количество антологий, созданных в Индии и это является прямым свидетельством того, что на земле этой страны персидско-таджикский язык был в почёте и играл важную роль. Наряду с этим следует отметить, что Шибли Нумани высказал в этом труде и свои суждения относительно истории персидского языка, во взаимосвязи с различными периодами его развития, и с этой точки зрения, он может

служить важным источником изучения персидско-таджикского языка. Создав данное произведение, Шибли ещё раз доказал всему человечеству, что история и культура пресоязычных народов своими корнями уходят в далекую древность и являются составной частью мировой цивилизации. Другой важной и значимой гранью этого произведения, заслуживающей изучения, является отражение в ней литературных связей Мавереннахра, Хоросана, Ирана и Индии, позволяющей глубже и всесторонне рассмотреть этот важный процесс от которого зависило дальнейшее развитие и совершенствование персоязычной поэзии.

Данная диссертационная работа представляет собой первую попытку изучения вышеупомянутого источника и мы постарались в ней по мере своих сил всесторонне рассмотреть и решить поставленные в ней цели и задачи.

Библиография

I. Источники

1. Абӯалӣ ибни Сино. Осори мунтахаб. Ҷ.2./ Абӯалӣ ибни Сино- Душанбе: “Ирфон”, 1980,- 477с.
2. Арасту. Андар шинохти шеър / Арасту. - Душанбе: “Адиб”, 2007. -169с.
3. Айни С. Куллиёт. Ҷ.II, китоби якум./ С.Айни –Душанбе: “Нашр.дав.Тоҷикистон”, 1963.- 506с.
4. Айни С. Мунтахаботи асарҳои илмӣ. Ҷилди 2./ С.Айни.- Душанбе: “Дониш”, 2008.-312с.
5. Айни С. Куллиёт. Ҷ.II, китоби дуюм./ С.Айни. –Душанбе: “Ирфон”,1964.- 435с.
6. Авфӣ Муҳаммад. Лубоб-ул-албоб. Ҷ.1 Бо саъю энtimerом ва тасъеъи Эдвард Браун / Муҳаммад Авфӣ. - Лондон, 1906.
7. Ал-Фараби. Об (искусстве) поэзии / Пер.Н.Н. Караева – В кн. Логические трактаты.-Алма-Ата: «Наука», 1975, 530 с
8. Ал-Фараби. Трактат о канонах искусства поэзии / Пер. Б.Я. Ошеревич, Е.Д. Харенко. – В кн. Логические трактаты.-Алма-Ата: «Наука», 1975.- 530 с.
9. Алломӣ, Абулфазл. Иёри дониш. / Абулфазли Алломӣ. Матни илмӣ-интиқодӣ бо таъкиқу тасъеъи Амрияздон Алимардонов.-Душанбе: “Дониш”, 1988.- 440 с.
10. Аттор, Фаридуддин. Мантиқ-ут-тайр. Таҳияву тадвини матн бо муқаддима ва луготу тавзеҳоти Алии Муҳаммадии Хуросонӣ / Фаридуддини Аттор.-Душанбе: “Эҷод”, 2006. 356.
11. Атоуллоҳ Маҳмуди Ҳусайнӣ. Бадоеъ-ус-саноеъ Бо сарсухан, тавзеҳот ва таҳрири Раҳим Мусулмонқулов / Атоуллоҳ Маҳмуди Ҳусайнӣ.-Душанбе: “Ирфон”, 1974.-223с.

12. Бурхон Муҳаммадхусейн. Бурхони котеъ. Ҷ.1. / Муҳаммадхусейн Бурхон.-Душанбе: “Адиб”, 1993.-416с.
13. Билгиромӣ Мир Ғуломалии Озод. Хизонаи омира / Мир Ғуломалии Озоди Билгиромӣ.- Канпур, 1900.
14. Ватвот, Рашидадин. Девон бо китоби “Ҳадоиқ-ус-сеҳр-фӣ-дақиқ-уш-шеър” / Рашидадини Ватвот.-Техрон, 1339.-249с.
15. Ғиёсуддин Муъаммад. Ғиёс-ул-луғот, ҷилди 1. Таъбияи матн бо пешгуфтор, мулҳақот, тавзеъот ва феъристи Амон Нуров / Ғиёсуддин Муъаммад.-Душанбе: “Адиб”, 1987. - 480 с.
16. Ғиёсуддин Муъаммад. Ғиёс-ул-луғот, ҷилди 2. Таъбияи матн бо пешгуфтор, мулҳақот, тавзеъот ва феъристи Амон Нуров / Ғиёсуддин Муъаммад. –Душанбе: “Адиб”, 1988. -416 с.
17. Давлатшоъи Самарқандӣ. Тазкират-уш-шуаро. Бо энътимоми Э. Браун. Муқаддимаи Муъаммади Қазвинӣ /Давлатшоъи Самарқандӣ.- Лейден 1906/1310 ғ.-324 с.
18. Давлатшоъи Самарқандӣ. Тазкират-уш-шуаро. Гузиниши матн аз Муъаммад Ансор ва Аъзами Худодод. – Душанбе, 1999.-158 с.
19. Дехлавӣ, Амир Хусрав. Осори Мунтахаб. Ҷилд 4. / Амир Хусрави Дехлавӣ Дехлавӣ.- Душанбе, “Ирфон”, 1975.-896 с.
20. Ибни Рушд. Китоб-уш-шеър. Аз арабӣ тарҷумаи Фаръод Деъотӣ ва Абдунабӣ Сатторов / Ибни Рушд. Фанни шеър.-Душанбе, 1985.
21. Кошифӣ, Ёусайн Воиз. Калила ва Димна. Танзим ва таърири Расул Ёодизода / Ёусайн Воизи Кошифӣ. – Душанбе, “Адиб”, 1989. - 302 с.
22. Кашифи, Камал-ад-дин Хусайн. Бадаи-ал-афкар-фи-санаиъ-ал-ашъар. Издание текста, предис. примеч. и указ. Р.Мусулманкулова / Камал-ад-дин Хусайн Кашифи.-М: “Наука”,1977.-74л.
23. Кайковус, Унсуралмаолӣ. Қобуснома. Таҳия ва тавзеҳоти М. Муллоаҳмадов / Унсуралмаолии Кайковус.-Душанбе: “Маориф”,1979.-192с.

24. Қазвинӣ, Мулло Абдуннабии Фахруззамонӣ. Тазкираи майхона. Ба саъйу эҳтимоми Аҳмад Гулчини Маонӣ / Мулло Абдулнабии Фахруззамонии Қазвинӣ.- Техрон, 1339.-1011 с.
25. Қудома ибни Чаъфар. Нақд-уш-шеър. / Қудома ибни Чаъфар Истанбул, 1302.
26. Малеъои Самарқандӣ. Музаққир-ул-асъоб. Матни интиқодӣ ба эътимомии Камолиддин Садриддинзодаи Айнӣ / Малеъои Самарқандӣ –Душанбе: “Пайванд”, 1385.- 689 с.
27. Мунтахаботи “Тарҷумон-ул-балога” ва “Ҳадоиқ-ус-сехр” / Таҳияи Худой Шарифов.-Душанбе: “Ирфон”, 1987.-144с.
28. Мутрибӣ, Султон Муъаммади Самарқандӣ. Тазкират-уш-шуаро. Муқаддима ва тасъеъи Асғар Љонфидо. Бо муқаддима ва таъшияву таълиқоти Алӣ Рафеъии Аломарвдаштӣ / Султон Муъаммади Мутрибии Самарқандӣ -Теърон, 1377. -802 с.
29. Насрободӣ, Мирзо Тоъир. Тазкираи Насрободӣ / Мирзо Тоъири Насрободӣ. -Теърон 1352. - 575 с.
30. Наъовандӣ, Абдулбоқӣ. Маосири Раъимӣ (бахши зиндагиномаъо). Бо эътимомии дуктур Абулӯсайни Навоӣ / Абдулбоқии Наъовандӣ -Теърон 1381/2003. - 1043 с.
31. Низомии Арӯзии Самарқандӣ. Чаъор мақола. Мураттиб, муаллифони сарсухан ва ӯзирқунандағони чоп: Х.Шарифов, У.Тоиров / Низомии Арӯзии Самарқандӣ –Душанбе: “Ирфон”, 1986.-160с.
32. Низомии Ганъавӣ. Лайлӣ ва Мальнун. Куллиёт. Ҷ.2. Ба чоп тайёрқунанда, муаллифи сарсухан ва мураттиби луғату тавзеъот Аълохон Афсаъзод / Низомии Ганъавӣ. –Душанбе: “Ирфон”, 1982.-368с.
33. Озар Лутфалибек. Оташкада, љилди 1. Бо муқаддимаву тасъеъи Њасан Содоти Носирӣ / Лутфалибеки Озар. –Теърон, 1336.-424 с.
34. Осори Рӯдакӣ / Таъти таърири А. Мирзоев.- “Нашриёти давлатии Тољикистон”, 1958, 542с.

35. Розі, Шамси Қайс. Адавати шеър ва муқаддамоти шоирі / Шамси Қайси Розі -Душанбе, 2001.- 40 с.
36. Розі, Шамси Қайс. Ал-муъҷам. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва хозирқунандаи чоп Урватулло Тоиров / Шамси Қайси Розі –Душанбе: 1991.- 464 с.
37. Сиистонӣ, Фаррухӣ. Девон. / Фаррухӣи Сиистонӣ.-Тоҳрон: 1311.
38. Тӯсі, Хоља Насириддин. Меъёр-ул-ашъор. / Хоља Насируддини Тӯсі, - Душанбе: “Ориёно”, 1992.-152 с.
39. Тӯсі, Хоља Насириддин. Асос-ул-иктибос. тасъеъи Азизуллоъ Ализода / Хоча Насириддини Тӯсі.-Тоҳрон: “Интишороти Фирдавс”, 1389.- 559 с.
40. Фанни шеър. (Арасту, Форобӣ, Ибни Сино, Ибни Рушд, Насириддини Тӯсі). Душанбе, 1977.
41. Фирдавсі, Абулқосим. Шоънома, ҷ.1. / Абулқосим Фирдавсі.- Душанбе: “Ирфон”, 1986.
42. Љомӣ, Абдурраъмон. Осори мунтахаб. Ҳафт авранг. Ҷ.5 / Абдур раъмони Љомӣ.- Душанбе: “Ирфон”, 1964.-358 с.
43. Шерозӣ, Саъдӣ. Гулистон. Тартибдиъандагон И. Ализода, А. Деъотӣ / Саъдии Шерозӣ.- Душанбе: “Нашриёти Давлатии Тоҷикистон”, 1962.
44. Шерозӣ, Саъдӣ. Мунтахаби ғазалиёт. Ба чоп тайёрқунанда Н.Қаънорова / Саъдии Шерозӣ.- Душанбе: “Ирфон”, 1977.
45. Шерозӣ, Ҳофиз. Куллиёт. Мураттиби китоб ва муаллифи сарсухан Чамшад Шанбезода / Ҳофизии Шерозӣ.- Душанбе: “Ирфон”, 1983.-672с.

II. Научные произведения

46. Абдуллоъ Саид. Адабиёти форсӣ дар миёни Ҳиндувон. Тарҷумаи дуктур Муъаммадасламхон / Саид Абдуллоъ. -Тоҳрон, 1371.- 282 с.
47. Аҳмадов Саид. Фалсафаи каломи муосир / Саид Аҳмадов.-Душанбе, 2005.- 310с.

48. Абдуррахмони Чомӣ. (Маълӯи мақолаҳо ба ифтихори 550-солагии шоир, адиб ва мутафаккири бузурги форс- тоҷик Мавлоно Абдурраҳмони Љомӣ) / (И.С.Брагинский, Е.Э.Бертелс, А.Афсаъов ва диг.) – Душанбе, “Ирфон”, 1965,- 220 с.
49. Абдулманнони Насриддин. Матншиноси осори адабӣ. Тасхеҳу нашри нусхаҳои хатии форсӣ-тоҷикӣ дар Ҳинд / Насриддин Абдулманнон. Душанбе: “Пайванд”, 2011.- 294с.
50. Абдулманнони Насриддин. Шарҳнависӣ дар таърихи адаби форс-тоҷик / Насриддин Абдулманнон. Хучанд, 2001.-262с
51. Абдул Кадир. Краткая литературная энциклопедия / Абдул Кадир Т.1. Москва, 1962. стр.-706.
52. Алиев Г.Ю. Персоязычная литература Индии / Г.Ю. Алиев -Москва: “Наука”, 1968. -248с.
53. Алиасғари Ёикмат. Нақши порсӣ бар аълори Ёинд / Алиасғари Ёикмат -Теърон, 1337.
54. Алимардонов А. Шиблии Нуъмонӣ. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик / А. Алимардонов.-Душанбе, 1989.-Ҷ.2.Саъ.134-135.
55. Алимардонов А. Шеър-ул-Аҷам. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик / А. Алимардонов.-Душанбе, 1989.-Ҷ.2.-Саъ.135-136.
56. Амиршоӣ Нурмуъаммад. Туъфат-ул-амон фӣ сирати-н-Нуъмон / Нурмуъаммади Амиршоӣ. -Душанбе, 2009. 626с.
57. Амиркулов С. Таҳаввули адабиёти тоҷик дар нимаи якуми асри XIX / Амиркулов С. -Душанбе: «Дониш», 1980. -102 с.
58. Асозода Х. Адабиёти форсӣ ва се шоҳи он / Х. Асозода. -Душанбе, «Маориф», 1991.-127 с.
59. Афсаъзод А. Адабиёти форсу тоҷик дар нимаи дуввуми асри XV, китоби аввал / А. Афсаъзод. -Душанбе: “Дониш”, 1987.-261 с.
60. Баҳор Муҳаммадтақӣ. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввурӣ насри форсӣ / Муҳаммадтақӣ Баҳор. –Теҳрон. Ҷ.3, 1321. - 439 с.
61. Бертелс Е.Э. История персидско-таджикской литературы / Е.Э. Бертелс.-

Москва: ИВМ, 1960.-556с.

62. Белинский В.Г. Чанд макола / В.Г. Белинский.-Сталинобод: “Нашриёти давлатии Тоҷикистон”, 1961,-88 с.

63. Беляев В.И. Основные черты арабской поэзии в начале Аббасидского периода.VIII в. первая половина IX в / В.И Беляев. -ДД СССР. XXI МКВ. - М., 1960.

64. Бобоев Ю. Назарияи адабиёт. Қисми 1. Муқаддимаи адабиётшиносӣ / Ю. Бобоев.-Душанбе: “Ирфон”,1987,-320 с.

65. Бонгард-Левин Г.М. История Индии. Краткий очерк / Г.М. Бонгард-Левин. Москва, 1973.

66. Брагинский И.С. Из истории таджикской и персидской литературы / И.С. Брагинский.- Москва: Гл. ред. восточ. лит., 1972.-524с.

67. Брагинский И.С. Очерки из истории таджикской литературы / И.С. Брагинский.- Сталинабад, 1956.-472 с.

68. Браун Эдвард. Таърихи адабиёти форсӣ. Ҷ.3. / Эдвард Браун - Техрон: “Интишороти Амири Кабир”, 1351. -1346 с.

69. Болдырев А.Н. Отражение древних культурных традиций в классической литературе Ирана. История Иранского государства и культуры / А.Н Болдырев -М., 1971. -350 с.

70. Восеъ Кӯрбон. Мактаб ва маслаки Ҳофиз / Кӯрбон Восеъ. - Душанбе: Ирфон, 2013.- 292 с 67. Восеъ Кӯрбон. Суханварӣ / Кӯрбон Восеъ.- Душанбе: “Ирфон”, 2014, 292 с.

71. Вохидов С. Жизнь и творческое наследие Мухаммада Ауффи / С. Вохидов. –Душанбе: «Дониш», 1989.-166 с.

72. Вохидов С. «Лубаб-ал-албаб» Мухаммад Ауффи и развития жанра тазкире в персидско-таджикской литературе / С Вохидов. АДД.-Душанбе, 1989. – 45с.

73. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Отв. ред. Б.А. Литвинский. / Б.Г. Гафуров – М.: «Наука», 1972.

74. Глебов Н., Сухочев А. Литература урду. Краткий очерк / Н. Глебов., А. Сухочев.-Москва, 1967.

75. Ғетифаллоњи Растагор. Афсонаи забони форсӣ дар Ҳинд // Ғетифаллоњи Растагор. Маълаллаи донишкадаи адабиёт ва улуми инсонии Машъад, шумораи мусалсали 28. -Машъад, 1350.- саъ. 819
76. Ғаффоров А. Назаре ба адабиёти асрҳои XVIII-XIX урду ва тоҷикзабони Ҳинд // А. Ғаффоров. -Шарқи Сурх, 1961, №8. с. 124-142.
77. Ғаффоров А. Шеърӣ форсӣ дар Ҳиндустон // А. Ғаффоров.- Маориф ва маданият, 1969,14 октябр.
78. Ғаффоров А. Мухтасар дар бораи Шиблии Нуъмонӣ // А. Ғаффоров.- Маориф ва маданият, 18.01.1962 .
79. Ғаффоров А. Назми форсии хиндӣ // А. Ғаффоров .-Садои Шарқ, 1974, №7. -с.134-145.
80. Ғаффоров А. Чанд намуна аз ашъори Шиблии Нуъмонӣ // А. Ғаффоров .- Садои Шарқ. -1965, №6.
81. Ғаффоров А. Назми форсизабони Ҳинду Покистон дар нимаи дуввуми асри XIX ва аввали асри XX / Ғаффоров А. -Душанбе: “Дониш», 1975. -143 с.
82. Ғаффорова З. Тазкираҳои Сархуш ва Хушгӯ ҳамчун сарчашмаи нақду суҳандонӣ / З. Ғаффорова. -Хучанд: “Нури маърифат”, 2001.-276с.
83. Ғаффорова З. “Шеър-ул-Аҷам”-и Шиблии Нуъмонӣ ва шинохти шеърӣ тоҷикӣ / З. Ғаффорова. Садои мардум.- 05.06.2008.
84. Ғаффорова З. Ташаккул ва инкишофи адабиёти форсизабони Ҳиндустон. Ҳавзаи адабии Кашмир дар асрҳои XVI-XVII / З.Ғаффорова. - Душанбе, 2002. -574 с.
85. Давронов Субҳон. Омӯзиши вазни шеърӣ тоҷикӣ / Субҳон Давронов.- Душанбе: “Маориф”, 1992.-174 с.
86. Донишномаи Рӯдакӣ, ҷилди 1. -Душанбе, 2008. -590 с.

87. Донишномаи Рӯдакӣ, ҷилди 2. -Душанбе, 2008,- 542 с.
88. Донишномаи адаби форсӣ. Адаби форсӣ дар шибъи қора (Ҳинд, Покистон, Бангладеш), бахши якум. –Теърон, 1380. - 921 с.
89. Зарринқӯб, Абдулҳусайн. Нақди адабӣ. ҷ.1, 2 / Абдулҳусайн Зарринқӯб. - Теърон, 1338.
90. Зеънӣ, Тӯракул. Санъати сухан / Тӯракул Зеънӣ.- Душанбе: “Адиб”, 2007.-400 с.
91. Индия. Специально опубликована для Фестиваля Индии в СССР.-Нью Дели: Брнажбаси Принтерс Пвт. Лтд.,1987.- 237стр.
92. Икром, Шайх Муҳаммад. Адабиёти форсӣ дар Покистони ҳоварӣ // Шайх Муҳаммад Икром. – маҷ. Ҳилол. Қарочӣ, ноябри 1953.
93. Икром, Шайх Муҳаммад. Ёдгории Шиблӣ / Шайх Муҳаммад Икром. Лохур, 1971.
94. Икром, Шайх Муҳаммад. Шиблинома / Шайх Муҳаммад Икром.- Лакхнав. Бидуни соли нашр.
95. История Индии в средние века / Москва.-Главная редакция восточной литературы,1968.-726 с.
96. Иқболшиносӣ.(Мальмӯаи мақолаҳо). // Мураттиб ва муъаррир Алии Муъаммадии Хуросонӣ. Душанбе: “Дониш”, 2016.-214с.
97. Кауль Т.Н. Индия и Азия. / Т.Н. Кауль.- Москва: Прогресс,1989.-239с.
98. Капранов В.А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI-XI вв / В.А. Капранов.- Душанбе: “Дониш”, 1987.-224с.
99. Конрад Н.И. О всемирной литературе в Средние века // Н.И Конрад. – Москва: Вопр. Лит., 1972, №8.
100. Каримов Усмон. Адабиёти тоҷик дар асри XVI / Усмон Каримов - Душанбе: «Дониш», 1985.- 226 с.

101. Каримов Раҳим. Ақидаҳои ислоххоҳонаи исломии Шиблии Нуъмонӣ / Раҳим Каримов. Душанбе, 2018.-156с.
102. Комиссаров Д.С. Пути развитие новой и новейшей персидской литературы / Д.С. Комиссаров.- Москва: “Наука”, 1982, 260 с.
103. Кадканӣ, Муъаммадризо Шафеъ. Сувари хаёл дар шеъри форсӣ / Муъаммадризо Шафеъии Кадканӣ.-Теҳрон,1308.- 682 с.
104. Крачковский И.Ю. Арабская поэтика в IXв. В кн. Избранные произведения / И.Ю.Крачковский. – М: Изд-во АН СССР, 1956, т.
105. Қавим, Абдулқайюм. Забони дарӣ. Маҷмуаи мақолаҳои таърихӣ, адабӣ ва таърихи забони дарӣ / Абдулқайюми Қавим.-Кобул, 1390.
106. Қаландаров Ҳ. «Хизонаи омира» ҳамчун сарчашмаи омӯзиши таърихи адабиёти форсизабони асрҳои IX-XVIII / Ҳ. Қаландаров.-Душанбе: “Дониш”, 2007. – 292 с.
107. Маонӣ, Аҳмад Гулчин. Таърихи тазкираҳои форсӣ. / Аҳмад Гулчини Маонӣ. -Теҳрон, 1363. (дар ду ҷилд). -1771 с.
108. Мирзозода Х. Муъаммад Авфӣ ва тазкираи ӯ «Лубоб-ул-албоб». Таърихи адабиёти тоҷик. (Аз давраи қадим то асри XIII). Китоби 1 // Мирзозода Х. –Душанбе: “Маориф”, 1989. -саҳ. 38-42.
109. Мирзозода Х. Таърихи адабиёти тоҷик. Китоби 1 (2) / Мирзозода Х. – Душанбе: “Маориф”, 1977. – 398.
110. Мирзоев А.М. Аз таърихи муносибатҳои адабии Мовароуннаҳр ва Ҳинд // А.М. Мирзоев.- Садои Шарқ, 1964, №5. -с.35-39.
111. Муллоаъмад Мирзо. Мадръ дар ашъори Рӯдакӣ // Мирзо Муллоаъмад. Суннатҳои пайдори даврони пурбори адабиёт.-Душанбе: “Дониш”, 2008. - Саҳ. 107-114.
112. Муллоаъмадов М. Мавзӯи мадръ дар ашъори Қоонӣ // Масъалаҳои эроншиносӣ. –Душанбе: “Дониш”, 1991. -Саҳ. 53-72.

113. Муллоаъмадов Мирзо. Мадъияҳои Фарруҳӣ // Муллоаъмадов Мирзо. Фарруҳии Систонӣ.-Душанбе: “Дониш”, 1978. -Саъ. 75-94.
114. Мирзо Муллоаъмад. Инсон. Адабиёт. Фарҳанг. / Муллоаъмад Мирзо.- Душанбе: “Адиб”, 1998. 336 сах.
115. Мирзо Муллоаъмад. Асари арзишманди Шиблии Нуъмонӣ / Муллоаъмад Мирзо. Садои Шарқ, 2017
116. Мирзо Муллоаъмад. Осори эроншиносӣ. Ҷ.1 / Муллоаъмад Мирзо.- Душанбе: “Дониш Граф”, 2017.- 546 сах.
117. Мирзо Муллоаъмад. Осори эроншиносӣ. Ҷ.2 / Муллоаъмад Мирзо.- Душанбе: “Дониш Граф”, 2017.- 546 сах.
118. Мусулмонкулов Р. Меъри шиноҳти шеър // Р. Мусулмонкулов Садои Шарқ, 1986, №12.
119. Мусулмонкулов Р. Фурӯги шеъри ҷонпарвар / Р. Мусулмонкулов Душанбе: “Ирфон”, 1984, 240 с.
120. Мусулмониён Р. Шеър дар сарчашмаҳои назарӣ / Р. Мусулмониён - Теърон, 1377, 256 с. (ба нуруфоти форсӣ).
121. Мухторов Аъроф. Мероси ниёгон / Аъроф Мухторов. –Душанбе: “Шарқи озод”, 1999. -148 с.
122. Мухторов Аъроф. Дурдонаҳои маданияти Тоҷикистон дар ганчинаҳои Ҳиндустон / Аъроф Мухторов. –Душанбе: “Ирфон”, 1984. -206 с.
123. Муҳаммад Ҳусайн Машоихи Фаридунӣ. Шамсулама Шиблии Нуъмонӣ-эроншиноси машҳури Ҳинд // Таҳқиқоти исломӣ, поиз ва зимистони 1336, шумораи 5-6, сах. 58.
124. Муъаммадиев Ш. Маосири Раҳимӣ. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик, ҷилди 2 // Ш. Муъаммадиев. - Душанбе, 1989.- саъ. 158.
125. Муъаммадиев Ш. “Маосири Раҳимӣ”-и Абдулбоқии Наҳовандӣ ҳамчун сарчашмаи адабиёти форсизабони Ҳиндустон дар асрҳои XVI- XVII / Ш. Муъаммадиев. - Душанбе, 2009.- 167с.

126. Мисбониддини Нарзикул. Адабиётшиносии форсӣ-тоҷикӣ дар асрҳои XIII-XIV / Нарзикул Мисбониддин.- Душанбе: “Адиб”, 1998.
127. Муродӣ, Абдурауф. “Шеър-ул-Аҷам”- ҷовидондафтари адабиёт // Абдурауф Муродӣ. - рӯзномаи “Омузгор” 07.2016.
128. Муродӣ, Абдурауф. Саид Нафисӣ: Шиблӣ –устоди мӯшикофи наққодӣ // Абдурауф Муродӣ. - рӯзномаи «Адабиёт ва санъат» 19.01.2017, №3.
129. Нақавӣ, Саид Алирзо. Тазкиранависии форсӣ дар Ҳинду Покистон. - Теҳрон, 1344 ھ.ш./1967.- 819 с.
130. Нақавӣ, Саид Алирзо. Фаръангnavисии форсӣ дар Ҳинду Покистон / Саид Алирзо Нақавӣ. -Теҳрон, 1341.- 341 с.
131. Нафисӣ Саъид. Таърихи назму наср дар Эрон ва дар каламрави забони форсӣ то қарни даҳи нилвӣ. Ҷилди 1.-Теҳрон, 1344. -664 с.
132. Нақавӣ, Шаҳриёр. Голиби номвар // Шаҳриёри Нақавӣ.- маҷ. Ҷилол Қарочӣ, фев. 1970.
133. Нақавӣ, Шаҳриёр. Адабиёти татбикии форсӣ // Шаҳриёри Нақавӣ. – маҷ. Ҷилол Қарочӣ, март 1972.
134. Насириддини Тӯсӣ. Меъёр-ул-ашъор /Насириддини Тӯсӣ .- Душанбе,“Ориёно”, 1992.-152 с.
135. Неру, Джавахарлал. Открытие Индии / Джавахарлал Неру.-М: “Политиздат”,1989.- 459с
136. Неру, Джавахарлал. Открытие Индии / Джавахарлал Неру.-М: “Политиздат”,1989.- 506с.
137. Нуъмонӣ, Шиблӣ. Шеър-ул-Аҷам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Ҷ.3. Тарҷумаи Сайид Муъаммадтақии Фаҳри Доии Гелонӣ / Шиблии Нуъмонӣ. -Теҳрон, 1368.- 204 с.
138. Нуъмонӣ, Шиблӣ. Шеър-ул-Аҷам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Ҷилди 3. Тарҷумаи Сайид Муъаммадтақии Фаҳри Доии Гелонӣ. Таҳияи матн бо луготу тавзеҳоти Ҷамроқулова З.У. ва Одинаев Н.С. Зери назари Мирзо Муллоаҳмад / Шиблии Нуъмонӣ.- Душанбе, 2016.-313с.

139. Нуъмонӣ Шиблӣ. Шеър-ул-Аълам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Ҷ.1-2. Таръумаи Сайид Муъаммадтакии Фахри Доии Гелонӣ. Тахияи Абдухолиқ Набавӣ. Зери назари Носирҷон Салимӣ / Шиблии Нуъмонӣ.- Душанбе, 2016.-543с.
140. Нуъмонӣ, Шиблӣ. Шеър-ул-Аълам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Ҷ.3-5. Таръумаи Сайид Муъаммадтакии Фахри Доии Гелонӣ. Тахияи Абдухолиқ Набавӣ. Зери назари Носирҷон Салимӣ / Шиблии Нуъмонӣ.- Душанбе, 2016.-576с.
141. Нуриддинов Ш. «Тазкират ут-таварих» Абдаллаха Кабули как источник по истории персоязычной литературы. Дис.кан.филол.наук /АН СССР Ин-т востоковедения, -М, 1981.-173 с.
142. Низамутдинов И. Из истории среднеазиатско-индийских отношений /IX-XVIII/. -Ташкент, 1969. -143 с.
143. Нафисӣ, Саид. Таърихи назму наср дар Эрон ва дар каламрави забони форсӣ то кари даъи ӯилрӣ. Љилди 1 / Саид Нафисӣ. -Теърон, 1344. -664 с.
144. Нафисӣ, Саид. Таърихи назму наср дар Эрон ва дар каламрави забони форсӣ то кари даъи ӯилрӣ. Љилди 2 / Саид Нафисӣ.-Теърон, 1344. - 665-1172 с.
145. Нишот, Сайидмуъаммад. Зеби сухан ё илми бадеъи порсӣ / Сайидмуъаммади Нишот.- Теҳрон, 1342.
146. Нурова Кубриё. Хусусиятҳои бадеъ-эстетикӣи газалиёти Файзии Даканӣ / Кубриё Нурова.- Душанбе, 2013.-212 с.
147. Осимӣ, Муҳаммад. Назми ҳикмати халқ // Муҳаммад Осимӣ.- маҷ. «Садои Шарқ», 1965, №11.
148. Пригарина Н.И. Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики) / Н.И. Пригарина. -Москва: Изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1999. - 328 с.
149. Парвиз Нотили Хонларӣ. Вазни шеъри форсӣ / Парвиз Нотили Хонларӣ.- Теҳрон: “Бунёди фарҳанги Эрон”, 1345.-303с.
150. Розия Акбар. Нуфузи забону адабиёти форсӣ дар каламрави Кутбшоъӣ

- (Њинди Љанубї) // Розия Акбар.- Ваъид, хурдои 1353, 3. -саъ.303.
151. Ризаев З.Г. Индийский стиль в поэзии на фарси (конца XVI-XVII вв.) / З.Г. Ризаев. -Ташкент: «Фан», 1971. -219 с.
152. Ризозода Шафак. Таърихи адабиёти Ирон / Шафак Ризозода. -Техрон: “Донишгоҳи пахлави”, 1352. -648 с.
153. Рипка Я.Н. Истории персидской и таджикской литературы / Я.Н. Рипка. - М: “Прогресс”, 1979. -440 с.
154. Сагторов А. Саъифае аз таърихи нақд // А. Сагторов. - Садои Шарқ, № 9, 1968.-саъ.135-150.
155. Сагторзода, А. Назариёти адабии Абдураъмони Љомї / А. Сагторзода. – Душанбе: “Дониш”, 2014.- 245 с.
156. Сагторзода, А. Аристотель и таджикско-персидская литературная мысль (IX-XV вв.) / А. Сагторзода.-Душанбе: “Адиб”, 2002.- 264 с.
157. Сагторзода, Абдунабї. Таърихчаи назариёти адабии форсии тољикї / Абдунабї Сагторзода.- Душанбе: “Адиб”, 2001. – 140 с.
158. Сагторзода Абдунабї. Такмилаи бадеъи форсии тољикї / Абдунабї Сагторзода. –Душанбе: “Адиб”, 2011.-380 с.
159. Саидзода, Љамолиддин. Иқбол дар роњи бузургони Аљам / Љамолиддин Саидзода. –Душанбе: “Бухоро”, 2014.-173с.
160. Саидзода, Чамолиддин. Рӯдакї дар “Шеър-ул-Ачам”-и Шиблии Нуъмонї / Љамолиддин Саидзода. Рӯзномаи “Садои мардум”.- 24.09.2009
161. Сафо, Забеъулло.Таърихи адабиёт дар Эрон. Љилди 3/1 / Забеъулло Сафо. -Теърон, 1386.-704 с.
162. Сафо, Забеъулло. Таърихи адабиёт дар Эрон.Љилди 3/2 / Забеъулло Сафо.-Теърон, 1386. -Саъ. 705-1461.
163. Сафо, Забеъуллоъ. Таърихи адабиёт дар Эрон. Љилди 5/1 / Забеъулло Сафо. –Теърон, 1386.- 633 с.
164. Сирус, Баҳром. Қофия дар назми тољик / Баҳром Сирус.-Сталинобод: Наш.дав. тоҷ., 1955.-183с.

165. Сирус, Баҳром. Арӯзи тоҷикӣ / Баҳром Сирус.-Душанбе: “Нашриёти давлатии Тоҷикистон”, 1963.-288 с.
166. Серебряный С.Д. К анализу понятия «индийская литература». Литература и культура древней и средневековой Индии / С.Д. Серебряный. - Москва: “Наука”, ГРВЛ, 1987. -Стр. 228-273.
167. Солехов С. Арӯз ва омӯзиши он / С. Солехов.- Душанбе, 2005.-110 с.
168. Солехов Ш. Марди роҳи маърифат. (Ҷашни 75-солагии адабиётшинос С.Табаров) // Ш. Солехов. Рӯзномаи “Ҷумҳурият”, 25.11.1999.
169. Суворова А.А. Ностальгия по Лакхнау/ А.А. Суворова.-М: АО “Тандем” 1995.-247с.
170. Умар Сафар. Рӯйиши доништан / Сафар Умар. ДМТ, 5.03.2017
171. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри 10 то ибтидои асри 20), иборат аз ду ҷилд, ҷ. I. -Маскав, 1969.
172. Фарҳанги мукаммали забони тоҷикӣ. Иборат аз ду ҷилд, ҷ. I- II. – Душанбе: “Шарқи озод”, 2011.
173. Фарҳанги имлои забони тоҷикӣ.- Душанбе, “Шарқи озод”, 2013.- 320 с.
174. Футӯнӣ, Маъмуд. Нақди адабӣ дар сабки ӯиндӣ.-Теҳрон, 1385. - 430 с.
175. Ҳабибов А. Аз таърихи равобити адабии Бадахшон бо Ҳиндустон (асрҳои XVI- XVII ва XVIII) / А. Ҳабибов. -Душанбе: “Дониш”, 1991.-172с.
176. Ҳабибӣ, Абдулҳай. Таърихи Афғонистон дар асри Курағонии Ҳинд / Абдулҳай Ҳабибӣ. -Кобул, 1341.-400 с.
177. Ҳикмат Алиасгар. Сарзамини Ҳинд / Алиасгар Ҳикмат. -Теҳрон, 1337.
178. Ҳодизода Р. Адабиёти асри XII. (Давраи ҳокимияти Салҷуқиҳо). Адабиёти форсу тоҷик дар асрҳои XII-XIV ҷ. 1 // Р. Ҳодизода. -Душанбе, 1976.
179. Ҳодизода Р. Ақидаҳои адабӣ-эстетикӣ Ҷомӣ . Абдурраҳмони Ҷомӣ. (Маҷмуаи мақолаҳо) / Р. Ҳодизода. - Душанбе, 1965.
180. Ҳумой Чалолӣдин. Таърихи адабиёти Эрон. Ҷ.1-2 / Чалолӣдин Ҳумой.- Теҳрон: “Фуруғӣ”, 1348. -576 с.
181. Ҳусейнзода Ш. Шеър ва шоирӣ аз назари Ҷомӣ. Ҷашномаи Ҷомӣ // Ш.

- Хусейнзода. -Ленинобод, 1966.
182. Хусейнзода Ш. Каломи манзум / Ш. Хусейнзода.-Душанбе: “Сарпа раст”, 2001. -174 с.
183. Ҳаким Абдулазизи Мучаддадӣ. Суханварони забони форсӣ дар Синд / Ҳаким Абдулазизи Мучаддадӣ.- маҷ. Ҳилол, обонмоҳи 1348 шамсӣ.
184. Шарифов Худоӣ. Назарияи наср / Худоӣ Шарифов.-Душанбе, 2004.-319с.
185. Шарифов Х. Услуб ва камолоти сухан / Х.Шарифов. – Душанбе: “Ирфон”, 1985.- 174с.
186. Шучоаталии Синдлавӣ, Назири Кокӯравӣ. Мутолиаи Шиблӣ / Шучоаталии Синдлавӣ, Назири Кокӯравӣ.-Лакҳнав. Бидуни соли нашр.
187. Шоин, Музаффар Ҳусайн. Шеърӣ форсӣ дар Ҳинду Покистон / Музаффар Ҳусайн Шоин. -Техрон, 1361.
188. Шарифов Маҳмадёр. Шамси Қайси Розӣ ноқиди шеър / Маҳмадёр Шарифов.- Душанбе, 2010.- 156 с.
189. Шарифов Х. Шоир ва шеър. // Х.Шарифов.-Рӯзномаи “Маданияти Тоҷикистон”, 7 декабри с.1982.
190. Этте Ёермон. Таърихи адабиёти Эрон. (Тарҷумаи дуктур Ризозода Шафақ). / Ёермон Этте. -Техрон, 1337/1958.-361с.
191. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди 1. -Душанбе, 1989.- 559 с.
192. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. Ҷилди 2 хоҷагии қишлоқ. Ҷилди 2. -Душанбе, 1991.- 577 с.
193. Эҳтишам, Саид Хусейн. История литературы урду. Пер.с хинди Зограф Г.А. / Саид Хусейн Эҳтишам.-Москва, 1961.-236с.

III. Литература на иностранных языках

194. Ahmad M.A. Political history and institutions of the early Turkish empire of Delhi (1206-1290). -Lahore, 1949.
195. Ashraf Muhammad. Concise Catalogue of the Persian Mss. in the Solar Juny Museum and Library, vol. 2. -Hyderabad, 1966.

196. Ataturk Fi Karbala, by Dr. Arif Ul Islam, Aligarh Muslim University, Aligarh, 2007.
197. Browne E. A Literature History of Persia. -Cambridge, 1954, v.4, Modern Times (1500-1924). -530 p.
198. Buy-e- Gul. Shibli Nomani. https://rekhta.org/ebooks/shibli_nomani/ profile.
199. Dasta-e-Gul. Shibli Nomani. https://rekhta.org/ebooks/shibli_nomani/ profile.
200. Deewan-e-Shibli. Shibli Nomani. <https://rekhta.org/ebooks/shibli-nomani/> profile.
201. Detailed image of commemorative postage stamp to honor Shibli Nomani, Retrieved 14 February 2017.
202. Elliot. H.M., Dovson. History of India, vol. vi, pp.237-243.
203. Ivanov W. Consise descriptive catalogue of the Persian Manuscripts in the Curson Collectijn of Asiatic Society of Bengal. – Calcutta, 1924.-325p.
204. Kulliyat-e Shibli Nomani. <https://rekhta.org/poets/shibli-nomani/> profile.
205. Kitne Pakistan, Rajpal & Sons, 2004. [ISBN 81-7028-320-5](https://www.isbn-international.org/product/9788170283205)
206. K.C. Kanda. Masterpieces of Patriotic Urdu Poetry. 89-99pp.
207. Mohan Lal. Encyclopedia of Indian literature. Sahitya Akademy, new Delhi.1992
208. Mohammad Ashraf Chaudhry. A shrouded Taj Mahal of literary excellence.- Pittsburgh, California. Opinion-Pakistan Link
209. Maulana Hamiduddin Farahi. In English language the biographical sketches in the Darul Musannefin, [http //www.shibli academy.org/](http://www.shibli_academy.org/)
210. Syed Sulaiman Nadvi. Hayaat-e-Shibli. [http //www.shibli academy.org/](http://www.shibli_academy.org/) Allamah Shibli_Nomani.
211. Sadiq M., A history of urdu literature, L-Karachi-Lahore-Dacca, 1964/
212. Tazkira // Dictionary of Oriental literatures, Leiden 1974, vol. 3. – 184pp.
213. [http://www.shibliacademy.org/Allama Shibli Nomani](http://www.shibliacademy.org/Allama_Shibli_Nomani), Profile of Shibli Nomani on shibliacademy.org website, Published 11 March 2009, Retrieved 2 Jan 2017.

214. [http://www.shibliacademy.org/Allama Shibli Nomani/Allama Shibli Noman
i by Ian Henderson](http://www.shibliacademy.org/Allama_Shibli_Nomani/Allama_Shibli_Nomani_by_Ian_Henderson), Profile of Shibli Nomani by Ian Henderson Douglas on shibliacademy.org website, Published 16 March 2009, Retrieved 3 Jan 2017.
215. <https://rekhta.org/poets/shibli-nomani/profile>, Profile of Shibli Nomani on rekhta.org website, Retrieved 4 Jan 2017.
216. Shamsur Rahman Farooqi, Shibli Nomani Annual Extension Lecture 2011, Darul Musannefin Shibli Academy, Azamgarh.
217. [http: // nizami-ganjavi. Iatp.az/nizami-ganj](http://nizami-ganjavi.iatp.az/nizami-ganj).